П-74

# СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

П-74

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

# СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ISSAS

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ 1956

# СТАТЬИ

## ГЛУБОКО И ВСЕСТОРОННЕ ИЗУЧАТЬ КРИЗИС И РАСПАД КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА

*А. А. ГУБЕР*

Среди проблем, над исследованием которых работают советские востоковеды, одной из важнейших по своему научному и политическому значению является проблема кризиса и распада колониальной системы империализма.

От глубокого теоретического обобщения процессов возникновения и развития кризиса колониальной системы зависит правильное понимание и освещение новейшей истории стран Азии и Африки, правильный анализ экономических, политических и культурных явлений в этих странах в послеоктябрьский период. Вместе с тем теоретические выводы и обобщения возможны лишь в результате тщательного изучения фактов и материалов по каждой колониальной и зависимой стране, лишь в результате изучения разнообразия проявления в отдельных странах Востока общих закономерностей. Догматическая подмена всестороннего исследования живой действительности, реальных условий существования и борьбы народных масс в каждой отдельной стране готовыми схемами, игнорирование явлений и фактов, не умещающихся в подобные схемы, неизбежно приводит к неправильному, искаженному представлению о процессах, происходящих в странах Востока.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза уделил большое внимание Востоку. В отчетном докладе ЦК КПСС, в выступлениях делегатов, в решениях съезда получили освещение и оценку исторические перемены в странах Азии и Африки. Теоретическое обобщение новых явлений в этих странах, решительный пересмотр устаревших и неверных положений, в течение длительного периода лежавших в основе трактовки многих важных процессов в странах Востока,— образец подлинно научного, марксистско-ленинского подхода к изучению современного Востока.

Перед советскими востоковедами стоит первоочередная задача: изучить и осмыслить решения и материалы XX съезда и на этой основе продолжать всестороннее изучение экономики, политики и культуры стран Востока с позиций творческого марксизма. Только таким путем советские исследователи смогут полноценно разработать проблему кризиса и распада колониальной системы во всем многообразии аспектов этого определяющего судьбы народов Востока явления.

На советских востоковедах лежит также обязанность популяризировать результаты своих исследований среди широчайших масс советского народа, который проявляет исключительный интерес к героиче-

ской борьбе народов Востока за свободу и независимость, к их победам и достижениям на пути строительства новой жизни. Тысячи лекторов обществ по распространению политических и научных знаний, десятки тысяч пропагандистов, не всегда имея в своем распоряжении труды, полно освещающие и анализирующие события и экономические изменения в странах Востока, вынуждены пользоваться более или менее случайными данными, невольно воспроизводя в своих докладах и лекциях имевшиеся в востоковедной литературе неверные или неполные оценки роли различных классов, партий и отдельных политических деятелей стран Востока. Именно поэтому важно, чтобы результаты исследования проблемы кризиса и распада колониальной системы империализма скорее доходили до советского читателя в виде монографий и других работ. Ученые имеют также возможность широко использовать наши журналы для ознакомления общественности с результатами своих исследований, не дожидаясь, пока увидят свет их капитальные труды.

Изучение кризиса колониальной системы империализма представляет собой сложную комплексную проблему. Кризис колониальной системы — неотъемлемая составная часть общего кризиса капитализма. Он является результатом объективных закономерностей развития капиталистической системы на ее империалистической стадии. Торжество Великой Октябрьской социалистической революции — ярчайшее выражение общего кризиса капитализма — на практике показало, что на смену отживающим капиталистическим общественным отношениям, на одной шестой части мира пришли и успешно развиваются отношения социалистические. Октябрьская революция нанесла серьезнейший удар по колониальной системе, окончательно пробудила народы Востока к борьбе за свою независимость, освободила от колониальной эксплуатации угнетенные царизмом народы и обеспечила им возможности равноправного и полноценного развития в братской семье народов Советского Союза. Октябрьская революция, таким образом, свидетельствовала как о начавшемся кризисе капитализма, так и о связанном с ним кризисе колониальной системы.

В основе кризиса колониальной системы и его дальнейшего углубления, приведшего в условиях, сложившихся после второй мировой войны, к распаду колониальной системы, лежат непрерывно возрастающие противоречия. Империалистическое господство колониальных держав обрекает зависимые страны на роль аграрно-сырьевых придатков. Оно тормозит самостоятельное экономическое развитие этих стран. Вместе с тем вывоз капитала в отсталые страны, создание здесь капиталистических иностранных предприятий (плантации, горнодобывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, средства связи) порождают новые, капиталистические отношения, способствуют росту рабочего класса. Развитие торгового земледелия, возникновение новых отраслей промышленности, принадлежащей местному капиталу, вызывают возникновение и развитие как национальной буржуазии, так и пролетариата. Производительные силы в колониальных и зависимых странах наталкиваются на господство империализма, тормозящее и уродующее их развитие. Уничтожение колониального господства становится обязательным условием для свободного развития производительных сил в интересах народов колониальных и зависимых стран. Характер этих противоречий, не разрешимых в рамках сохранения колониального подчинения, предопределяет и заинтересованность в ликвидации империалистического ига, и участие в антиимпериалистической борьбе самых широких слоев колониального населения, создает объективные предпосылки для участия в национально-освободительной борьбе не только трудящихся масс — рабочего класса



и многомиллионного колониального крестьянства, но и имущих классов колониальных и полуколониальных стран.

Кризис колониальной системы, как и общий кризис капитализма, имеет всеобъемлющий характер, он охватывает и экономику, и политику, и культуру, и идеологию. Лишь изучив, как проявляется кризис колониальной системы в каждой колониальной или зависимой стране во всех указанных областях, можно получить правильное представление о степени его глубины, раскрыть причины неравномерного вызревания объективных предпосылок для уничтожения колониального гнета, ответить на вопрос о движущих силах национально-освободительного движения и о роли различных классов на определенных этапах этого движения.

Изучение кризиса колониальной системы империализма требует определения его особенностей в различных странах на различных этапах и общих для всех стран типичных проявлений кризиса. Однако нельзя ограничиться только изучением отдельных стран, пусть даже самым всесторонним. Необходимо также исследовать влияние крупнейших факторов международного порядка на внутренние процессы в странах Востока. В работах советских востоковедов неизменно и правильно отмечается влияние Великой Октябрьской социалистической революции на страны Востока. Однако исследований, специально посвященных этому вопросу, у нас еще нет. Далеко недостаточно изучены такие важные вопросы, как, например, значение для стран Востока опыта революционного разрешения национального вопроса в Советском Союзе, опыта развития по некапиталистическому пути отсталых и угнетенных в прошлом бывших восточных окраин царской России, ныне превратившихся в цветущие социалистические республики, значение построения социализма в Советском Союзе и достижений наших послевоенных пятилеток и т. д.

В 1957 г. Советская страна широко отметит сороковую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Перед советскими востоковедами, перед Институтом востоковедения АН СССР стоит ответственная и почетная задача: показать с достаточной полнотой на новом и большом материале влияние Великой Октябрьской социалистической революции на страны Востока.

Второй этап кризиса колониальной системы — распад колониальной системы империализма — являющийся всемирно-историческим событием послевоенного периода, не может быть понят достаточно всесторонне без тщательного исследования вопроса о значении для стран Азии и Африки второй мировой войны и в особенности разгрома фашистской Германии и империалистической Японии. При изучении распада колониальной системы особое внимание привлекает не только своеобразие процессов в Китае, превратившемся в результате героической борьбы китайского народа под руководством Коммунистической партии Китая в народную республику, но и животворное влияние победоносной китайской революции на освободительную борьбу других стран и народов Азии и Африки.

Распад колониальной системы проявился прежде всего в том, что большинство бывших колониальных и полуколониальных стран завоевало политическую независимость. Наиболее ярким выражением процесса распада колониальной системы является факт не только освобождения ряда стран Востока от колониального ига, но и их отпадение от мировой капиталистической системы. Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам стали составной частью мировой социалистической системы. Взаимоотношения между странами социалистического лагеря, осно-

ванные на полном равенстве и взаимопомощи, обеспечивают входящим в социалистическую систему бывшим полуколониальным и колониальным странам возможность ускоренными темпами развивать свою экономику, улучшать материальное положение трудящихся, развивать культуру, успешно идти по пути к социализму. Задача советских востоковедов состоит в том, чтобы, осмыслив своеобразие путей завоевания независимости и установления строя народной демократии в каждой из названных стран, показать в своих трудах особенности экономических преобразований, государственного строительства и развития культуры в народно-демократических странах Востока.

В последнее время опубликовано немало книг и брошюр, посвященных народно-демократическим странам Востока, и в особенности Китайской Народной Республике, однако большинство этих работ не имеет еще глубокого научно-исследовательского характера.

Не менее сложной является задача в полной мере показать путь завоевания независимости теми странами Востока, в которых этот процесс проходил под руководством национальной буржуазии, выяснить роль народных масс и различных классов на отдельных этапах национально-освободительной борьбы, природу и характер пришедших к власти национальных правительств. В отличие от стран народной демократии освободившиеся от колониальной зависимости Индия, Индонезия, Бирма, Египет и другие страны еще остаются в экономической системе мирового капиталистического хозяйства. Во всех этих странах экономические позиции иностранных монополий, и в первую очередь капитала бывших империалистических метрополий, хотя и подорваны, но еще весьма значительны. На пути ликвидации последствий вековой колониальной зависимости перед всеми этими странами стоят немалые трудности. Однако современная международная обстановка и прежде всего наличие с каждым годом усиливающей свою экономическую мощь мировой социалистической системы создают объективные условия для завоевания этими странами полной экономической независимости, ликвидации господства иностранных монополий. Получение у стран социалистического лагеря, и в первую очередь у Советского Союза, на выгодных условиях, в порядке бескорыстного содействия независимому экономическому развитию, необходимого оборудования, технической консультации и т. д. облегчает задачу индустриализации, дает возможность освободиться от экономической зависимости. То, что невозможно было в условиях господства империалистов в этих странах, что было бы невозможно и после завоевания независимости, если бы не было Советского Союза, мировой социалистической системы, мирового социалистического рынка, сейчас становится реальностью.

Реализация этих объективных возможностей тесно связана с самостоятельной национальной политикой, с борьбой против тех новых форм колониализма, при помощи которых империалистические монополии, и в первую очередь монополии США, стремятся сохранить свой контроль и господство над странами Востока. Это делает особенно важным тщательное изучение внешней и внутренней политики, в том числе и экономической, стран Востока. Нет сомнения, что возникновение и развитие в этих странах государственно-капиталистического сектора, развитие различных форм кооперации дают возможность лучше защищаться от наступления иностранных монополий, подрывают их позиции.

В настоящее время в Азии и Африке с точки зрения особенностей внутреннего развития и стоящих задач можно наметить следующие типы стран: 1) страны Востока, входящие в социалистический лагерь, 2) страны Востока, завоевавшие независимость и ведущие свою самостоятельную, независимую политику, не связанные кабальными экономическими соглашениями и не участвующие в агрессивных блоках, 3) страны, политически независимые, но на деле опутанные сетью навязанных им кабальных экономических и военно-политических соглашений, и 4) страны, еще остающиеся колониями империалистических держав.



Совершенно очевидно, что отнесение той или иной страны к характерным для периода распада колониальной системы типам не является неизменным, раз навсегда данным. Сейчас происходит банкротство тех новых методов, при помощи которых империалистические силы еще удерживают некоторые политически независимые страны в орбите своего господства, происходит мощный рост сил национально-освободительного движения в странах, еще остающихся колониями. Это приближает неизбежную ликвидацию позорной колониальной системы и полное освобождение народов Азии и Африки.

Изучение кризиса колониальной системы мыслимо лишь комплексно. Эта задача может быть решена объединенными усилиями востоковедов-экономистов, историков и специалистов в области современной культуры и идеологии. Глубокое и всестороннее исследование всех аспектов проблемы распада колониальной системы требует объединения усилий ряда институтов и даже отделений Академии наук СССР, координации с высшими учебными заведениями и исследовательскими институтами за ее пределами. Включение этой проблемы как одной из основных проблем в работу Института востоковедения вытекает из комплексного характера института, имеющего в своем составе историков, экономистов, литературоведов и т. д.

Проблема кризиса колониальной системы разработана крайне недостаточно. Капитальных исследований еще не имеется. Отдельные попытки в этом направлении в основном представляют собой сборники исследовательских статей по отдельным странам, снабженные более или менее пространными вводными статьями («Углубление кризиса колониальной системы империализма». М., 1953, Институт экономики АН СССР; «Кризис колониальной системы. Национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии». М., 1953, Тихоокеанский институт АН СССР).

Краткое освещение некоторых вопросов кризиса колониальной системы содержится в статьях и лекциях, опубликованных в журналах «Вопросы экономики», «Советское востоковедение», в брошюрах издательства «Знание» и т. д. (работы В. Я. Аварина, В. Я. Васильевой, А. А. Губера, Е. М. Жукова, В. А. Масленникова). В монографиях, посвященных международным отношениям, межимпериалистическим противоречиям, колониальной системе тех или иных держав (работы В. Я. Аварина, Е. С. Варги, В. Я. Васильевой, И. М. Лемина и др.), проблема кризиса колониальной системы затрагивается, но не получает достаточного и всестороннего освещения. В работах зарубежных прогрессивных авторов, как, например, в работе П. Датта «Кризис Британской империи», содержится ценный материал по отдельным вопросам кризиса колониальной системы.

В многочисленных монографиях буржуазных ученых, главным образом написанных после второй мировой войны, по колониальным вопросам и колониальной политике содержится обширный фактический материал. Критическое использование этих работ, часто основанных на недоступных советскому исследователю источниках, необходимо при разработке проблем. Используя работы буржуазных авторов, относящиеся в той или иной мере к проблеме кризиса колониальной системы империализма, необходимо особенное внимание уделять разоблачению защитников колониальной системы, а также различного рода «теорий», пытающихся отри-

цать империалистический характер колониальной политики после второй мировой войны.

Комплексная разработка проблемы кризиса и распада колониальной системы обязательно предполагает глубокое исследование отдельных вопросов экономики, истории и культуры стран Востока в новейшее время. Отметим лишь некоторые, с нашей точки зрения, важнейшие вопросы, основательное изучение которых необходимо для того, чтобы стало возможным обобщение процесса распада колониальной системы.

К таким вопросам относится изучение колониальной политики империалистических держав и особенностей колониальной системы в период общего кризиса капитализма. Важно исследовать, как иностранный капитал хозяйничал в странах Востока различного типа и уровня экономического развития, какие методы он применяет для захвата командных высот в экономике и какие формы использует для политического и идеологического проникновения. В задачу исследователей должно входить выявление особенностей, характерных для первого и второго этапов общего кризиса капитализма. Глубокая разработка этого вопроса должна предусматривать специальные монографии, посвященные исследованию деятельности иностранных монополий в различных отраслях экономики стран Востока, связям между монополиями и борьбе между ними, связям иностранных монополий с местным капиталом, методам господства иностранных монополий (управляющие агентства, смешанные общества и т. д.) и тем новым ухищрениям, к которым прибегают империалистические державы в отношении добившихся независимости стран Азии и Африки. Особого изучения требуют вопросы политики иностранных монополий в отношении народно-демократических стран Азии.

Роль иностранного капитала в странах Востока показана советскими исследователями лишь в общих работах по международным экономическим проблемам и исследована только в некоторых аспектах по отношению к некоторым странам. За последнее время отдельные стороны колониальной политики империалистических держав, и в частности экономическая деятельность монополий, становятся предметом диссертационных работ, большая часть которых, однако, остается неопубликованной. Из имеющихся в зарубежной литературе работ лишь очень немногие, например «Тресты-миллиардеры», разоблачают деятельность иностранных монополий в странах Востока.

Особенное внимание должно быть уделено Африке и в первую очередь Экваториальной Африке. То обстоятельство, что эти части Африканского континента в настоящее время остаются последним районом неограниченной колониальной эксплуатации, что здесь в условиях резко сузившейся сферы монопольного колониального господства отдельных империалистических держав развивается усиленное наступление империалистических монополий и обостряется межимпериалистическая борьба, делает задачу изучения отдельных колониальных стран Африки и континента в целом весьма важной и актуальной. Ни одной капитальной монографии, посвященной африканским колониям, в советской литературе еще не имеется.

При изучении колониальной системы и колониальной политики необходимо проследить влияние империалистических держав на развитие производительных сил в различных странах Азии и Африки.

Для понимания причин развития и углубления кризиса колониальной системы большое значение имеет изучение аграрного вопроса в странах Востока. Изучение аграрного вопроса предполагает глубокое исследование землевладения и землепользования. Определение, в чьих руках находится земля в каждой отдельной стране Востока, в каком направлении идет процесс перераспределения земли и обезземеливания основных масс крестьянства, исследование форм землепользования и взаимоотношений между различными категориями земельных собственников и безземельными и малоземельными арендаторами — позволят дать правильную картину классовой структуры деревни и выявить основные противоречия. Тщательный анализ этих вопросов единственно может обеспечить научную основу для определения роли различных классов и слоев не только в аграрной революции, но и на определенных этапах антиимпериалистической борьбы. При изучении аграрного вопроса необходимо исходить из общих, уже выявленных закономерностей и вместе с тем учитывать особенности различных стран и типов стран. С всесторонней разработкой аграрного вопроса связано и изучение крестьянских движений, роли крестьянства как движущей силы, союза рабочего класса и крестьянства, составляющего одну из важнейших сторон национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.



Исследование аграрного вопроса и аграрных преобразований, проведенных в странах Востока после завоевания независимости, предполагает тщательное изучение состояния сельского хозяйства. Необходимо, в частности, исследовать, чем обусловлена колониальная политика империалистов в сельском хозяйстве колониальных и зависимых стран, задержка развития производительных сил в сельском хозяйстве и его деградация, в особенности раскрыть те внутренние процессы, которые происходят в сельском хозяйстве колониальных и зависимых стран в условиях кризиса. При этом должно иметь в виду разработку наименее изученных вопросов, в частности вопросов развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве колониальных и зависимых стран и их особенностей в условиях сохранения феодальных пережитков.

В то же время заслуживают пристального внимания мероприятия и достижения добившихся своей независимости стран Востока по развитию сельского хозяйства, связь этих мероприятий с вопросами промышленного развития и ликвидацией засилья иностранных монополий. Важно проследить, какое отражение находят в несоциалистических странах Востока успехи в области развития сельского хозяйства и методы, которыми они достигаются в странах социалистической системы, в частности в Китайской Народной Республике.

В настоящее время разработка вопросов, связанных с развитием капитализма в сельском хозяйстве, находится лишь в самой зачаточной стадии. Специальных монографий, обобщающих процессы в сельском хозяйстве в целом по колониальным и зависимым странам, нет, да и не могло, пожалуй, быть при недостаточном еще изучении этих процессов по отдельным странам. Опубликованные в свое время Международным аграрным институтом сборники уже значительно устарели и, кроме того, имеют по преимуществу справочный характер. В общих трудах по отдельным странам Востока эти вопросы затрагиваются лишь попутно, хотя имеющийся в них материал несомненно имеет определенную ценность и может быть использован при дальнейшей разработке аграрного вопроса.

Чрезвычайно важным для изучения кризиса и распада колониальной системы является подробный анализ развития промышленности в странах Востока. Советские исследователи сравнительно хорошо показали, как империалистические державы мешали самостоятельному промышленному развитию стран Азии и Африки, препятствовали развитию тяжелой промышленности, и особенно производства средств производства, чтобы сохранить страны Азии и Африки в качестве аграрно-сырьевых придатков метрополии.

Однако предстоит еще большая работа по изучению империалистической политики в отношении ряда колониальных и полуколониальных стран, в первую очередь стран Африки. Особенно важно изучать современную политику империалистов в отношении промышленного развития стран, добившихся политической независимости. Здесь нельзя не учитывать принципиально новой обстановки, возникшей в результате второй мировой войны и образования мировой социалистической системы. Последнее обстоятельство, открывая, как отмечалось выше, перед странами, добившимися независимости, широкие и реальные перспективы самостоятельного промышленного развития при помощи Советского Союза и других стран социалистической системы, оказывает громадное влияние на политику империалистических держав.

В условиях распада колониальной системы иностранные монополии лишаются возможности препятствовать индустриализации независимых стран Востока. Более того, в новой обстановке иностранные монополии не только вынуждены включаться в дело строительства объектов тяжелой промышленности, но и не могут более заключать подряды на прежних кабальных условиях. В этой связи перед советскими учеными стоит задача изучить, какими методами иностранные монополии пытаются обеспечить возможность контроля над создаваемыми при их участии предприятиями тяжелой промышленности, какие противоречия и с какими группами господствующих классов стран Востока эти методы порождают. Подлинный смысл различных форм «помощи» по плану Маршалла, по пресловутому четвертому пункту «программы Трумэна», на основе соглашений о взаимной обороне и т. д. становится ясным народам стран Востока, и все большее число стран Востока, которым империалисты навязали эти формы «помощи», отказываются от них. Не случайно организаторам СЕАТО не удалось привлечь к этому агрессивному пакту страны Юго-Восточной Азии, которые проводят независимую политику, а Багдадский пакт вызвал отпор огромного большинства арабских стран.

Особого внимания при изучении промышленности в странах Востока заслуживают особенности возникновения и развития различных отраслей промышленного производства в странах Востока в условиях первого и второго этапов общего кризиса капитализма. В общих работах по отдельным странам Востока и в некоторых диссертациях основные моменты и условия промышленного развития колониальных и зависимых стран выяснены, однако до настоящего времени нет монографий, в которых были бы исследованы важнейшие отрасли промышленности даже наиболее крупных стран Востока, крайне слабо изучены вопросы промышленного развития и его особенности в большинстве стран Ближнего Востока, в странах Юго-Восточной Азии. Несомненно, в перспективных планах институтов Академии наук СССР, республиканских академий и высших учебных заведений эти темы должны найти свое отражение и как соответствующий раздел комплексных работ, и как отдельные исследования.

Слабо изучены низшие формы промышленного производства, и в частности капиталистического предпринимательства, в странах Востока, несмотря на то, что для большинства стран, в том числе и стран, подобно Индии, обладающих крупной промышленностью, эти низшие формы играют громадную роль. Между тем, если в отношении Индии в этом направлении кое-что уже проделано, то для большинства стран Ближнего и Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии изучение этих вопросов по-настоящему даже не начато.

Самого пристального изучения заслуживают концентрация и централизация национального капитала, образование монополий в странах



Востока и их отличие от империалистических монополий. Первостепенный интерес и важность представляют особенности и роль государственного капиталистического сектора, в частности в аспекте исследования путей промышленного развития и организации производства средств производства, необходимость которого учитывают все страны Востока, вступившие на путь борьбы за ликвидацию последствий колониального режима. При этом необходимо раскрыть отношение различных групп имущих классов к государственному капитализму и госкапиталистическому сектору.

С изучением промышленности, так же как и процессов развития капитализма в сельском хозяйстве, связан вопрос об особенностях формирования и развития буржуазии и пролетариата в странах Востока.

Изучение колониальной буржуазии представляется весьма важной задачей при разработке проблемы кризиса колониальной системы. Советским востоковедам надлежит разобраться в понятии «компрадорская буржуазия». В нашей литературе подчас этот термин применяется без достаточного анализа процессов эволюции так называемой компрадорской буржуазии. Недостаточно учитывается в каждом конкретном случае значение для представителей крупной буржуазии их роли агента и посредника иностранных монополий, с одной стороны, и их связей с национальной промышленностью и национальным производством — с другой. Недостаточный учет принципиальных изменений в условиях существования и деятельности так называемых компрадоров, которые вносит распад колониальной системы, наличие социалистической системы и возможностей самостоятельного экономического развития стран Востока, приводит к неправильному определению многих групп и слоев буржуазии той или иной страны Азии и Африки.

Особенного внимания заслуживает изучение национальной буржуазии. Конкретное раскрытие этого понятия применительно к различным странам Востока и всестороннее изучение национальной буржуазии на различных этапах кризиса колониальной системы особенно необходимы, если учесть, что целый этап в наших востоковедных работах характеризовался недооценкой национальной буржуазии в национально-освободительном движении. Ошибочность утверждений о невозможности для стран колониального Востока добиться независимости под руководством национальной буржуазии, недооценка имманентных противоречий между колониальной буржуазией и империализмом были вскрыты в отчете Центрального Комитета КПСС XX съезду и в выступлениях делегатов. Перед советскими востоковедами стоит большая задача: на основе изучения материалов XX съезда пересмотреть прежние ошибочные положения в этом вопросе и дать подлинно научный, марксистский анализ.

Большой удельный вес во всех странах Востока городской мелкой буржуазии и особенности колониального крестьянства требуют самого тщательного изучения экономической роли и положения ее различных слоев, а также политических партий и течений, отражающих интересы мелкой буржуазии.

Создание монографических исследований по отдельным странам или группам стран поможет выяснить и правильно показать, как отражались интересы различных классов и групп в ходе национально-освободительного движения, вскрыть классовые корни многих явлений в области культуры и идеологии. Эти работы пока еще весьма малочисленны.

Изучение рабочего класса стран Востока на первом и втором этапах кризиса, несомненно, является одним из важных условий всесторонней разработки проблемы кризиса колониальной системы. Опираясь на достижения советских востоковедов в области изучения истории пролетариа-

та и выявления особенностей его формирования в колониальных условиях в доимпериалистический период и в период до начала общего кризиса, необходимо выяснить, какие изменения произошли в положении рабочего класса, в формах его эксплуатации и т. д. в период кризиса колониальной системы. Исследование структуры рабочего класса в отдельных странах, его национального состава и особенностей даст возможность правильно показать, как развивается классовое самосознание пролетариата, растет его организация, каковы особенности этих процессов, объективные и субъективные предпосылки для завоевания рабочим классом гегемонии в национально-освободительном движении, как рабочий класс борется за завоевание руководящей роли в этом движении.

Борьба за единство рабочего класса в конкретных условиях отдельных стран, история рабочего движения, возникновение рабочих организаций, зарождение и развитие коммунистического движения в условиях общего кризиса капитализма должны быть изучены во всей полноте. Только тогда можно будет понять современные процессы в рабочем движении, выяснить, как происходит освобождение рабочего класса от чуждых ему идеологических влияний.

Изучение всех этих вопросов даст возможность создать обобщающие работы по истории рабочего класса и выяснить, каким образом происходило превращение его в ряде стран в ведущую и решающую силу национально-освободительных движений, силу, под руководством которой были осуществлены народно-демократические революции, обеспечивающие дальнейшее развитие стран Востока по пути социализма.

Национально-освободительные движения в странах Востока являются одним из ярких выражений кризиса колониальной системы.

Советские востоковеды написали довольно много работ, в которых рассматривается национально-освободительное движение в отдельных странах и в различные периоды. В последние годы подготовлено и защищено также относительно много диссертаций. В этих исследованиях уделяется внимание как движущим силам революционного движения в колониальных и зависимых странах, так и силам, ему противодействующим — внутренним и внешним. Вместе с тем на работах, посвященных национально-освободительному движению, сказалось то, что многие из перечисленных выше вопросов были разработаны слабо. Недостаточная разработка этих вопросов приводила к неправильному определению роли отдельных классов на различных этапах национально-освободительного движения, к оценке тех или иных явлений, политических деятелей и партий, к принижению роли народных масс — подлинного творца истории.

Исследования национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки, естественно, должны явиться темой специальных монографий и занять большое место в общих работах по новой и новейшей истории стран Востока.

Исключительно важным является изучение развития народно-демократических стран Азии и в первую очередь Китайской Народной Республики. Победа народной революции в Китае и образование Китайской Народной Республики, успешно идущей по пути строительства социализма, является крупнейшим событием после Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение форм и методов революционной победоносной борьбы в народно-демократических странах под руководством рабочего класса, условий возникновения народно-демократических государств и их развития представляет собой большой теоретический интерес. Опыт борьбы и демократического строительства в этих странах имеет также громадное практическое значение для всех народов колониальных и зависимых стран, для народов Азии и Африки.



Проблеме кризиса колониальной системы большое место должно быть уделено при написании новейшей истории стран Востока.

Первые опыты освещения новейшей истории стран Востока (лекции по новейшей истории стран Востока, опубликованные Московским университетом, объединенные в двух томах, «Очерки новейшей истории стран зарубежного Востока», подготовленные Институтом востоковедения АН СССР, лекции по отдельным странам, выпущенные ВПШ) идут навстречу назревшим и все возрастающим требованиям советской общественности. Однако сжатая форма учебных пособий, естественно, не дает возможности всесторонне осветить происходящие в странах Востока процессы. Кроме того, авторы лекций и учебников при отсутствии капитальных монографий и обобщений испытывали большие трудности при обобщении процессов, при отборе наиболее ярких и убедительных фактов. В частности, значительным пробелом всех указанных исторических работ следует признать то, что в них недостаточно раскрыты экономические предпосылки и последствия кризиса колониальной системы, современные явления в области литературы, науки, искусства. Необходимо тщательно изучать то новое, что вносит в область идеологии победа социалистического пути развития в ряде стран и возникновение мировой социалистической системы. Популярность идей социализма среди самых широких народных масс во всех странах Востока настолько велика, что и национальная буржуазия в ряде несоциалистических стран (Индия, Бирма и др.) официально выдвигает задачу построения социализма — создание экономики социалистического типа и т. п. Стремление использовать тот богатый и плодотворный опыт, который накоплен не только в Советском Союзе, но и в других странах социалистической системы, характеризует современную научную литературу в странах Востока.

Распад колониальной системы приводит также к глубокому кризису в области культуры и идеологии во всех странах, являвшихся колониями иностранных держав. Избавившись от колониального режима, страны Азии и Африки стремятся спастись и от идеологического влияния колонизаторов, воскресить и развить свою национальную свободную культуру. Изучая эти вопросы, не следует, однако, упускать из виду те новые методы и ту упорную борьбу, которую ведут империалистические силы с целью обмана народов Востока и сохранения возможности идеологической экспансии.

Следует изучать, как отражаются в современной художественной литературе стран Востока новые процессы и новые идеологические явления. В этой области сделано еще очень мало.

Всеобъемлющее исследование проблемы кризиса колониальной системы требует ряда организационных мер и материального обеспечения. Ускорение сроков разработки вопросов кризиса колониальной системы и ее распада и их всестороннее освещение требуют прежде всего широкого сотрудничества и координации между различными институтами и учеными, требуют не только ряда организационных мероприятий по Институту востоковедения АН СССР, но и согласования планов и правильного распределения тем и сил в институтах Академии наук СССР. В первую очередь это относится к создаваемому Институту мировой экономики и международных отношений. Необходима также координация работы Института востоковедения с научно-исследовательской работой высших учебных заведений. Большую роль при разработке отдельных тем должны сыграть диссертационные исследования аспирантов и докторантов как академических институтов, так и высших учебных заведений. До настоящего времени все еще наблюдается дублирование, параллелизм, выбор в качестве диссертационных исследований второстепенных тем.

В работах Всесоюзной конференции востоковедов, которую намечено созвать в 1957 г., обсуждение научных и организационных мероприятий по изучению проблемы распада колониальной системы должно занять важное место.

Из материальных условий прежде всего следует указать на необходимость расширить поступление литературы и источников, особенно из стран Востока, организовать систематические научные командировки востоковедов для работы в библиотеках и архивах зарубежных стран, провести серьезные мероприятия по улучшению изучения восточных языков и особенно тех, которые у нас никогда не изучались или перестали изучаться.

Важнейшим материальным условием для того, чтобы результаты разработки столь актуальной проблемы во-время становились достоянием читателя, несомненно, является создание востоковедной полиграфической базы. Нельзя признать нормальным, что многие ценные исследования, в том числе и диссертационные работы, посвященные проблеме кризиса колониальной системы, годами не могут быть напечатаны.

Большую роль в освещении вопросов кризиса и распада колониальной системы империализма, в своевременном ознакомлении советской общественности с результатами исследований по этой проблеме призван сыграть журнал «Советское востоковедение». Надо сказать, что пока в этом направлении журналом сделано еще мало.

Большие и ответственные задачи стоят перед советскими востоковедами. Нет никакого сомнения в том, что они, руководствуясь решениями XX съезда партии, с честью справятся с этими задачами.

# КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

*А. П. БУТЕНКО*

В результате продолжительной революционной борьбы великий китайский народ одержал всемирно-историческую победу: 1 октября 1949 г. было провозглашено создание Китайской Народной Республики. После Великой Октябрьской социалистической революции и поражения фашизма во второй мировой войне победа китайской революции нанесла новый сильнейший удар по всей системе капитализма и явилась высшим выражением тех знаменательных перемен, которые в последние годы происходят в Азии. Благодаря созданию Китайской Народной Республики из цепей империализма была вырвана страна с 600-миллионным населением, прочно ставшая на путь прогресса, демократии и социализма. Этот путь революционного возрождения Китая, являясь одной из многообразных форм развития к социализму, имеет свою весьма характерную черту: в процессе китайской революции осуществляется исключительно своеобразный переход к социализму полуколониальной, полуфеодальной страны через новодемократическое общество, минуя стадию господства капиталистического строя.

Своими успехами китайский народ обязан тому, что его революционная борьба развивалась и развивается под идейным знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии Китая, созданной 35 лет назад — 1 июля 1921 г. Только коммунистическая партия, пользующаяся единственно научным методом исследования — материалистической диалектикой, смогла разобраться в сложном клубке противоречий китайского общества, указала пути революционного разрешения этих противоречий, сумела дать массам правильные лозунги борьбы и привести народ к победе.

Опираясь на марксистско-ленинское учение и учитывая специфические условия своей страны, Коммунистическая партия Китая выработала революционную стратегию и тактику, дала глубокую характеристику китайской революции и ее особенностей. Она указала, что важнейшая историческая особенность китайской революции состоит в том, что она имеет два этапа, две фазы: первая — демократическая революция, а вторая — социалистическая революция. Это — два различных по своему характеру революционных процесса[1].

Лишь уяснив различие между демократическим и социалистическим этапами революции и в то же время видя существующую между ними неразрывную связь, можно правильно понять единый процесс революционных преобразований в Китае, можно правильно понять сущность китайской революции.

[1] См. *Мао Цзэ-дун*. Избр. произв., т. 3, стр. 205.

* * *

Одна из важнейших отличительных черт китайской революции состоит в том, что ее первый, демократический, этап представляет собой не обычную буржуазно-демократическую революцию, какие происходили в XIX в., а особую, новодемократическую революцию, имеющую своеобразные экономические и политические задачи, являющуюся частью мировой социалистической революции.

Новодемократическая революция выросла из материальных условий развития полуфеодального, полуколониального китайского общества в эпоху общего кризиса капитализма и имела своей непосредственной объективной основой два глубочайших экономических противоречия. С одной стороны, это было противоречие между развитием производительных сил и пережитками феодализма. С другой стороны, это было противоречие между национальным экономическим развитием и иностранным империализмом. Обострение этих противоречий порождало два революционно-демократических потока: антифеодальное, буржуазно-демократическое движение, направленное против помещиков, и антиимпериалистическое национально-освободительное движение, направленное против иностранных монополий и бюрократического капитала. В соединении этих двух потоков революционного движения — суть демократической революции в Китае.

Специфические условия китайской революции поставили перед пролетариатом и его коммунистической партией историческую задачу: дать революционным массам ясную программу борьбы, слить воедино эти два революционно-демократических потока, завоевать гегемонию в этой борьбе и тем самым обеспечить победу демократической революции. Творчески применяя и развивая марксизм-ленинизм, Коммунистическая партия Китая четко определила свою стратегию и тактику в демократической революции, указала перспективы ее развития.

Коммунистическая партия разъясняла массам, что острие демократической революции не направлено против капитализма, капиталистической собственности вообще — ее главными врагами являются класс помещиков-феодалов и иностранные империалисты вместе с находящейся у них в услужении китайской компрадорской буржуазией. Совершить эту революцию могут лишь объединенный народ Китая: пролетариат, крестьянство, мелкая буржуазия и представители других классов, способные бороться против империализма, феодализма и бюрократического капитала. При этом коммунисты подчеркивали, что для победы на первом этапе решающее значение имеет создание широкого союза пролетариата и крестьянства при гегемонии пролетариата в целях борьбы за независимость и демократию. «Основной силой революции,— говорил Мао Цзэ-дун,— являются рабочие и крестьяне, а руководящей силой — рабочий класс. Без этой основной силы революция не может победить, без руководства рабочего класса завершение антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции невозможно».

Задача этого первого этапа революции состояла в том, чтобы после свержения империализма и феодализма создать не буржуазно-демократическое общество, а новодемократическое общество, обеспечивающее поступательный путь развития Китая к социализму. Революционное преобразование полуколониального, полуфеодального общества в новодемократическое общество — это и есть основное содержание процесса демократической революции. Чтобы добиться этой цели, провозглашенной Коммунистической партией Китая в качестве своей программы-минимум, нужно было утвердить в стране власть народа, ликвидировать привилегии империалистических держав, передать бюрократический капитал в собственность народного государства, осуществить земельную реформу.

[1] *Мао Цзэ-дун.* Избр. произв., т. 3, стр. 10—11.



Партия на протяжении трех десятилетий всю свою энергию направляла на создание мощного фронта революционных сил, освещая массам пути революционной борьбы и разъясняя условия ее успеха. Но выковывая единый антиимпериалистический, антифеодальный фронт, китайский пролетариат боролся за то, чтобы гегемония в этом едином фронте принадлежала ему, чтобы центром формирования народного фронта была коммунистическая партия, а основой фронта служил революционно-демократический союз пролетариата и крестьянства. Новейшая история Китая и есть прежде всего история самоотверженной военной и мирной, кровавой и бескровной, экономической и идеологической борьбы пролетариата и его коммунистической партии за создание и победу широкого народно-демократического фронта.

В ходе этой борьбы народные массы на собственном опыте убеждались в правильности политики коммунистической партии и оказывали ей все бóльшую поддержку. Стремясь расширить фронт революционных сил, пролетариат вовлекал в революционное движение и отдельные слои буржуазии, проводя по отношению к ним гибкую политику «союза и борьбы». Когда буржуазия выступала в союзе с пролетариатом против империализма и феодализма, пролетариат использовал ее революционные возможности и вместе с тем вел борьбу за оттеснение буржуазии от руководства революцией, за свою гегемонию в революции. Эта борьба имела первостепенное значение: если противоречие между империализмом и китайским народом и противоречие между феодализмом и народными массами являлись главными противоречиями полуколониального, полуфеодального китайского общества, то борьба между пролетариатом и буржуазией за руководство народными массами в революции была определяющей формой классовой борьбы внутри самого народного фронта. Именно в результате этой борьбы безраздельное руководство демократической революцией было завоевано пролетариатом и его партией, и только благодаря этому стало возможным успешное разрешение противоречий китайского общества.

Процесс развития демократической революции в Китае имел две основные особенности. Мао Цзэ-дун так говорит об этом: «...1) создание пролетариатом единого революционного национального фронта с буржуазией или вынужденный разрыв этого фронта и 2) вооруженная борьба как главная форма революции стали двумя основными особенностями процесса развития буржуазно-демократической революции в Китае»[3].

В новодемократической революции, начавшейся «движением 4 мая» 1919 г., было четыре исторических периода: 1) первая великая революция (первая гражданская война) 1924—1927 гг.; 2) революционная аграрная война (вторая гражданская война) 1927—1937 гг.; 3) война против японских захватчиков (национально-освободительная война) 1937—1945 гг.; 4) народно-революционная война (третья гражданская война) с 1946 г. до победы революции в 1949 г., до создания новодемократического общества.

[3] *Мао Цзэ-дун.* Избр. произв., т. 3, стр. 103.



□ 13821

В последней фазе гражданской войны, когда руководящая роль рабочего класса была признана крестьянством, мелкой буржуазией и национальной буржуазией, революция развернулась под лозунгом борьбы за создание народной республики и приобрела невиданный размах и глубину. К этому времени в результате разгрома гитлеровской Германии и империалистической Японии во второй мировой войне на международной арене произошло коренное изменение соотношения сил в пользу социализма. Это явилось одним из решающих условий победоносного развития революции. «Если бы не существовало Советского Союза,— указывал Мао Цзэ-дун,— если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии, если бы не было усиливающейся борьбы угнетенных стран Востока, если бы не было борьбы народных масс в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и в других капиталистических странах против правящей реакционной клики, если бы не было всех этих факторов, то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет»[4].

Используя благоприятную обстановку, китайский народ вступил в решающую схватку с силами реакции. Под руководством Коммунистической партии Китая бойцы и командиры Народно-освободительной армии, опираясь на помощь и поддержку широких народных масс, в ожесточенных боях нанесли сокрушительный удар гоминьдановским армиям, разгромили их основные силы и тем обеспечили переход власти в руки народа.

В 1949 г. из представителей Коммунистической партии Китая, всех демократических партий и групп, представителей Народно-освободительной армии, народных организаций и всех районов был образован Народный политический консультативный совет (НПКС), явившийся формой организации единого народно-демократического фронта пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и национальной буржуазии. Представляя волю народа всей страны, Народный политический консультативный совет под руководством коммунистической партии выработал свою Общую программу и 1 октября 1949 г. провозгласил создание Китайской Народной Республики. Созданная в Китае народно-демократическая власть стала важнейшим органом новодемократической революции, а Общая программа НПКС, выполнявшая на протяжении ряда лет роль временной конституции, явилась программой завершения этой новодемократической революции, создания в Китае общества новой демократии и подготовки условий для социалистических преобразований.

Главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. До октября 1949 г. господствующее положение в Китае занимала гоминьдановская власть, то есть государственная власть крупных помещиков и бюрократического капитала, опиравшаяся на империализм и тесно связанная с ним. С разгромом гоминьдановцев антинациональная, антинародная власть этих классов была свергнута, и в Китае была провозглашена народная республика, что означало установление в Китае подлинно национальной, народно-демократической государственной власти, демократической диктатуры народа, то есть диктатуры ряда демократических классов, возглавляемых пролетариатом. «Диктатура народной демократии в Китае,— говорилось в Общей программе

[4] *Мао Цзэ-дун.* О диктатуре народной демократии. М., Госполитиздат, 1949, стр. 9.



НПКС,— является государственной властью Народного демократического единого фронта рабочего класса, крестьян, мелкой буржуазии, национальной буржуазии и прочих патриотических демократических элементов, основанной на союзе рабочих и крестьян и руководимой рабочим классом»[5]. Сразу после создания Китайской Народной Республики эта демократическая власть народа, как орган демократической революции, должна была выполнить следующие основные задачи: подавить сопротивление свергнутых контрреволюционных классов; организовать восстановление страны и проведение новодемократических преобразований в экономике; укрепить вооруженные силы революции, ее армию для отпора внешним врагам, для борьбы с империализмом.

Осуществление этих задач было возможно лишь при создании новой демократической государственной машины. Особенности развития демократической революции в Китае наложили свою печать на процесс создания этой машины. В силу неравномерности развития революции в отдельных областях, в связи с тем, что основной формой развития ее являлась вооруженная борьба, труднейшая задача революции — разрушение и слом старого государственного аппарата насилия — была выполнена не путем вооруженного восстания, а в результате длительной гражданской войны, шаг за шагом расшатывавшей и, наконец, разбившей господствующую государственную машину. В ходе развития демократической революции реакционные гоминьдановские армии, антинародная полиция были разгромлены и заменены Народно-освободительной армией, народной милицией, а гоминьдановский бюрократический аппарат повсеместно заменялся демократической властью военно-административных комитетов. Как по своему происхождению, так и по классовому содержанию и структуре возникшее в ходе китайской революции государство явилось органом власти большинства, новым типом государства. Установление народно-демократической власти, руководимой рабочим классом и его партией, создание нового типа государства является одним из важнейших политических отличий новодемократической революции от буржуазно-демократических революций старого типа.

Утверждение в Китае общегосударственной народно-демократической власти означало решающую победу китайской революции. Эта победа коренным образом изменила жизнь китайского народа, открыла перед ним новые пути развития, потрясла до основания всю систему империализма. Народные массы, рабочие и крестьяне стали хозяевами своей страны. «Китайцы, составляющие одну четвертую часть человечества,— говорил Мао Цзэ-дун,— отныне воспрянули». Установив дружеские связи с Советским Союзом и странами народной демократии, Китайская Народная Республика прочно вошла в лагерь мира, демократии и социализма и тем самым неизмеримо усилила его международные позиции.

Провозглашение Китайской Народной Республики является историческим рубежом в развитии китайской революции: на этом рубеже произошло перерастание демократического этапа революции в социалистический. Этот переход в Китае особенно сложен. Объясняется это тем, что сама демократическая революция — не единичный акт, а целый процесс превращения полуколониального, полуфеодального Китая в новодемократическое общество. Он включает в себя как политическую революцию, направленную на установление народно-демократической вла-

[5] «Общая программа Народного политического консультативного совета Китая». М., Госполитиздат, 1950, стр. 3.

сти, так и экономический переворот, состоящий в ликвидации экономических позиций империализма, феодализма и бюрократического капитала с целью создания новодемократической экономики. Сами политические и экономические преобразования не совпадают по времени. К тому же в Китае демократическая революция и территориально развивалась неравномерно, в разных областях, в разные сроки. Но в связи с опасностью, создаваемой для народной демократии стихийным развитием капитализма и мелкотоварного хозяйства, ни в какой области, ни в какой сфере общественной жизни между завершением демократической и развитием социалистической революции нельзя было допускать вклинивания промежуточного периода: только завершая демократическую революцию, можно было создать условия для глубоких социалистических преобразований; лишь начиная социалистические преобразования, можно было закрепить победу демократической революции. Поэтому везде и всюду, в той мере, в какой полуколониальный и полуфеодальный Китай становился новодемократическим, противоречие между капитализмом и социализмом становилось главным противоречием его развития, а борьба за разрешение этого противоречия — главным, социалистическим содержанием китайской революции.

Однако, поскольку основным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти и поскольку в Китае решение этого основного вопроса новодемократической революции было завершено созданием Китайской Народной Республики, постольку в этом основном вопросе новодемократическая революция в Китае была завершена в октябре 1949 г. Если говорить об этапах исторического развития, то тогда китайская революция от этапа новодемократического перешла к этапу социалистическому, с этого времени основным классовым противоречием в народно-демократическом Китае становится противоречие между рабочим классом и буржуазией. Но можно ли считать, что уже с октября 1949 г. главными и непосредственными экономическими задачами народно-демократического государства стали задачи строительства социализма, т. е. разрешение противоречия между капитализмом и социализмом? Нет, нельзя. В принятой в октябре 1949 г. Общей программе НПКС еще не была определена цель строительства социализма. Орган ЦК КПК — газета «Жэньминьжибао» указывала: «Тогда многие задачи народно-демократической революции в нашей стране еще не были полностью завершены. Нам еще надо было разрешить противоречия в деревне между феодализмом и демократизмом, то есть между помещиками и крестьянами; мы еще не могли разрешить противоречия между капитализмом и социализмом; мы должны были также провести демократические преобразования в городах, в промышленности и торговле. А широкие народные массы имели слабое представление о социализме, и их уровень сознательности был крайне низок. В то же время наш опыт в руководстве делом государственного строительства был чрезвычайно мал. Поэтому Общая программа Народного политического консультативного совета не ставила на повестку дня вопрос о социалистическом строительстве. Это соответствовало тогдашней исторической обстановке»[6].

Следовательно, непосредственно после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. перед Коммунистической партией Китая встала сложнейшая задача: завершая экономические преобразования первого этапа революции, готовить массы к борьбе за социализм, за социалистическую революцию. В этот период в китайской революции были две разнородные линии борьбы: одна в недрах старого, *еще* не уничтоженного полуколониального, полуфеодального строя, другая — в недрах нового, *уже* родившегося демократического строя. Одна — общенациональная, общенародная борьба за независимость, за демократию, т. е. за демократическую диктатуру народа, другая — борьба рабочих и всех трудящихся против буржуазии за социалистическое переустройство общества. Восстановительный период 1949—1952 гг. и есть, с одной стороны, период завершения новодемократических преобразований, а с другой стороны, период подготовки и начала социалистических преобразований. Эти условия перехода от одного этапа революции к другому наложили свою печать на все наиболее важные социально-экономические преобразования (1949—1952), в которых совместилось и прошлое и будущее китайской революции.

[6] «Жэньминьжибао», 21 сентября 1954 г.



Главной экономической задачей демократической, антифеодальной, антиимпериалистической революции в Китае являлась ликвидация экономических устоев феодализма, империализма и бюрократического капитала, преобразование полуфеодальной, полуколониальной экономики страны в новодемократическую экономику. Говоря об экономическом содержании новодемократической революции, Мао Цзэ-дун указывал: «Экономически эта революция состоит в передаче в государственное управление крупных капиталов и крупных предприятий, принадлежащих империалистам и национальным предателям—реакционерам, в разделе помещичьих земель и передаче их в собственность крестьянам; наряду с этим она предполагает сохранение частнокапиталистических предприятий вообще и отнюдь не ликвидирует кулацкого хозяйства»[7]. Осуществление названных экономических мероприятий и было одной из основных задач демократической диктатуры народа в 1949—1952 гг.

Конфискация и национализация бюрократического капитала, а также иностранного капитала, вырвали корни империализма в стране, ликвидировали тесно связанную с ним крупную компрадорскую буржуазию. В собственность народного государства были переданы принадлежавшие компрадорской клике все банки, железные дороги, средства связи и воздушного сообщения, основная часть автомобильного и водного транспорта, а также промышленные предприятия: заводы, фабрики, шахты, рудники. Все ключевые отрасли экономики превратились в государственный сектор хозяйства. Уже в 1949 г. удельный вес продукции государственной промышленности составил 37% от всей промышленной продукции страны. По своему происхождению национализация иностранного и бюрократического капитала, создавшая основы независимой новодемократической экономики, является антиимпериалистической, общенациональной, демократической мерой, составляющей важнейшую специфическую черту новодемократической, а не социалистической революции в полуколониальной стране. В ее осуществлении заинтересованы и за нее ведут борьбу не только пролетариат, но в союзе с ним и крестьянство, и мелкая буржуазия, и национальная буржуазия. Однако по своему содержанию и типу развития создаваемый государственный сектор — при руководящем положении рабочего класса в государстве— выступает как общенародный, в сущности социалистический уклад производства. Следовательно, и в экономике уже сама новодемократическая революция создает не только условия, но и элементы социалистического уклада, что также является существенным отличием новодемократической революции от буржуазно-демократической революции старого типа.

В ходе завершения демократической революции, в условиях восстановительного периода частнокапиталистический уклад как в городе, так

[7] *Мао Цзэ-дун.* Избр. произв., т. 3, стр. 174.

и в деревне не подлежал ликвидации. Используя свои позиции, буржуазия сразу же после образования КНР развернула экономическое наступление, чтобы овладеть командными высотами экономики. Положение в стране в это время было тяжелым: деревня была разорена войной, фабрики и шахты закрывались, росла инфляция, рынок находился в полном хаосе. Коммунистическая партия Китая приложила огромные усилия, чтобы, продолжая борьбу с гоминьдановцами, улучшить положение в стране и отбить наступление буржуазии. Уже к весне 1950 г. удалось сбалансировать бюджет, была приостановлена инфляция и введен контроль над ценами. Началось восстановление хозяйства. Чтобы укрепить экономическую роль народного государства и решительно пресечь анархические, антиобщественные действия буржуазии, с конца 1951 г. и в первой половине 1952 г. коммунистическая партия организовала движение государственных служащих против «трех зол» (сань фань): коррупции, расточительства и бюрократизма. Одновременно среди рабочих и служащих частных промышленных и торговых предприятий проводилось движение против «пяти зол» (у фань): взяточничества, уклонения от налоговых обязательств, расхищения государственного имущества, недобросовестного выполнения государственных контрактов и хищения правительственной экономической информации для использования ее в интересах спекуляции. Было проведено расследование более чем на 450 тыс. частных промышленных и коммерческих предприятиях и обнаружено, что на подавляющем большинстве этих предприятий совершались различные незаконные сделки. В результате принятых мер число незаконных проступков со стороны буржуазии значительно сократилось и в дальнейшем ее деятельность была направлена по определенным каналам и осуществлялась под руководством рабочего класса в рамках Общей программы НПКС. Эти движения имели в основном демократический характер, так как они не ставили своей целью ликвидировать буржуазию как класс и преобразовать капиталистический уклад в социалистический.

Однако мероприятия по ограничению частного капитала были важным этапом также и в подготовке социалистических преобразований. Они сплачивали вокруг коммунистической партии трудящиеся массы и противопоставляли их буржуазии, подготовляли сознание масс для борьбы против всякой эксплуатации, за социализм. В ходе их сама буржуазия обнаружила свою изолированность, бесперспективность сопротивления социалистическим преобразованиям. «В ходе серьезной борьбы „против трех" и „против пяти злоупотреблений",— указывал Лю Шао-ци,— повысилась сознательность многих капиталистов, они выразили готовность принять социалистические преобразования. Таким образом, наше государство получило возможность проводить политику постепенного социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли...»[8]. Проведению этой политики способствовало упрочение социалистического сектора хозяйства и усиление влияния рабочего класса в государстве.

Одним из важнейших демократических преобразований явилось проведение аграрной реформы, вырвавшей корни феодализма и ликвидировавшей класс феодалов-помещиков. Ввиду неравномерности развития революции аграрная реформа проводилась в разных районах Китая в разные сроки. Еще до провозглашения Китайской Народной Республики аграрные преобразования были осуществлены на территории с на-

[8] *Лю Шао-ци.* О проекте Конституции Китайской Народной Республики. М., Госполитиздат, 1954, стр. 20.



селением около 120 млн. человек. Руководя аграрными преобразованиями в освобожденных районах, коммунистическая партия приобрела большой опыт. После создания КНР встала задача осуществления аграрных преобразований на остальной территории страны. Решение этой задачи сопровождалось острой классовой борьбой. Представители национальной буржуазии, признавая неизбежность аграрных преобразований в государстве, руководимом рабочим классом, но боясь развязывания инициативы крестьянства, ратовали за проведение аграрной реформы простым актом сверху, без какой бы то ни было опоры на крестьянские массы.

Однако рабочий класс и его коммунистическая партия настояли на другом — революционном пути, через пробуждение политической сознательности крестьянских масс, организацию их и вовлечение в борьбу. 28 июня 1950 г. по инициативе коммунистической партии, был принят закон о земельной реформе, согласно которому землевладение, служившее основой феодальной эксплуатации, уничтожалось и заменялось системой крестьянского землевладения. Хозяйство богатых крестьян (кулаков) по закону сохранялось. Под руководством коммунистов в деревнях создавались народные трибуналы и крестьянские союзы (они состояли на $^2/_3$ из бедняков и батраков и на $^1/_3$ из середняков), ставшие одной из форм организации масс на борьбу против помещиков. Эти же союзы были исполнительными органами по проведению земельной реформы.

Осуществление аграрных преобразований представляло собой завершение антифеодальной буржуазно-демократической революции, проводимой коммунистической партией под лозунгом: опора на бедняков и батраков, союз с середняком и нейтрализация богатых крестьян (кулаков) для уничтожения класса помещиков. В результате аграрной реформы китайское трудовое крестьянство получило в собственность 47 млн. га земли, конфискованной у помещиков и полупомещиков. Более 50 млн. тонн зерна, которые крестьяне ежегодно отдавали в виде арендной платы помещикам и процентов ростовщикам, теперь оставались в собственности у крестьян. Мелкотоварный уклад стал господствующим в деревне.

По своему происхождению и содержанию аграрная реформа является антифеодальной демократической мерой, приносящей прямую выгоду крестьянству. Ввиду того что длительное господство феодализма обусловило отсталость Китая и тем самым сделало возможным его закабаление иностранным капиталом, эта мера по своему значению была также и национальной, в той или другой степени благоприятствовавшей деятельности всех демократических, прогрессивных сил страны. Более того, проведение аграрной реформы являлось также необходимым условием, создающим как объективные, так и субъективные предпосылки для выполнения задач социалистической революции. Аграрная реформа, утвердившая систему крестьянского землевладения и мелкого товарного производства, создала объективную возможность для осуществления, с одной стороны, социалистической индустриализации, а с другой — социалистического кооперирования крестьянских хозяйств.

В ходе аграрной реформы демократическая власть пустила глубокие корни в деревне, укрепилось единство рабочего класса и трудящегося крестьянства. Претворяя в жизнь лозунг: «Земля тем, кто ее обрабатывает», коммунисты разъясняли крестьянским массам, что аграрная реформа может разрешить проблему нищеты крестьянства частично, а не целиком, что действительный выход для трудящегося крестьянства — в принятии социалистического пути развития. Так, укрепляя союз рабочего класса и трудящегося крестьянства, созданный в борьбе за землю и демокра-

тию, коммунисты нацеливали массы на новые, социалистические задачи, наполняли этот союз новым содержанием, превращали в союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в целях борьбы за социализм.

Таким образом, в 1949—1952 гг. в КНР были проведены глубочайшие социально-экономические преобразования, в результате которых на смену крупной собственности, принадлежавшей бюрократическому капиталу и иностранным монополиям, пришла государственная, общенародная собственность. На смену феодально-помещичьей собственности пришла частная собственность тружеников-единоличников. Благодаря широко развернувшемуся в стране патриотическому движению за увеличение выпуска продукции, соблюдение режима экономии, за дальнейшее развитие промышленного производства, а также благодаря бескорыстной помощи Советского Союза и ряда народно-демократических государств к концу 1952 г. китайский народ успешно восстановил экономику страны. К этому времени выпуск подавляющего большинства видов промышленной и сельскохозяйственной продукции превысил наивысший уровень, существовавший до освобождения страны. В условиях широкого демократизма окрепла руководящая роль рабочего класса и его партии в стране, выросла сознательность масс: идеи строительства социализма, идеи ленинизма все больше овладевали трудящимися и становились могучей силой. Перед страной встала задача широкого социалистического строительства, задача развития и завершения социалистической революции.

* * *

Ленинизм учит, что гегемония пролетариата в победоносной демократической революции придает революционному движению огромный размах и является важнейшей предпосылкой для немедленного перерастания демократической революции в социалистическую. Опыт Китая, быстро перешедшего к социалистическому этапу развития, является блестящим подтверждением этой истины.

Весьма своеобразная историческая особенность китайской революции состоит в том, что ее второй, социалистический этап развернулся в условиях невысокого уровня экономического развития страны, при наличии революционной народно-демократической власти, в результате прямого перерастания борьбы за демократию в борьбу за социализм. Активная роль народной власти, руководимой рабочим классом, придала специфический характер развитию китайской революции и осуществлению всех ее социалистических преобразований.

В ходе социалистической революции разрешаются следующие противоречия: между ростом производительных сил и сохранившимися капиталистическими производственными отношениями, а также между развитием производительных сил и оковами мелкого производства. Развитие этих противоречий происходит в условиях новодемократической экономики, т. е. при наличии противоречия между уже возникшими социалистическими и еще сохраняющимися капиталистическими производственными отношениями. Обострение противоречий порождало и порождает движение трудящихся масс за дальнейшие социалистические преобразования, направленное против эксплуатации, против капитализма.

В обстановке, сложившейся после победы демократической революции, перед Коммунистической партией Китая встала новая историческая задача: дать трудящимся массам ясную программу революционной борьбы, поднять их сознательность, по-новому организовать их и, используя



революционную власть, повести их к победоносному завершению социалистической революции. Руководствуясь ленинизмом, Коммунистическая партия Китая выработала стратегию и тактику на период социалистического строительства, указала на характерные особенности социалистической революции в Китае.

В отличие от демократической революции, направленной против империализма, феодализма и бюрократического капитала, острие социалистической революции обращено против капитализма и капиталистической собственности вообще, против всякой эксплуатации. Ее главными врагами являются различные слои городской буржуазии, купцы-спекулянты и кулаки, не желающие принимать социалистических преобразований. Последовательным творцом социалистических преобразований мог быть лишь трудящийся народ Китая: его рабочий класс, трудящееся крестьянство и другие трудящиеся слои. Как учит ленинизм, решающее значение для победы на этом этапе революции имеет прочный союз рабочего класса и трудящегося крестьянства при руководстве рабочего класса в целях борьбы за социализм. Для этого необходимо было преобразование прежнего демократического союза классов в новый, социалистический союз, необходима была «...особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»[9].

Однако в условиях развития Китая, стоявшего перед выбором: либо дать империализму снова поработить себя, либо построить социализм, коммунистическая партия имела возможность сплотить вокруг рабочего класса в целях строительства социализма и в рамках единого народно-демократического фронта не только трудящихся, но и все патриотические элементы, которые не желают стать колониальными рабами и готовы принять социалистические преобразования. Коммунисты считали, что при условии дальнейшего укрепления руководящей роли рабочего класса и союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, «...чем шире будет сплочение в рамках возможностей народа, тем больше это будет отвечать интересам дела социализма»[10].

Основная цель социалистического этапа революции состоит в том, чтобы, развивая экономику Китая и ликвидируя капиталистическую эксплуатацию, преобразовать новодемократическое общество в социалистическое и далее в коммунистическое, обеспечивающее максимальное удовлетворение непрерывно растущих материальных и культурных потребностей общества. Этой цели подчинена вся программа-максимум Коммунистической партии Китая, ее генеральная линия в социалистической революции. В 1952 г., когда восстановление народного хозяйства приближалось к завершению, Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, руководствуясь учением Ленина о переходном периоде, сформулировал генеральную линию партии в период перехода от новодемократического общества к социалистическому. Эта генеральная линия заключается в том, чтобы постепенно осуществлять социалистическую индустриализацию страны, завершить социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, а также в капитали-

---

[9] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 350—351.

[10] *Лю Шао-ци.* О проекте Конституции Китайской Народной Республики, стр. 21.

стической промышленности и торговле и тем самым построить в Китае социалистическое общество.

Выработав генеральную линию, Коммунистическая партия Китая развернула всестороннюю разъяснительную работу среди широчайших масс, добиваясь того, чтобы строительство социализма стало осознанной целью всего китайского народа. К этому времени успехи, одержанные в новодемократическом строительстве, изменили всю обстановку в Китае. Если в 1949—1950 гг. продолжавшаяся война, хозяйственная разруха, все еще сохранявшаяся феодальная система землевладения делали невозможным осуществление широкой социалистической индустриализации и социалистических преобразований в сельском хозяйстве, то теперь положение стало иным. В период с 1949 по 1952 г. Центральное народное правительство завершило объединение всей континентальной территории Китая, закончило преобразование аграрной системы, провело широкую, охватывающую всю страну кампанию по подавлению контрреволюционных элементов и осуществило ряд других демократических преобразований, восстановило разрушенное в ходе войны народное хозяйство, продвинуло вперед развитие государственного социалистического сектора и различных форм кооперативного сектора хозяйства, сделало первые шаги в урегулировании отношений между государственными и частными торгово-промышленными предприятиями.

Коммунистическая партия Китая добилась перелома и в развитии сознания народных масс страны. «На основе собственного опыта широкие народные массы постепенно убедились в преимуществах социализма,— писала «Жэньминьжибао».— Неизмеримо выросла их сознательность. Они уже не удовлетворены теми выгодами, которые получили от проведения аграрных преобразований и демократических преобразований вообще, но уже требуют, чтобы путем создания могучей социалистической экономики обеспечить такую же светлую жизнь, какой живет советский народ, они требуют постепенного строительства социалистического общества, в котором не было бы эксплуататорских классов. Социализм уже стал такой целью, о которой знает и к которой стремится наш народ, не жалея сил. Он стал общей надеждой народа»[11].

Все это свидетельствовало о том, что последовательное проведение демократических преобразований, восстановление народного хозяйства и небывалый рост политической сознательности и активности народных масс создали как объективные, так и субъективные предпосылки для успешного развертывания социалистической революции.

Развитие социалистической революции в Китае имеет свои существенные особенности. Эти особенности состоят прежде всего в том, что социалистическая революция в Китае совершается не путем свержения существующей власти и создания новой власти. Представляя собой острую классовую борьбу миллионов трудящихся против буржуазии, за социализм, эта революция развивается постепенно, *мирным путем*, когда рабочий класс и его коммунистическая партия двигают революцию вперед не только «снизу», но и «сверху». «В нашей стране,— указывал Лю Шао-ци,— уже создан государственный строй народной демократии, руководимый рабочим классом. В нашей стране уже имеется день ото дня растущий и укрепляющийся государственный социалистический сектор. Этот государственный сектор уже превратился в ведущую силу всего народного хозяйства, а капиталистический сектор уже не занимает господствующего положения в нашей стране. Поэтому социалистическая революция в нашей стране отличается от социалистической революции в капиталистических странах... мы можем постепенно провести социалистические преобразования, опираясь на государственные органы и общественные силы»[12].

[11] «Жэньминьжибао», 21 сентября 1954 г.



Важной вехой в развитии социалистической революции явилось принятие Конституции КНР. Подготовка проекта Конституции, начавшаяся с 1953 г., проходила в острой идеологической борьбе между рабочим классом и буржуазией. С 1953 г. китайский народ приступил к выполнению первого пятилетнего плана экономического строительства и под руководством коммунистической партии начал последовательно и постепенно осуществлять социалистическую индустриализацию и социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговле. Буржуазия понимала, что развитие Китая ведет к уничтожению эксплуатации, и всячески противилась этому. Ее представители выступили с фальшивым лозунгом о необходимости «укрепления новодемократических порядков», стремились убедить массы в достаточности Общей программы НПКС и ненужности новой Конституции.

Ратуя за сохранение и упрочение существующего положения, маскируясь флагом борьбы за «средний»— не социалистический и не капиталистический — путь, буржуазия старалась затормозить и остановить ход революции, пыталась повернуть Китай на капиталистический путь развития. Рабочий класс разоблачил эти уловки буржуазии. Коммунистическая партия, борясь за Конституцию, разъясняла массам, что Китай может пойти лишь по пути социализма. В конце 1953 г. и начале 1954 г. в результате проведения всеобщих выборов были созваны собрания народных представителей волостей, уездов, провинций и городов. 15 сентября 1954 г. открылась первая сессия Всекитайского собрания народных представителей, на рассмотрение которой и был представлен проект Конституции КНР.

Созыв первой сессии Всекитайского собрания народных представителей и принятие сессией Конституции КНР является важным историческим событием в развитии китайской революции, так как борьба за Конституцию КНР была борьбой за утверждение социалистического пути развития Китая. Именно с этого времени осуществление генеральной линии, направленной на строительство социализма, стало основной задачей народно-демократического государства, а Конституция КНР стала не только результатом достигнутых завоеваний, но и программой развития социалистических преобразований, программой построения в Китае социализма.

Ввиду особых условий развития социалистической революции в Китае ее основной политической задачей был не слом существующей государственной машины демократической власти и создание социалистического государства, а всемерное развитие социалистических элементов народно-демократической власти. По мере того как разрешались демократические задачи и сложившийся в стране союз рабочего класса и всех трудящихся переносил свое основное внимание на разрешение новых, социалистических задач, государство народной демократии, оставаясь органом этого классового союза, все более укреплялось и развертывало свою деятельность в новом направлении: его основными задачами, функциями все более становились функции социалистического государства переходного периода. В этом проявилась одна из особенностей народно-

[12] *Лю Шао-ци.* О проекте Конституции Китайской Народной Республики, стр. 24.

демократического режима, состоящая в том, что он не закрывает пути к развитию самого государства мирным путем, позволяет проведение по воле народа всех экономических и социальных преобразований, для которых созрели условия. В ходе этого развития претерпевал изменения и государственный аппарат: укреплялись его основные звенья — армия, милиция, очищался и демократизировался административный аппарат, изменялась его структура, создавалась система собраний народных представителей.

Развивающаяся китайская революция, переходя к новому этапу, сохраняла основные формы народной демократии, но видоизменяла ее классовое содержание, превращала шаг за шагом народную демократию из формы демократического государства в форму государства социалистического, что обеспечивалось как постепенной перегруппировкой классовых сил, служивших основой народной демократии, так и изменением функций, осуществляемых государством. И действительно, за прошедшие годы руководящая роль рабочего класса в государстве еще более усилилась, народно-демократическая власть завоевала огромный авторитет в массах и укрепилась как власть трудящихся. Первая статья Конституции КНР гласит: «Китайская Народная Республика есть государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян». Руководство рабочего класса, а также союз рабочих, трудящегося крестьянства и всех трудящихся в целях совместного построения социализма являются основой современного китайского государства и выражают собой основной, социалистический, характер этого государства.

В условиях современного Китая демократическая диктатура народа, руководимая рабочим классом, является одной из разновидностей диктатуры пролетариата. Такой характер государственной власти в Китайской Народной Республике позволяет ей в сложившейся обстановке успешно выполнять функции строительства социалистического общества. С принятием Конституции КНР задачи переходного периода к социализму, сформулированные в генеральной линии, стали главными функциями китайского государства. «Еще в 1952 г. Центральный Комитет КПК определил генеральную линию в переходный период. В 1954 г. она была принята Всекитайским собранием народных представителей, включена в Конституцию нашей страны и стала основной задачей нашего государства в переходный период»[13]. Осуществление генеральной линии строительства социализма требует от государства подавлять сопротивление эксплуататоров делу социализма, объединить всех трудящихся вокруг рабочего класса, организовать проведение социалистических преобразований в экономике, укреплять вооруженные силы страны для отпора внешним врагам, для борьбы с империализмом.

Строительство социализма в Китае — не легкая задача. Многоукладность китайской экономики, низкий технический уровень производства и крайне недостаточный уровень культурного развития общества предопределяют то, что переход к социализму в Китае заключает в себе ряд тесно связанных революционных процессов. Он содержит в себе «не только революцию в общественном строе, представляющую собой переход от частной собственности к общественной собственности, но и революцию в технике, представляющую собой переход от кустарного промышленного производства к современному машинному производству

[13] «Жэньминьжибао», 5 апреля 1955 г.



в крупных масштабах»[14]. Он включает в себя также глубочайшую культурную революцию.

Основная экономическая цель социалистической революции в Китае, как и в любой другой стране, состоит в создании социалистической экономики. Однако в Китае формирование социалистического базиса имеет ряд отличительных черт, своих специфических особенностей, подтверждающих, что и в экономической области имеет место многообразие форм перехода различных стран к социализму.

В отличие от других стран, переходящих к социализму от капитализма, в Китае задача заключается в осуществлении перехода от современного общества со сложной экономической структурой к обществу с единым, социалистическим укладом, т. е. от новодемократического общества к социалистическому. Так как переход к социализму в Китае осуществляется не от капиталистической, а от новодемократической экономики, т. е. уже при наличии не только капиталистического, но и государственного, по существу социалистического уклада хозяйства, то в китайской промышленности и торговле важнейшая задача социалистической революции заключается не в том, чтобы национализировать или обобществить все средства производства (решающая часть их была национализирована на демократическом этапе революции, и к 1953 г. социалистический сектор уже давал 61% всей промышленной продукции), а в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить всемерное развитие производительных сил страны путем социалистической индустриализации, и, с другой — завершить обобществление средств производства путем социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли (капиталистический уклад), а также кустарной и мелкой промышленности и торговли (мелкотоварный уклад). В сельском хозяйстве важнейшая задача социалистической революции состоит в обобществлении средств производства путем социалистического преобразования индивидуальных крестьянских хозяйств (мелкотоварный уклад) и хозяйства кулаков (капиталистический уклад). В Китае говорят: строительство социализма — это птица, телом которой является индустриализация, а крыльями — кооперирование деревни и преобразование частного капитала в городе.

При этом следует подчеркнуть, что одной из главных особенностей развития социалистической революции в Китае является то, что и в экономической области социалистические преобразования осуществляются постепенно, по этапам, с применением *мирных методов*, а не насильственной экспроприации буржуазии. Творчески применяя марксизм-ленинизм, китайские коммунисты пришли к выводу, что в условиях Китая путем «...мирных методов, то есть методов убеждения, воспитания,— как указывает Мао Цзэ-дун,—не только можно заменить единоличную форму собственности социалистической коллективной формой собственности, но также можно заменить капиталистическую форму собственности социалистической формой собственности»[15].

Важнейшим шагом социалистического строительства в Китае является осуществление первого пятилетнего плана (1953—1957), утвержденного в 1955 г. на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей и составленного в соответствии с генеральной линией партии в переходный период.

[14] *Мао Цзэ-дун.* Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве. М., Госполитиздат, 1955, стр. 20.

[15] «Народный Китай», 1956, № 4, стр. 4.

Основная задача первой пятилетки состоит в том, чтобы создать первоначальную базу для социалистической индустриализации страны. Характерной чертой индустриализации в Китае является то, что она осуществляется при бескорыстной помощи социалистических стран и прежде всего Советского Союза. Так, пятилетним планом предусмотрено строительство 694 промышленных объектов, главным звеном которых являются 156 объектов, строящихся с помощью Советского Союза. В результате советско-китайских переговоров, которые вел в Пекине первый заместитель председателя Совета министров СССР А. И. Микоян с представителями китайского правительства, 7 апреля 1956 г. подписано соглашение об оказании Советским Союзом помощи Китайской Народной Республике в строительстве еще 55 новых промышленных предприятий.

В число этих объектов входят современные металлургические комбинаты, предприятия цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности, заводы тяжелого машиностроения, автомобильные, тракторные, авиационные заводы, электростанции и т. п. По плану в 1957 г. валовая промышленная продукция увеличивается на 98,3% по сравнению с 1952 г., а объем продукции промышленности современного типа по отношению к объему промышленной и сельскохозяйственной продукции возрастает за этот период с 26,7 до 36%. Значительно увеличивается число рабочих и служащих, повышается их заработная плата, улучшаются жилищные условия, из года в год растут ассигнования на социальное страхование и здравоохранение. Насколько успешно выполняется план можно судить хотя бы по тому, что за три первых года пятилетки (1953—1955) валовая стоимость продукции увеличилась на 65,6%, причем производство средств производства увеличилось на 91,8%.

Существеной частью социалистической революции является социалистическое преобразование капиталистической промышленности и торговли, в результате которого будет ликвидирована торгово-промышленная буржуазия как эксплуататорский класс. Как уже указывалось, в Китае в отношении национальной буржуазии не проводится политика немедленной экспроприации, что связано как с крайней отсталостью китайской экономики, так и с наличием у национальной буржуазии известной активности в борьбе против империализма. Поэтому преобразования ее промышленности и торговли осуществляются постепенно, мирным путем, с учетом степени сознательности масс, через такую форму как государственный капитализм.

В первой пятилетке была поставлена задача в основном перевести капиталистическую промышленность и торговлю на рельсы государственного капитализма. Как известно, характер и роль государственного капитализма определяются классовой природой государства. В Китае госкапитализм является выражением политики народного государства по отношению к капиталистическому укладу. «В отношении капиталистической промышленности и торговли,— говорится в Конституции КНР,— государство проводит политику их использования, ограничения и преобразования».

В промышленности Китая имеют место три формы государственного капитализма: низшая, средняя и высшая. Низшая форма, состоящая в закупке государством продукции частных предприятий, занимала главное место в первый период после освобождения страны. Начиная с 1950 г. главное место стала занимать средняя форма, включающая в себя ряд видов. Особенность этой средней формы госкапитализма заключается в том, что государство концентрирует в своих руках снабжение сырьем и реализацию продукции капиталистической промышленности, а капиталисты отвечают за производство. Это позволяет государству ограничить анархию капиталистического производства, подчинить его государственному планированию и тем самым обеспечить устойчивое положение на рынке и удовлетворение спроса. Сужается и деятельность капиталистов, направленная на получение сверхприбыли.



Высшей формой госкапитализма является совместное использование предприятий государством и частным капиталом, осуществляемое путем вложения государством своих капиталов в частные предприятия. Государство посылает своих представителей на эти предприятия для совместного управления, причем руководящая роль здесь принадлежит уже социалистическому сектору. Благодаря этому происходят существенные изменения в производственных отношениях на подобных предприятиях. Они становятся государственно-частными предприятиями, которыми непосредственно руководит государство.

Формы госкапитализма в торговле имеют некоторые отличия. Благодаря введению плановых закупок (в 1953—1954 гг.) оптовая торговля зернопродуктами, пищевыми жирами и хлопчатобумажными тканями была полностью сконцентрирована в руках государства, а частные розничные магазины всей страны, торгующие этими товарами, были полностью переведены на рельсы государственного капитализма с помощью следующих основных форм: 1) продажи частниками государственных товаров на комиссионных началах; 2) посреднической продажи монопольных товаров; 3) посреднической продажи частными магазинами обычных товаров, закупленных у государства или у кооперативных торговых организаций.

Таковы те основные переходные формы, с помощью которых Коммунистическая партия Китая в ходе классовой борьбы осуществляет постепенное, мирное преобразование капиталистического уклада в социалистический. Уже в 1954 г. подавляющая часть капиталистических предприятий была объединена в различные по форме предприятия госкапитализма. По плану первой пятилетки намечалось снижение доли частных предприятий в общем объеме промышленного производства с 39% в 1952 г. примерно до 12,2% к 1957 г., а доли частной торговли в общем объеме розничной торговли соответственно с 66% до 21,2%. Жизнь не только подтверждает полную реальность этих планов, но и позволяет ускорить их выполнение, создать в более короткие сроки базу для социалистического преобразования частной промышленности и торговли.

Важнейшей составной частью социалистической революции в Китае является социалистическое преобразование сельского хозяйства, имеющее своей целью ликвидировать эксплуатацию, установить коллективную собственность на основные средства производства, иначе говоря, преобразовать капиталистический и мелкотоварный уклады в социалистический. Социалистическое преобразование в китайской деревне осуществляется под лозунгом — опора на бедняков (включая бывших бедняков, ставших после аграрной реформы середняками), прочный союз с середняками, ограничение и постепенная ликвидация кулацких хозяйств. С переходом от демократического к социалистическому этапу революции изменилась не только политика по отношению к кулаку, заключавшаяся в период аграрной реформы в его нейтрализации. Иным стало также и основное содержание крестьянского вопроса: если раньше главным был вопрос о земле, то теперь им стал вопрос о кооперировании. «Во время предшествовавшего этапа революции классовая борьба в деревне велась крестьянством главным образом против класса помещиков, а основным содержанием крестьянского вопроса, подлежавшего разрешению, был вопрос о земле. На новом же этапе революции борьба в деревне ведется крестьянством главным образом против кулаков и других капита-

листических элементов, что означает борьбу двух путей развития — социалистического и капиталистического, а новым содержанием крестьянского вопроса является вопрос о кооперировании»[16].

Условия развития Китая: экономическая отсталость страны, наличие частной собственности на землю и т. д., придают методам социалистических преобразований в сельском хозяйстве некоторое своеобразие. Так, к социалистическому строю в деревне Китай идет постепенно, проходя подготовительные этапы, а именно: через широкое развитие бригад трудовой взаимопомощи, через кооперативы с частичной коллективной собственностью (кооперативы, носящие полусоциалистический характер) к высшей форме кооперации, основанной на коллективной собственности. Кооперативы полусоциалистического типа имеют ту главную особенность, что в них земля вносится в качестве пая, а хозяйство ведется по единому плану. Они являются основной переходной формой кооперативного движения в Китае, призванной постепенно привести крестьян к социализму. Судя по общему политическому и экономическому положению в Китае, для уничтожения кулачества, составляющего в разных районах страны от 1 до 4% крестьян, не потребуется проводить специальной кампании вроде проводившейся в период аграрной реформы. По мере ликвидации эксплуатации и перевоспитания кулачества оно постепенно будет приниматься в кооперативы.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства начало успешно развиваться уже несколько лет назад: к весне 1954 г. в стране было на добровольных началах создано 100 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов полусоциалистического типа; к февралю 1955 г. число таких кооперативов увеличилось до 600 тыс. Однако крупнейших успехов оно достигло в последнее время, особенно после сделанного Мао Цзэ-дуном 31 июля 1955 г. доклада по вопросам кооперирования в сельском хозяйстве и принятого на его основе решения Пленума ЦК КПК от 11 октября 1955 г. В своем докладе Мао Цзэ-дун, дав острую критику правых уклонистов, пытавшихся затормозить развитие социалистического движения в деревне, указал на наступающий подъем этого движения, наметил дальнейшие задачи партии.

Вскоре движение за кооперирование стало стремительно развиваться. К концу 1955 г. число кооперативов в стране превысило 1 млн. 900 тыс., и в них было объединено 70 млн. крестьянских дворов. К середине 1956 г. в кооперативы объединилось уже 90% всех крестьянских дворов, из них более 60% объединены в кооперативы социалистического типа. Роль кооперативного движения в китайской деревне трудно переоценить. «Это—широкое социалистическое революционное движение более чем пятисотмиллионного сельского населения, оно имеет огромное международное значение»[17].

Все эти факты говорят о том, что Китай сейчас находится в обстановке подъема великой социалистической революции. Одной из важнейших особенностей социалистических преобразований в Китае, наряду с методами, являются также исключительно высокие темпы их осуществления. Эти темпы социалистических преобразований приближают сроки завершения социалистической революции в Китае. Выступая на XX съезде КПСС Чжу Дэ с полным основанием мог заявить, что «примерно через три года социалистическая революция в основном будет завершена в масштабе всей страны».

[16] «Решение шестого (расширенного) пленума ЦК КПК седьмого созыва по вопросу о кооперировании в сельском хозяйстве». М., Госполитиздат, 1955, стр. 4.

[17] *Мао Цзэ-дун.* Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве. М., Госполитиздат, 1955, стр. 3.



Таковы основные пути социалистического строительства в Китае. Сложная экономика народно-демократического общества, представленная тремя основными укладами: социалистическим, капиталистическим и мелкотоварным — не стоит на одном месте. Экономика КНР развивается и преобразуется через социалистическую индустриализацию, через различные формы госкапитализма и различные виды кооперации в единый экономический строй социализма.

Крупные успехи, одержанные на этом пути, свидетельствуют о том, что рабочий класс и весь китайский народ, руководимый коммунистической партией, добьются в ближайшем будущем осуществления генеральной линии партии в переходный период — превратят Китай в могучую социалистическую державу и тем завершат социалистическую революцию.

Успешное строительство коммунизма в СССР и социализма в Китае неизмеримо укрепляет могущество всей мировой социалистической системы, умножает силы всего лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, служит верным залогом упрочения мира и международной безопасности народов.

# ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ЯПОНИИ

## (1945—1954)

*Е. П. МЫШКИН*

Последствия второй мировой войны оказались крайне тяжелыми для японского народа. В то время как правящие классы обогащались на войне, происходило резкое ухудшение положения широчайших масс трудящихся. В городе политика «регулирования зарплаты» и инфляция привели к обесценению заработной платы рабочих и доходов кустарей. В деревне налоги и принудительные поставки продуктов свели почти на нет доходы большинства японских крестьян. В результате роста цен и инфляции значительно сократились сбережения той части трудового населения, которая была в состоянии их сделать.

Перевод всей экономики на военные рельсы вызвал к концу войны и в первые годы после капитуляции полную хозяйственную разруху. Значительная часть оборудования японской промышленности, приспособленная только к военному производству, оказалась омертвленной, выключенной из процесса производства уже на другой день после окончания войны. Та же часть оборудования, которая могла быть переведена на обслуживание мирных потребностей, не обновлялась в течение многих лет, была изношена и сильно устарела. Нельзя игнорировать и те разрушения, которые были причинены японской промышленности военными действиями.

Восстановление и перевод промышленности на мирные рельсы затруднялся также тем, что Япония лишилась многих из своих традиционных рынков сбыта. На внешних рынках Японию теснили США, Англия, а затем и Западная Германия. От таких же емких рынков, как СССР и КНР, японские правящие круги отчасти добровольно, отчасти под давлением извне отказывались.

Экономические затруднения, которые испытывала страна, усугублялись ее зависимостью от Соединенных Штатов. Американский монополистический капитал, используя оккупационный аппарат для проникновения в народное хозяйство страны, извлекал огромные прибыли путем участия в японской промышленности, внешней и внутренней торговле. Политика, проводимая в Японии Соединенными Штатами, наносит серьезный ущерб национальным интересам страны. Однако эта политика нашла поддержку у финансово-монополистических концернов, связанных с военной промышленностью, крупных помещиков, бюрократии, в придворных кругах, т. е. у тех самых элементов, которые были главными виновниками участия Японии во второй мировой войне.



Японские трудящиеся несут тяжелое бремя расходов, связанных с содержанием американских оккупационных войск и ремилитаризацией японской экономики. Особенно велики тяготы рабочего класса. В основу программы военно-экономического союза американских и японских монополий — так называемой программы экономической стабилизации Японии, или «плана Доджа», по имени американского банкира, ее автора,— была положена политика снижения жизненного уровня рабочего класса Японии. На базе этой программы, принятой японским правительством в качестве официальной линии его экономической политики, была разработана серия антирабочих мероприятий: замораживание заработной платы рабочих примерно на уровне 1949—1950 гг., «исправление» рабочего законодательства, принятого в первые годы после капитуляции, расширение прав предпринимателей при установлении режима работы, поощрение властями политики «рационализации производства», т. е. интенсификации труда и массовых увольнений рабочих.

Однако современный рабочий класс Японии уже не тот, каким он был до войны. После капитуляции произошли большие изменения в уровне классовой сознательности японского рабочего класса. На наступление объединенных сил американских и японских монополий рабочие ответили невиданным ранее сопротивлением. Поэтому капиталистам далеко не везде и не всегда удавалось достигать желательных для них результатов. Если в положении разных слоев пролетариата мы обнаруживаем существенные различия, то это во многом объясняется боеспособностью того или иного отряда рабочего класса.

*Численность и состав рабочего класса после войны.* Численно японский рабочий класс представляет собой гораздо большую силу, чем в довоенные годы. По данным 1954 г., число лиц наемного труда, не считая занятых в сельском хозяйстве, составляет примерно 15,2 млн.[1], или 37,8% всего трудоспособного населения страны. К 1954 г. 8,4 млн. человек — на 2 млн. больше, чем до войны, работали в промышленности и на транспорте.

Произошли также и значительные качественные сдвиги в структуре японского рабочего класса, которые обусловили рост его сплоченности и боеспособности. Численность рабочих обрабатывающей промышленности составила в 1953 г. 4,7 млн. человек, занятых на 172 613 предприятиях[2]. Для современной японской промышленности характерно повышение уровня концентрации рабочего класса на крупных предприятиях. Так, в конце 1953 г. свыше 40% всего промышленного пролетариата (2126 тыс.) работало на предприятиях с числом рабочих более 100 и около 35% — на предприятиях с числом рабочих свыше 200; последняя группа предприятий составляла немногим более 0,6% всех предприятий[3]. Большинство пролетариата крупных предприятий — кадровые рабочие, обладающие значительным опытом политической и профсоюзной деятельности.

Наряду с этим еще очень большая часть промышленных рабочих (1031 тыс., или свыше 20%) рассредоточена на десятках тысяч мелких и мельчайших предприятий с числом рабочих менее десяти[4]. Рабочие мелких предприятий подвергаются особенно тяжелой эксплуатации, так как их разобщенность мешает им организоваться. К тому же предприятия, о которых идет речь — мастерские кустарного типа и карликовые за-

---

[1] 労働統計調査月報 «Родо токэй тёса гэппо», 1955, стр. 38.
[2] 日本統計年鑑 «Ниппон токэй нэнкан», 1954. Токио, 1955, стр. 156.
[3] «Ниппон токэй нэнкан», 1954, стр. 164.
[4] Там же.

воды,— экономически слабы и неустойчивы, по большей части находятся в зависимости от крупных предприятий и в состоянии существовать только за счет сверхэксплуатации своих рабочих. На мелких предприятиях до сих пор сохраняются пережитки средневековой цеховщины, рабочий трудится в основном за скудные хозяйские харчи и кое-какую одежду.

Самым крупным отрядом японского рабочего класса являются в настоящее время металлисты (свыше 1,5 млн. человек, или треть общего числа фабрично-заводских рабочих). Из них в металлургической и металлообрабатывающей промышленности в 1953 г. работали 595,5 тыс.[5], или 12,7% рабочих обрабатывающей промышленности (против 9,5% в 1936 г.), а в машиностроительной промышленности—973,5 тыс., или 20,7% (против 17,6% в 1936 г.)[6]. Основная масса металлургов и машиностроителей сосредоточена на крупных предприятиях, насчитывающих тысячи, а иногда и десятки тысяч рабочих. Удельный вес этой категории рабочих непрерывно увеличивается.

Значительную группу (612 531 чел.) составляли химики[7]. Свыше половины рабочих основной химической промышленности, около трети нефтяников, рабочих резиновой и бумажно-целлюлозной промышленности сосредоточены на крупных предприятиях с числом рабочих более 500.

Среди пролетариата Японии преобладают кадровые рабочие тяжелой промышленности. Но в Японии еще осталось довольно значительное количество рабочих, главным образом в легкой промышленности, не утративших связи с сельским хозяйством или ремеслом. Однако и в среде этих рабочих под влиянием общего повышения классового самосознания рабочего класса происходят важные перемены.

Число рабочих-текстильщиков по существу осталось то же, что и до второй мировой войны, однако удельный вес текстильщиков в рабочем классе резко снизился (20% всех фабрично-заводских рабочих против 39,7% в 1936 г.). Степень концентрации производства в этой отрасли (особенно в прядении) сравнительно высока, хотя до сих пор сохраняются десятки тысяч мелких ткацких предприятий. Так, в 1951 г. 55% текстильщиков было занято на предприятиях с числом рабочих от 100 и выше[8]. В 1952—1955 гг. этот процент еще более увеличился в связи с расширением текстильных фабрик, работающих на экспорт.

Большинство текстильщиков, среди которых преобладают женщины, не утратили своей связи с деревней и имеют сравнительно небольшой производственный стаж (в среднем до пяти лет), что не может не сказаться на боеспособности этого, наиболее жестоко эксплуатируемого отряда пролетариата. И все же, по сравнению с довоенным временем, японские текстильщики — активные участники рабочего движения. Пищевики (456 тыс.), деревообделочники и рабочие лесной промышленности (300 тыс.) рассредоточены на мелких и мельчайших предприятиях. На предприятиях с числом рабочих менее 30 занято свыше 60% пищевиков и рабочих лесной промышленности и 75% деревообделочников[9].

В 1953 г. из 10 млн. подростков и молодежи в возрасте от 14 до 19 лет в народном хозяйстве работали 5200 тыс., или 13,2% от общего числа трудоспособных. По найму работает около 3 млн. молодых людей, или свыше

[5] «Ниппон токэй нэнкан», 1954, стр. 156.
[6] 工場統計年鑑 «Кодзё токэй нэнкан», 1936, стр. 3.
[7] «Ниппон токэй нэнкан», 1954, стр. 156—157.
[8] «Ниппон токэй нэнкан», 1953, стр. 153.
[9] Там же.



Таблица 1

*Число рабочих, занятых в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности Японии (конец 1953 г.)**

| Отрасли промышленности | Число предприятий | Число рабочих | % к общему числу рабочих |
|---|---|---|---|
| Металлургическая | 5 418 | 381 826 | 12,7 |
| Обработка металла | 10 706 | 214 674 | |
| Машиностроение | 22 344 | 973 492 | 20,7 |
| В том числе: | | | |
| Общее | 11 584 | 373 492 | |
| Электромашиностроение | 4 055 | 225 705 | |
| Транспортное машиностроение | 4 624 | 305 638 | |
| Приборостроение | 2 081 | 68 557 | |
| Химическая | 12 433 | 612 531 | 13,1 |
| В том числе: | | | |
| Основная химия | 5 277 | 344 716 | |
| Переработка нефти | 716 | 27 402 | |
| Резиновая | 804 | 71 741 | |
| Бумажно-целлюлозная | 4 218 | 142 451 | |
| Производство строительных материалов | 11 050 | 237 123 | 5,0 |
| Всего в группе «А» | 61 951 | 2 419 646 | 51,5** |
| Текстильная | 32 005 | 962 680 | |
| Швейная | 6 085 | 115 576 | |
| Лесная и деревообрабатывающая | 22 829 | 300 450 | |
| Мебельная | 6 771 | 88 497 | |
| Полиграфическая | 7 395 | 202 151 | |
| Пищевая | 29 074 | 456 183 | |
| Всего в группе «Б» | 104 150 | 2 125 637 | |
| Прочие | 6 505 | 122 264 | |
| Итого | 172 613 | 4 667 547 | |

* Источник: «Ниппон токэй нэнкан», 1954, стр. 156—157. Данные охватывают предприятия с числом рабочих 4 и выше.

** Кроме того, в группу «А» следует включить большинство рабочих (их свыше миллиона), занятых на предприятиях, находящихся в ведении американских военных властей в Японии. Сведений о них японская статистика не публикует. Вместе с ними удельный вес рабочих группы «А» составит более двух третей.

20% всех работающих по найму. Не менее миллиона подростков занято в промышленности.

В послевоенное время наблюдается резкое снижение доли работниц в общем числе рабочих: с 43,7% в 1936 г. до 31,7% в 1953 г. В условиях Японии это означает, что значительно выросли постоянные кадры рабочего класса. В абсолютных же цифрах число работниц увеличилось за это время почти на 50%. В обрабатывающей промышленности занято 1510 тыс. женщин (1953 г.)[10].

[10] «Ниппон токэй нэнкан», 1954, стр. 67; «Кодзё токэй нэнкан», 1936, стр. 7.

Важное место среди японского пролетариата занимают горнорабочие (в 1953 г.— 532 тыс. человек). Более половины горняков — 275 250 чел., заняты на подземных работах. Почти 75% горняков составляют углекопы (413 330 человек) [11]. В послевоенное время число углекопов в Японии из года в год уменьшается. Проводя капиталистическую рационализацию, капиталисты массами увольняют углекопов.

До войны углекопы были лишены какой-либо защиты со стороны закона. Еще незадолго до второй мировой войны на шахтах применялись телесные наказания. В послевоенный период горняки добились распространения на них рабочего законодательства и развернули энергичную борьбу за человеческие условия труда. Теперь японские горняки — один из наиболее организованных и боевых отрядов пролетариата.

Из непромышленных рабочих Японии самой многочисленной группой являются транспортники. Их численность в 1953 г. составляла 1810 тыс. человек, в том числе 600 тыс. железнодорожников, около 250 тыс. рабочих безрельсового транспорта (шоферы, рикши и пр.), свыше 180 тыс. портовых рабочих и 126 тыс. моряков. В эту же группу японская статистика включает 135 тыс. рабочих газовых заводов и электростанций, а также 38 тыс. работников водопровода и канализации. К транспортникам примыкают 365 тыс. связистов [12]. Транспортники и связисты Японии хорошо организованы и упорно борются за свои интересы.

На конец 1953 г. насчитывалось 1150 тыс. строительных рабочих. В Японии до сих пор сохранилась сезонность многих строительных работ, что обусловливает непостоянную занятость строителей и большой удельный вес (около 40%) среди них лиц временного найма [13].

Все более активное участие во многих выступлениях рабочего класса принимают в последние годы служащие. Этой категории трудящихся приходится не менее упорно, чем рабочим, отстаивать свой жизненный уровень и свои права. Японская печать приводит множество фактов, свидетельствующих о боевой активности работников просвещения Японии (800 тыс.). Все более решительно принимают участие в борьбе рабочих и в деятельности профсоюзов 800 тыс. работников финансовых учреждений (банков, бирж, страховых компаний и т. п.). Несколько медленнее втягиваются в движение служащие государственных учреждений (1140 тыс.) и торговых предприятий (свыше 2,3 млн.) [14].

В Японии имеется категория трудящихся—приблизительно 1,5—2 млн. человек, о которых официальные японские источники хранят молчание. Это рабочие военных предприятий, находящихся в ведении американских «гарнизонных войск», и лица, обслуживающие американские базы и другие военные объекты.

*Занятость, безработица.* В период второй мировой войны многие сотни тысяч рабочих были вовлечены в военную и смежные с ней отрасли промышленности. После войны большинство их было выброшено на улицу. Они не могли в сколько-нибудь короткий срок найти работу в мирных отраслях промышленности, так как эти отрасли во время войны пришли в упадок и требовали для своего восстановления значительных капиталовложений. Послевоенные годы в Японии ознаменовались образованием чрезвычайно многочисленной резервной армии труда. Так, число занятых в обрабатывающей промышленности и строительстве сократилось с

[11] См. «Ниппон токэй нэнкан», 1954.
[12] Там же, стр. 66—67.
[13] Там же.
[14] «Ниппон токэй нэнкан», 1953, стр. 68.



9494 тыс. в 1944 г. до 6760 тыс. в 1947 г.[15] В горной промышленности эти цифры составили соответственно 805 тыс. и 667 тыс. и продолжали уменьшаться в дальнейшем [16]. Таким образом, число лиц, вынужденных переменить профессию, приблизилось к трем миллионам. Положение на рынке труда осложнялось еще возвращением из армии миллионов трудоспособных мужчин и репатриацией японских граждан.

Значительная часть лиц, оказавшихся вынужденными после войны искать себе применения, была поглощена деревней, что усилило скрытое перенаселение в ней. Другая же часть пополнила ряды безработных в городе.

После нескольких лет разрухи начался процесс восстановления японской промышленности и ее ремилитаризации. В 1951 г. промышленное производство превысило уровень 1934—1936 гг., а в последующие годы намного превзошло этот уровень. Однако расширение производства не сопровождалось ростом занятости. Предприниматели добивались увеличения продукции при одновременном сокращении числа рабочих. Под флагом «рационализации производства» многие компании проводили массовые увольнения. Вот почему при росте индекса промышленного производства с 54,6 в 1948 г. до 155,1 в 1953 г. (среднее за 1934—1936 = = 100)[17] индекс занятости в обрабатывающей промышленности вырос со 100 в 1947 г. только до 103,4 в 1953 г. Если учесть увеличение населения, то станет очевидным, что происходит относительное снижение занятости. Несмотря на то, что после войны прошло уже более десяти лет, огромная резервная армия продолжает давить на рынок труда, препятствуя подъему жизненного уровня рабочего класса в целом.

В 1953 г. на бирже труда было зарегистрировано 450 тыс. полностью безработных [18]. В 1955 г. (первое полугодие) эта цифра увеличивается до 700 тыс.[19] Однако и она весьма далека от подлинной. Во-первых, на биржах труда зарегистрированы не все категории безработных. Например, японская статистика вообще не регистрирует как безработных лиц, «неактивно ищущих работу», утверждая, что работа этим лицам якобы не особенно нужна. При хроническом характере безработицы в послевоенной Японии — это люди, отчаявшиеся найти работу. Эта категория непрерывно растет: в 1951 г. она составляла 170 тыс. человек, а в первом полугодии 1955 г. достигла 517 тыс. Таким образом, даже по официальным данным, полностью безработных в 1953 г. фактически насчитывалось не менее 820 тыс., а в 1955 г. — свыше 1,2 млн.

Наряду с полностью безработными в Японии имеется очень многочисленная группа работающих неполную рабочую неделю (по официальной статистике, менее 34 часов в неделю). Это по существу тоже безработные, которым посчастливилось найти временную работу. Их число растет из года в год. Так, в 1951 г. полубезработных было 7,8 млн., а в августе 1955 г. их число выросло до 10,5 млн. [20] Общая численность безработных и полубезработных, по официальным источникам, составляет около 11,7 млн. Эту цифру также надо считать заниженной, ибо она не учитывает лиц, временно покинувших город в связи с трудностью отыскать работу. Даже буржуазная печать прямо указывает на эту скрытую форму безработицы. Она критикует попытки Министерства труда уверить обще-

[15] *Дж. Б. Коэн.* Военная экономика Японии. М., 1951, стр. 304.
[16] «Japan annual», 1954, стр. 411.
[17] 労働調査時報 «Родо тёса дзихо», № 188 и 189.
[18] «Ниппон токэй нэнкан», 1954, стр. 66.
[19] «Родо токэй тёса гэппо», ноябрь 1955, стр. 36.
[20] Там же, стр. 38.

ственность в том, что в последние годы происходит рост занятости, в частности в японской деревне. Правда, в отдельных отраслях промышленности, преимущественно связанных с военным производством, занятость выросла. Так, в 1953 г. наибольшее увеличение занятости произошло в производстве точных приборов и инструментов — 12%, в электромашиностроении — 7,7%, в общем машиностроении— 6,1% [21].

*Заработная плата рабочих и служащих.* Характеризуя положение рабочего класса при капитализме, В. И. Ленин писал: «Богатство растет в капиталистическом обществе с невероятной быстротой — наряду с обнищанием рабочих масс»[22]. В Японии, как и других капиталистических странах, погоня монополий за высокими прибылями ведет к накоплению богатства в руках эксплуататорских классов и к росту нищеты широких масс. Идеологи японской буржуазии стараются всеми силами опровергнуть это и доказать, что положение японского рабочего класса постепенно улучшается. Поскольку подтвердить фактами это положение невозможно, прибегают к сокрытию многих цифр и данных, нежелательных для правящих классов. Подобный обман нужен правящим классам Японии для того, чтобы поддерживать уже сильно дискредитировавшую себя «идею» гармонии труда и капитала. Эти усилия японской буржуазии находят поддержку среди некоторых профсоюзных функционеров. К ним принадлежат, например, некоторые лидеры Японской федерации труда, которые всячески пытаются убедить рабочих, что улучшение их положения не только возможно, но и уже совершается в условиях господства монополий и иностранной полуоккупации.

Те профсоюзы, которые действительно стремятся оградить интересы рабочих от произвола капиталистов, например крупнейшее профсоюзное объединение Японии — Генеральный совет профсоюзов («Сохё»), создали свои собственные статистические органы, которые нередко разоблачают фальсификацию данных, приводимых в буржуазных источниках. Данные профсоюзной статистики позволяют составить близкое к действительности представление о положении рабочего класса.

Таблица 2

*Динамика заработной платы в Японии (в иенах)**

| Годы | По всем отраслям экономики | По обрабатывающей промышленности |
|---|---|---|
| | среднемесячная заработная плата | среднемесячная заработная плата |
| 1950 | 9 687 | 9 133 |
| 1951 | 12 200 | 11 708 |
| 1952 | 14 434 | 13 516 |
| 1953 | 16 741 | 15 322 |
| 1954 | 17 898 | 16 308 |

* Источник: «Родо токэй тёса гэппо», ноябрь 1955, стр. 42. Данные Министерства труда.

Чтобы правильно оценить реальную величину заработной платы японского рабочего, необходимо выяснить, в какой мере она обеспечивает удовлетворение нужд рабочего и его семьи. Как же отвечает на этот вопрос официальная статистика? Министерство труда приводит следующие данные, основанные на обследовании свыше двух тысяч семей, обеспеченных, несомненно, выше среднего уровня (см. табл. 2).

Простое сопоставление данных Министерства труда о размерах заработной платы с данными о доходе главы семьи показывает, что этот доход значительно завышен. Но, как видно из табл. 3, даже эти завышенные заработки главы семьи не покрывают расходов семьи. В семье (обычный состав которой — четыре-пять человек) в среднем занято 1,4 условного работника и, кроме того, имеются кое-какие побочные

[21] «Oriental economist», July 1954, p. 328.
[22] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 406.



Таблица 3

*Баланс доходов и расходов семьи**

| Дата | Действительный доход всей семьи | Доход главы семьи | Действительный расход | Баланс |
|---|---|---|---|---|
| 1951 среднемесячная | 16 531 | 13 793 | 16 235 | 296 |
| 1952 среднемесячная | 20 822 | 17 320 | 19 991 | 831 |
| 1953 среднемесячная | 26 025 | 21 341 | 24 687 | 1 338 |
| 1953 октябрь | 24 012 | 19 659 | 23 008 | 1 004 |
| 1954 октябрь | 26 537 | 21 492 | 25 217 | 1 320 |

* Источник: «Родо токэй тёса гэппо», январь 1955, стр. 12.

доходы. Только при этих условиях семья сводит концы с концами. Необходимо отметить, что доля главы семьи в доходах семьи имеет тенденцию к уменьшению. Так, если во второй половине 1952 г. она составляла 83,2%, то во второй половине 1953 г. она сократилась до 81,8%[23]. Это свидетельствует о том, что рост дороговизны заставляет других членов семьи изыскивать дополнительные источники дохода.

Анализ расходов семьи показывает, что они сводятся к предельному прожиточному минимуму. Так, 20 тыс. иен, которые ежемесячно расходовала семья в 1952 г., распределялись следующим образом. Около 2,5 тыс. иен—налоги (кроме подоходного), 8,8 тыс. иен, или половина оставшейся суммы, тратились на питание, 2,7 тыс. иен — на одежду, 0,8 тыс. иен — на отопление и освещение, свыше 1 тыс. иен — на квартирную плату. На все прочие расходы (транспорт, культурные нужды и т. д.) тратилось 4 тыс. иен [24].

Как указывает японская прогрессивная печать, вывод официальной статистики о том, что средняя трудовая семья сводит свой баланс с активом, совершенно не соответствует действительности. Экономический сборник «Нихон кэйдзай сикихо» на основе данных профсоюзных и других неофициальных статистических органов установил, что средняя рабочая семья имеет ежемесячный дефицит в размере 4—5 тыс. иен[25]. Доклад Всеяпонского профсоюза почтовых служащих города Фукуока свидетельствует, что из 575 членов союза 480 имеют долги. 80% опрошенных, независимо от того, являются они главами семьи или нет, мужчинами или женщинами, заявили, что жизнь с каждым годом становится все тяжелее.

Приведенные выше факты не вяжутся с официальной версией о значительном улучшении положения трудящихся в Японии. Правительственные «Белые книги по вопросам труда» утверждают, что росла не только номинальная, но и реальная заработная плата. Причем уже в 1952 г. она достигла довоенного уровня, а в 1953 г. она якобы превзошла этот уровень приблизительно на 9%[26]. В 1954 г., как признают официальные источники, рост реальной заработной платы приостановился, она увеличилась лишь на 0,3% по отношению к предыдущему году[27].

[23] «Родо тёса дзихо», № 186, стр. 4.
[24] 1953 年版労白書 «1953 нэмпан родо хакусё». Министерство труда. Токио. 1953, стр. 228—229.
[25] 日本經濟四秀報 «Нихон кэйдзай сикихо», 1955, № 9, стр. 180.
[26] «Родо токэй тёса гэппо», январь 1955, стр. 10.
[27] Там же.

Некоторое увеличение за последнее время как номинальной, так и реальной заработной платы рабочих, повидимому, не подлежит сомнению. Это прежде всего объясняется упорной борьбой японских рабочих за повышение своего жизненного уровня. Увеличение заработной платы, однако, не столь внушительно, как это стремится изобразить буржуазная статистика.

Так, например, ряд рабочих организаций решительно опровергает утверждение, что реальная зарплата в Японии ныне превысила довоенную. Федерация профсоюзов рабочих черной металлургии подсчитала, что средняя зарплата постоянных рабочих и служащих заводов Явата в 1934—1936 гг. превышала 100 иен в месяц, что в пересчете на современный курс иены превышает 35 тыс. иен, или вдвое больше существующих заработков рабочих Явата [28].

Основываясь на многих подобного рода подсчетах, Генеральный совет профсоюзов Японии установил, что лишь для достижения довоенного уровня реальной заработной платы необходимо довести средний заработок до 25 тыс. иен в месяц. При этом следует учитывать, что будет восстановлен тот уровень, который получил некогда известность как чрезмерно низкий, колониальный уровень.

Известно, как мало можно доверять средним цифрам, приводимым буржуазной статистикой. В отношении тех цифр средней зарплаты, которые мы приводили из официальных источников, надо сделать ряд оговорок. В частности, в эти цифры включены оклады, которые получает руководящий персонал предприятий и компаний. Но это еще не все. В Японии существует необычайное разнообразие размеров и форм заработной платы, которое буржуазия использует не только для прямого увеличения своих прибылей, но и для внесения раздоров в среду рабочих.

Эффективным средством сверхэксплуатации рабочих является широко применяемая система «стандартов» (установление «средней» для данной отрасли производства или предприятия ставки заработной платы), которая сочетается с чрезвычайно сложной тарифной сеткой заработков рабочих разных специальностей и квалификаций. При поддержке правительства капиталисты используют систему стандартов для замораживания общей суммы заработной платы на определенном уровне, обеспечивающем высокие прибыли.

Средняя зарплата в той или иной отрасли производства не дает представления о положении огромного большинства рабочих этой отрасли. Так, например, по данным Федерации профсоюзов рабочих частных железных дорог, число работников частных железных дорог, зарплата которых не достигает и средней, составляет не менее 70% всех рабочих. На государственных железных дорогах минимальная ставка равна 4400 иен, а максимальная — 46 300 иен. На предприятиях промышленности синтетической химии высшая ставка превышает низшую в 13 раз.

Пользуясь этой системой заработной платы, японская буржуазия создала своеобразную рабочую аристократию. Ее уровень жизни, конечно, сильно отстает от того уровня, который в состоянии обеспечить своей рабочей аристократии буржуазия стран Запада. Однако в Японии существует слой рабочих, заработная плата которых значительно выше, чем у среднего рабочего. Еще более, чем жизненный уровень, рабочую аристократию отделяет от массы ее положение на лестнице административных должностей. Типичной чертой крупного японского предприятия является чрезвычайная разветвленность низового административного аппарата. Так, на крупном заводе ведущего металлургического треста «Нипон кокан» в Кавасаки только цеховая администрация составляет 14% общего числа рабочих и служащих завода [29].

[28] «Нихон кэйдзай сикихо», 1953, № 1, стр. 194.



Низовой заводской администрации предоставлены широкие права. Даже мастер имеет право устанавливать разряд, по которому должна оплачиваться та или иная работа. При существующей в Японии дробности разрядов тарифной сетки рабочий не может как-либо контролировать мастера, ибо он не в состоянии разобраться в сложной системе разрядов. Рабочий обычно не знает, сколько он заработает на той или иной операции. Поскольку все зависит от мастера, перед ним открывается широкое поле для злоупотребления и вымогательства. Вот почему власть низовой администрации над рабочими на японских промышленных предприятиях огромна.

Администрация, как указывает рабочая печать, нередко контролирует деятельность низовых профсоюзных организаций, влияет на выборы членов профсоюзных комитетов, вмешивается даже в частную жизнь рабочего. Проблема борьбы с этим злом чрезвычайно остро стоит перед рабочим движением Японии.

Какие же группы рабочих относятся к низкооплачиваемым? Для суждения об этом неплохой материал дает следующая таблица заработной платы рабочих разных возрастов, основанная на данных статистического бюро при премьер-министре, на август 1953 г. (см. табл. 4).

Таблица 4

*Дифференциация возрастных групп рабочих по размерам заработной платы* (в %)*

| Возраст | Месячный заработок в иенах | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | Ниже 4 тыс. | 4—8 тыс. | 8—12 тыс. | 12—16 тыс. | 16—20 тыс. | Свыше 20 тыс. |
| 14—19 | 22,9 | 64,7 | 10,6 | 0,9 | — | — |
| 20—29 | 5,8 | 38,3 | 33,3 | 15,4 | 5,2 | 2,0 |
| 30—39 | 5,0 | 13,2 | 22,1 | 26,4 | 13,2 | 19,6 |
| 40—49 | 5,4 | 15,1 | 15,1 | 21,3 | 12,9 | 29,2 |
| 50—64 | 6,5 | 21,3 | 19,3 | 15,5 | 9,7 | 25,2 |
| Свыше 64 | 29,4 | 35,3 | 17,6 | 11,8 | — | — |
| Процент рабочих, имеющих указанный заработок | 9,0 | 31,0 | 23,0 | 17,0 | 8,0 | 12,0 |

* Примечание. Сумма цифр по некоторым группам возрастов не составляет 100%—так в источнике («Сангё родо гэппо», ноябрь 1953, стр. 30).

Как видно из таблицы, подростки и молодежь до 19 лет за редким исключением получают зарплату, не достигающую и половины средней, причем значительная часть молодежи имеет ничтожный заработок до 4 тыс. иен. Таким образом, эксплуатация подростков, производительность труда которых во многих случаях не уступает производительности труда взрослых рабочих, в Японии попрежнему почти безгранична. 40% всех рабочих зарабатывают меньше 8 тыс. иен, т. е. по существу голодают.

Другая группа рабочих, имеющих заработки значительно ниже средних, — это женщины. Если в 1955 г. (август) средняя заработная плата рабочего в обрабатывающей промышленности

[29] 日本資本主義講座 «Нихон сихонсюги кодза», т. 4. Токио, 1954, стр. 147.

составляла 19 460 иен, то средний заработок женщин составил только 7882 (в 1952 г. соответственно 13 516 иен и 6809 иен). По отношению же к заработку мужчины он составлял в 1952 г. 40,6%, а в 1953 г.— 39,4%. Таковы данные официальной статистики[30], а по подсчетам «Сохё» в 1954 г. в обрабатывающей промышленности заработок женщины не превышал трети заработка мужчины [31].

В текстильной промышленности даже на крупных предприятиях, где зарплата сравнительно высока, первые три года работница получала в среднем 4,7 тыс. иен в месяц, в следующие два года по 6,8 тыс. иен и после пяти лет — до 7 тыс. иен. Следует учесть, что в текстильной промышленности средний стаж работниц не более пяти лет (на предприятиях десяти крупнейших компаний он составляет в среднем 3,7 года [32]). Работница в состоянии прокормиться, если в семье есть еще работающие, и заработок женщины является подсобным, или же если работница содержит только себя и ее потребности урезаны до предела: она занимает тыновку в фабричной казарме, плохо питается, не обновляет своей одежды.

Как известно, в Японии до сих пор еще вербуют деревенских девушек на текстильные предприятия, причем девушки несколько лет отрабатывают небольшой аванс, выданный вербовщиком ее родственникам. На текстильных предприятиях Японии продолжает существовать долговое рабство женщин.

В Японии имеется еще одна категория рабочих, заработок которых намного ниже среднего. Это так называемые временные рабочие, не входящие формально в штат данного предприятия. Они менее организованы и менее способны постоять за свои интересы. На временных рабочих не распространяется действие рабочего законодательства, они поставлены в условия, значительно худшие, чем постоянные рабочие. Предприниматели искусственно разжигают рознь между ними и постоянными рабочими, для которых само присутствие временных рабочих является как бы напоминанием о том, что к услугам хозяина всегда имеется дешевая рабочая сила и он в любой момент может заменить тех, кто недоволен порядками на предприятии.

Согласно официальным данным, число временных и поденных рабочих в Японии превышает миллион. Основная их масса сосредоточена в промышленности (403 тыс.) и в строительстве (351 тыс.)[33]. Во многих случаях временные рабочие выполняют ту же работу, что и основные (например, на верфях Цуруми), однако оплачиваются они значительно ниже, чем основные. Их ставят на наиболее опасные и вредные работы. По данным Министерства труда, в 1953 г. временный рабочий в среднем получал 57% заработной платы кадрового рабочего[34]; в отдельные месяцы заработки временных и поденных рабочих спускались еще ниже. Наиболее широко труд временных рабочих используется в пищевой, текстильной, химической промышленности, в транспортном машиностроении. Японский монополистический капитал в немалой степени увеличивает за их счет свои барыши.

Таким образом, за цифрами средних заработков, публикуемыми официальной статистикой, кроется нищета большинства японских рабочих. При этом, как отмечает прогрессивная печать Японии, имеет место тенденция к увеличению разрыва между заработками отдельных категорий

[30] «Родо токэй тёса гэппо», январь 1955, стр. 16; ноябрь 1955, стр. 43.
[31] «Современное состояние рабочего движения в Японии», М., 1955, стр. 63.
[32] «Родо тёса дзихо», № 185, стр. 3.
[33] «Ниппон токэй нэнкан», 1953, стр. 54.
[34] По данным журнала «Oriental economist» за июль 1954 г.— 51,7.



рабочих. Японская буржуазия стремится отнести расходы по подкупу ею верхнего слоя рабочих на счет остальных рабочих. Японские профсоюзы ведут упорную борьбу с этим злом. «Сохё» потребовал установить в законодательном порядке твердо фиксированный минимум заработной платы [35].

Следует, наконец, указать на значительную разницу в заработной плате рабочих крупных предприятий, с одной стороны, и мелких и средних предприятий — с другой (см. табл. 5). На мелких и средних предприятиях занято в Японии подавляющее большинство рабочих обрабатывающей промышленности — не менее 65%.

Таблица 5

*Индекс заработной платы рабочих, занятых на различных по размерам предприятиях* *

| Годы | Размер предприятий по числу занятых на них рабочих | | | |
|---|---|---|---|---|
| | Более 500 | От 100 до 499 | От 30 до 99 | 20—29 |
| 1950 | 100 | 83,9 | 69,2 | 59,3 |
| 1951 | 100 | 80,5 | 65,3 | 56,6 |
| 1952 | 100 | 78,6 | 60,4 | 54,9 |
| 1953 | 100 | 77,9 | 60,8 | 55,9 |

* Источник: «Oriental economist», July 1954, p. 130.

На предприятиях с числом рабочих менее девяти заработки не достигают и половины того, что получает рабочий крупного предприятия. Между тем на такого рода мельчайших предприятиях занято более 20% всех рабочих обрабатывающей промышленности.

Крупным капиталистам чрезвычайно выгоден этот разрыв в заработной плате. Большинство мелких предприятий выполняет заказы крупных капиталистов, которые таким образом наживаются на дешевой рабочей силе мелких предприятий. Кроме того, капиталисты используют эту разницу для разобщения рабочих. Так, в кругах Федерации экономических организаций цинично заявляют, что если предприниматели вынуждены повышать зарплату рабочим крупных предприятий, то им это следует делать за счет рабочих мелких предприятий [36]. В 1955 г. было немало случаев, когда крупные предприниматели, выплачивая по требованию рабочих единовременные пособия, откладывали в связи с этим свои расчеты по заказам мелким предприятиям, что приводило к длительной задержке выплаты этими предприятиями заработной платы своим рабочим.

Задержка в выплате и невыплата заработной платы становится все более частым явлением на мелких и средних предприятиях, которые монополии держат на грани разорения. Так, если в 1953 г. в среднем в месяц было 1628 случаев невыплаты заработной платы на сумму в 439 млн. иен, то в 1954 г. число случаев ежемесячной невыплаты выросло до 1986 на сумму в 1346 млн. иен. В октябре 1954 г. было 2328 случаев невыплаты, а общая сумма невыданной рабочим зарплаты достигла 2042 млн. иен [37].

[35] «Родо тёса дзихо», № 186, стр. 5; «Нихон кэйдзай нэнкан», 1955, стр. 281.
[36] «Родо тёса дзихо», № 186, стр. 5.
[37] «Родо тёса токэй гэппо», январь 1955 г.

Таким образом, резюмируя все сказанное выше, мы можем утверждать, что понижение жизненного уровня рабочих в Японии выражается в росте безработицы, повышении цен на предметы первой необходимости, ухудшении положения низкооплачиваемых рабочих, в первую очередь — женщин и молодежи, увеличении разрыва в заработках рабочих крупных и мелких предприятий, задержке и невыплате заработной платы. Не подлежит сомнению улучшение положения некоторых привилегированных групп трудящихся, но не подлежит также сомнению и абсолютное обнищание большинства рабочего класса Японии.

*Рабочий день. Интенсификация труда.* По подсчетам японских профсоюзов, заработная плата японского рабочего «составляет в среднем одну десятую заработной платы рабочего США. Однако, если учесть, что в настоящее время разница между низшей и высшей зарплатой очень велика, то окажется, что около 50% всех рабочих получают менее 22 долларов в месяц», т. е. зарабатывают в десять с лишним раз меньше, чем их американские собратья[38].

Дешевизна рабочей силы дает японским, а также американским монополиям возможность извлекать огромные прибыли. Но они стремятся выжимать еще больше прибавочного труда, увеличивая время, в течение которого длится труд рабочего. Однако годы ожесточенной стачечной борьбы не прошли бесследно для японских рабочих. Они добились введения трудового законодательства, которое, при всей его половинчатости и неудовлетворительности, все же ограничивает («Закон о трудовых стандартах») рабочий день восемью часами, запрещает труд детей до 14 лет, применение женского труда и труда подростков в ночное время, регламентирует труд на вредных производствах и т. д.

Вот почему этот закон постоянно подвергается нападкам со стороны Федерации экономических организаций, Торговой палаты и других организаций монополистического капитала. В угоду им в 1952 г. закон был в некоторых пунктах ухудшен, однако это встретило столь энергичный протест со стороны профсоюзов и столь неблагоприятный отклик многих органов зарубежной прессы, что Министерство труда опасается повторить этот опыт. Оно предпочитает пока идти навстречу требованиям предпринимателей путем изменения ряда правительственных постановлений, основанных на этом законе и определяющих способы применения этого закона. Увеличивается, например, круг предприятий, имеющих право применять девятичасовой рабочий день (например, все предприятия с числом рабочих менее десяти), расширены категории женщин и молодежи, которых разрешено привлекать к работе в ночные смены.

Многочисленные нарушения закона со стороны предпринимателей не пресекаются. Так, по официальным данным, правительственные инспекторы установили, что в 1953 г. было 418 500 случаев существенного нарушения закона[39]. Часть предпринимателей ликвидировала у себя восьмичасовой рабочий день, формально не нарушая закона. Наиболее распространенным методом «законного» удлинения рабочего дня является практика сверхурочных работ. Нищенские заработки большинства рабочих вынуждают их идти на сверхурочные работы. По данным японских профсоюзов, «в судостроительной, металлургической, машиностроительной, химической и других отраслях промышленности существует много предприятий, на которых более 50% установленной заработной платы составляет оплата сверхурочных работ и работ в нерабочие дни. Таким

[38] «Современное состояние рабочего движения в Японии», стр. 11.
[39] До 1952 г. число нарушений превышало миллион в год («Родо тёса дзихо», № 185, стр. 8).



образом, закон о трудовых стандартах, предусматривающий восьмичасовой рабочий день, превращается в простой клочок бумаги»[40]. Согласно данным Федерации профсоюзов японских металлистов (Тэкко рорэн), на многих металлообрабатывающих предприятиях обычным является рабочий день продолжительностью в десять часов и более[41]. А ведь это предприятия, где условия труда сравнительно с другими наиболее благоприятны.

Иными методами достигается удлинение рабочего дня в текстильной промышленности. Здесь рабочий должен явиться за 15 минут до начала работы, чтоб приготовить рабочее место, и на 15 минут задержаться после окончания работы, чтобы почистить станок и произвести уборку. Кроме того, во время тридцатипятиминутного перерыва на обед и двух десятиминутных перерывов на отдых станки не останавливаются, так как рабочие уходят из цеха попеременно, а оставшиеся наблюдают за станками отсутствующих[42]. Даже по данным официальной японской статистики, средняя продолжительность рабочего дня неуклонно растет[43].

Массу произведенной в день прибавочной стоимости капиталисты увеличивают также путем интенсификации труда. Стачка на предприятиях крупнейшей текстильной компании Японии! «Оми кэнси» показала, какие изощренные методы эксплуатации рабочих применяют текстильные фабриканты. Чтобы заставить работницу работать еще напряженней, на нее воздействуют всеми мерами морального давления (слежка со стороны членов реакционных организаций, поощрение среди самих работниц наушничества и доносов, проповедь религиозного смирения).

На «Оми кэнси» существуют школы, в которых подростки проходят производственное обучение. За это они, как им внушают, должны быть благодарны хозяину. Под предлогом «практических работ» 500 девушек, обучающихся в этих школах, бесплатно работают в ночные часы.

В результате интенсификации труда металлургические компании сократили издержки на зарплату на тонну продукции. Если взять средние издержки за январь—июнь 1950 г. за 100, то в 1953 г. они составили 45,5, или уменьшились более чем вдвое[44].

Японские монополии в последние годы проводят при содействии американского капитала большую работу по модернизации и «рационализации» некоторых, главным образом военных и связанных с ними, отраслей промышленности. На эти цели правительством было отпущено 116,6 млрд. иен, причем почти три четверти этой суммы получили четыре монополии: «Явата», «Ниппон кокан», «Фудзи» и «Кавасаки». Эти мероприятия сопровождались массовыми увольнениями рабочих. «Рационализация» труда и отчасти модернизация оборудования, особенно в обрабатывающей промышленности, вызвали значительный рост производительности труда в послевоенное время (см. табл. 6). При оценке роста производительности труда следует учитывать, что в 1947 г. восстановление промышленности только начиналось, и лишь в 1952 г. производительность труда на 9% превысила довоенную.

В угольной промышленности за 1947—1954 гг. число рабочих сократилось с 454 тыс. до 291 тыс., а выработка на одного рабочего возросла с 6,3 до 12,9 тонны в ноябре 1954 г.[45] Известно, что технический прогресс

[40] «Современное состояние рабочего движения в Японии», стр. 11.
[41] «Нихон кэйдзай сикихо», № 4, стр. 79.
[42] См., например, «Нихон сихонсюги кодза», т. IV, стр. 174.
[43] «Родотокэй тёса гэппо», январь 1955, стр. 49.
[44] «Нихон кэйдзай сикихо», № 4, стр. 79.
[45] «Нихон кэйдзай сикихо», № 9, стр. 179.

в угольной промышленности был очень незначителен, следовательно, рост производительности в этом случае почти пропорционален интенсификации труда.

На металлургических заводах «Явата» число рабочих уменьшилось за год (2-й квартал 1952 — 2-й квартал 1953 г.) на 1 тыс. человек, а среднемесячная продукция на человека возросла с 9526 до 11 717 кг, или на 23%[46]. В хлопчатобумажной промышленности рационализация производства повела к увольнению с 1952 г. приблизительно 35% рабочих[47].

Таблица 6

*Динамика производительности труда* *

| Годы | Горная промышленность | Обрабатывающая промышленность |
|---|---|---|
| 1947 | 100 | 100 |
| 1949 | 130,3 | 191,7 |
| 1950 | 152,2 | 240,6 |
| 1951 | 182,3 | 318,0 |
| 1952 | 183,6 | 357,0 |
| 1953 | 210,2 | 440,0 |
| 1954 | 221,6 | 470,9 |

* Источник: «Родо токэй тёса гэппо», март 1955 г. Данные Министерства труда.

Потогонные методы работы повлекли за собой рост травматизма и заболеваний. С 1949 по 1953 г. на предприятиях обрабатывающей промышленности Японии в среднем в год регистрировалось страховыми органами свыше 550 тыс. случаев травматизма[48]. Нет сомнения, что много случаев травматизма не было учтено. Число случаев со смертельным исходом увеличилось за это время более чем на треть (с 3749 до 5012), а окончившихся более или менее продолжительной потерей трудоспособности — более чем на три четверти (с 32,7 тыс. до 57,2 тыс. случаев).

Газета «Асахи» писала в 1954 г., что состояние здоровья рабочих на рудниках и цементных заводах вызывает серьезную тревогу. По оценке газеты, примерно 40 тыс. рабочих (около 10%) срочно нуждаются в неотложном лечении от профессиональных заболеваний, грозящих им полной инвалидностью. В результате обследования положения рабочих на предприятиях одной из крупнейших в Японии текстильных компаний «Тоё босэки» выяснилось, что за пять лет, кончая 1952 г., заболеваемость текстильщиков туберкулезом возросла более чем на 50%.

Японская действительность полностью опровергает утверждения апологетов капитализма о том, что подъем уровня благосостояния рабочего происходит по мере увеличения производительности труда. Пример Японии — еще одно блестящее подтверждение правильности тезиса Маркса о том, что «изменение производительной силы труда, ее возрастание или уменьшение, влияет на стоимость рабочей силы в обратном направлении, а на прибавочную стоимость — в прямом направлении»[49].

Какие возможности для наживы открывает перед монополиями низкооплачиваемый и перенапряженный труд японских рабочих, видно из следующих примеров. По данным «Джепен эннюэл» за 1954 г., в результате повышения производительности труда углекопа за период 1-й квартал 1950 г.—2-й квартал 1951 г. с 8,8 до 10,8 тонны в месяц углепромышленники получили прибыли на одну тонну угля в тысячу иен и выше. Если учесть, что средний основной заработок углекопа составлял в 1951 г. 11 тыс. иен, т. е. рабочий получал около тысячи иен за тонну, станет ясным, как интенсивна эксплуатация. Вот почему десять крупнейших угольных

[46] «Нихон кэйдзай сикихо», № 4, стр. 77.
[47] «Нихон сихонсюги кодза», т. IV, стр. 174.
[48] «1953 нэмпан родо хакусё», стр. 113.
[49] *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 523.



фирм, в руках которых сосредоточено 54% добычи угля в стране, получили во второй половине 1951 г. в среднем 351% прибыли[50].

По подсчетам японского экономиста Нобуко Носэ, норма эксплуатации в Японии в 1951 г. составляла 235%, а в 1952 г. 247%[51]. Послевоенная Япония поистине является раем для капиталистов.

*Борьба трудящихся за повышение жизненного уровня.* Японские монополии при поддержке американских партнеров всеми средствами отстаивают неприкосновенность своих огромных барышей, извлекаемых путем эксплуатации японских рабочих. В мае 1953 г. Лига японских предпринимателей (Никкэйрэн) опубликовала свою программу в рабочем вопросе. Пункт «О системе оплаты в зависимости от состояния предприятия и производительности рабочего» означает отказ от всякого повышения зарплаты. Выдвинуты требования пересмотреть рабочее законодательство и ликвидировать систему социального страхования.

Однако монополии встречают усиливающееся сопротивление рабочего класса. Послевоенная Япония стала ареной острых экономических боев таких масштабов, каких страна до этого еще не знала. В этих боях участвуют миллионные массы рабочих. Месяцами длились стачки углекопов и электриков, рабочих, обслуживающих американские военные базы, рабочих-металлистов города Муроран, текстильщиков фабрик компании «Оми кэнси» и т. д. В этих стачках участвовали десятки, а в некоторых и сотни тысяч рабочих. Эти стачки дали замечательные примеры пролетарской солидарности и нашли сочувствие и поддержку у широких слоев непролетарского населения — крестьян и служащих.

Почти во всех этих стачках рабочим удавалось достичь полного или частичного успеха. Однако рабочим приходится ныне в любой стачке преодолевать самое упорное сопротивление объединенных сил предпринимателей, которые пользуются поддержкой аппарата государственной власти. Организации японских капиталистов (Федерация экономических организаций, Торговая палата и др.) открыто выступили против повышения жизненного уровня рабочих. При этом они противопоставляют требованиям рабочих как методы насилия и запугивания, так и методы обмана и дезориентации рабочих. Излюбленным их аргументом при этом является ссылка на тяжелые времена, которые переживает в настоящее время Япония.

Позиция монополистического капитала в этом вопросе нашла свое выражение в выступлении в парламенте 1 февраля этого года министра труда Японии Кураиси, который заявил, что всякие требования об увеличении зарплаты несвоевременны, и обрушился с угрозами на профсоюзы, намекнув, что в случае неуступчивости с их стороны правительство не остановится перед пересмотром рабочего законодательства.

Передовые рабочие ведут упорную борьбу с проникновением в рабочую среду буржуазной теории о том, что повышение жизненного уровня рабочих и, в частности, повышение заработной платы поведет якобы к банкротствам многих предприятий, к снижению экспорта и отразится на экономическом положении страны.

В вышедших в последнее время в Японии прогрессивных работах убедительно доказывается, что нормальному развитию японской мирной экономики мешает отнюдь не недостаток капиталов у японской буржуазии, а взятый правящими классами страны противоречащий интересам нации курс на милитаризацию народного хозяйства, лишающий Японию экономической самостоятельности и неизбежно обостряющий ее затруд-

[50] «Japan annual», 1954, стр. 241.
[51] «Kobe economic and business review», 1954, № 11, p. 169.

нения. Авторы этих работ, на основании фактов, утверждают, что массовое банкротство предприятий, особенно средних и мелких, происходит не потому, что растет заработная плата рабочих, а потому, что эти предприятия не выдерживают конкуренции крупного капитала. Они убедительно показывают, что причиной тяжелого положения рабочего класса является отнюдь не низкая производительность его труда, а политика монополистического капитала, стремящегося не допустить повышения жизненного уровня трудящихся, ибо это пошло бы вразрез с его ненасытным стремлением к извлечению возрастающих прибылей.

Все большее число японских рабочих убеждается в том, что бремя трудностей в Японии распределяется вопиюще неравномерно: в то время как буржуазия все быстрее обогащается, на долю трудящихся падают все возрастающие нужда и лишения. Особенно наглядно это стало в 1955 г., когда имел место значительный рост продукции во многих отраслях производства, когда резко увеличился экспорт Японии, когда возникла конъюнктура, которую японская буржуазная печать оценила как экономический подъем. Японский рабочий класс через свои профсоюзы поставил вопрос о том, что пришло время улучшить его жизненные условия.

В первые месяцы 1956 г. в борьбе за повышение заработной платы участвовало 3700 тыс. трудящихся — членов профсоюзов, входящих в «Сохё» и другие профсоюзные объединения.

В борьбе за повышение материального уровня их жизни, за свои политические права, за самостоятельное, демократическое развитие страны крепнет единство действий рабочих Японии — членов различных профсоюзных объединений. Примером единых действий явилось выступление ведущих японских профобъединений 1 мая 1956 г. под общими политическими и экономическими лозунгами. Коммунистическая партия Японии, руководствуясь решениями VI национальной конференции партии, развертывает упорную работу по преодолению раскола в рабочем движении, по установлению делового контакта с Японской социалистической партией.

Расширяются связи японских профсоюзов с советскими и другими профсоюзами, входящими во Всемирную федерацию профсоюзов. Об этом свидетельствует, в частности, Совместное коммюнике представителей ВЦСПС и «Сохё» от 24 мая 1956 г., в котором указывается, что укрепление связей между профсоюзами СССР и Японии могло бы иметь серьезное значение для развития взаимопонимания между народами обеих стран и сотрудничества в деле упрочения мира.

# КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ ПЕРВЫХ ШЕЙБАНИДОВ

*А. А. СЕМЕНОВ*

Степень культурного развития первых шейбанидов до сих пор была очень слабо отражена в исследованиях европейских ученых. В свое время Г. Вамбери даже писал, что узбеки XV в. «еще кутались в овчины и лошадиные шкуры, а их духовная жизнь,— по его словам,—развилась только до того, что они отчасти позволяли руководить себя (sic!) мнимому чудотворцу, отшельнику Ходже Ахмеду Езеви, своему национальному святому»[1]. Последнее представляет к тому же и грубый анахронизм, поскольку Ходжи Ахмед Есевийский умер еще в 562 (1166—1167) г. х.

Создатель в XV в. сильного узбекского государства кочевников — Абулхайр-хан (ум. в 1468 г.), который происходил от Чингизова сына Джучи и принадлежал к потомству его сына Шейбана, прошел довольно длинный жизненный путь. Возведенный на престол в городе Таре на Тоболе, повидимому, представителями всех трех главных племен, составлявших узбекский народ: шейбановцев, казахов и мангытов, Абулхайр, постепенно расширяя границы своих владений в длительной и упорной борьбе с непокорными султанами, в конце концов от далеких пределов Сибири дошел до Сыр-Дарьи и обосновался на степных просторах Восточного Кипчака, входившего когда-то во владения Орды, старшего сына Джучи. Таким образом, под власть Абулхайр-хана попали и бывшие владения его предка Шейбана и старшего брата последнего, Орды; в этом положении Абулхайр-хан оказался непосредственным соседом владений Тимуридов, которые в своих династических распрях не замедлили воспользоваться силою узбеков. В то же время они иногда стремились из политических расчетов и породниться с узбекскими ханами. Благодаря браку с Раби'я Султан-бегим, дочерью Улуг-бека, Абулхайр-хан породнился с домом Тимура. Правда, это случилось не при жизни Улуг-бека, а в 855 (1451) г. х., после взятия Самарканда Абу-Са'-ид-мирзой при помощи узбеков Абулхайра[2]. Принцесса, выросшая в культурной обстановке самаркандского двора Улуг-бека, несомненно, оказалась у Абулхайр-хана в других условиях жизни. Тем не менее глава кочевого рода, возможно, стремился создать для своей жены привычную ей с детства жизненную обстановку. Она, вероятно, провела в городе Туркестане все годы своего замужества. Во всяком случае в восточной части двора мавзолея-мечети Ходжи Ахмеда в городе Туркестане существовала небольшая очень красивая мечеть тимуридского стиля (обрушившаяся в 1895 г.),

[1] *Г. Вамбери*. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего, т. II. СПб., 1873, стр. 4.

[2] *В. В. Бартольд*. Улугбек и его время. Пг., 1918, стр. 116.

которая носила имя Раби'я Султан-бегим. Сама Раби'я Султан похоронена в большой зале мавзолея у правой стены, где лежит надмогильный камень с соответствующей надписью[3].

В какой мере был грамотен Абулхайр-хан, трудно сказать, но он был, несомненно, не чужд литературных интересов, а при завоевании крупных городов не проявлял обычной для того времени жестокости.

Его историк оставил нам интересные в этом отношении сведения. Абулхайр при Шахрохе, в 839 (1435—1436) г. х., подступил к Хорезму (городу Ургенчу). Население, видя, что ему не устоять против узбеков, а в то же время желая избежать ужасов расправы кочевников, решило выразить покорность Абулхайру. Отправленная горожанами мирная делегация к хану была им обласкана, и он пощадил город и жителей. Но нужно было как-то вознаградить войска, благодаря которым Абулхайру достался такой большой и богатый город. И вот что рассказывал потом автору «Абулхайрханской истории» (تاريخ ابوالخيرخانى) сын Абулхайра и Раби'я Султан-бегимы, Суюн-Ходжа-хан: «Мой отец после взятия Хорезма приказал открыть казну, которую прежние правители собирали с таким трудом и заботами, и отдал распоряжение двум эмирам, из числа великих, чтобы они сели у дверей казнохранилища, а все командиры, светские люди и простые солдаты по двое входили бы в нее, брали бы там такое количество, которое они без труда могли бы унести, и выходили обратно. Сообразно этому ханскому распоряжению все военные входили в сокровищницу, каждый брал себе столько, сколько мог [без напряжения] унести, и выходили оттуда. Вследствие этого, по ханской милости, войско обогатилось золотом и драгоценными камнями». И дальше: «поскольку высокое внимание благочестивого хана было направлено к улучшению положения высокостепенных ученых, кои суть наследники пророков,— да почиют над ними молитвы и мир! — то ученые того времени и великие шейхи ежедневно (пока Абулхайр находился в Хорезме) приходили в его небовидный чертог и пребывали там, вознося молитвы о его постоянном благоденствии. И в это счастливое время один дервиш (عزيزى) принес ради получения подарка сочиненную им оду (قصيده). Присутствовавшие теологи и ученые представили эту оду хану. Высокочтимый хан приказал главе теологов, квинтэссенции ученых, опоре суфиев, доказательству искателей [Высшей] истины, Мовляне Кемаледдину Хусейн-и Хорезмию,— да озарит Аллах его гробницу! — быть воспитателем ученых и написать на [преподнесенную дервишем] оду комментарий. Упомянутый Мовляна в силу сего высочайшего повеления занялся комментированием этой оды. Написав комментарий на тюркском языке с посвящением славному имени и титулам его величества Абулхайр-хана, он назвал его «Открытием истинного пути» (كشف الهدا). Этот высокополезный труд у [всех] султанов эпохи и у ученых [сего] века пользуется высоким авторитетом»[4].

Таким образом, из этого свидетельства видно, что Абулхайр-хан вел себя в занятом им Хорезме не как грубый степной хан, а как культурный

[3] *В. В[яткин]*. Историческая справка. «Туркестанские ведомости», 1906, № 3; *А. А. Семенов*: Мечеть Ходжи Ахмед Есевийского в г.. Туркестане. «Известия Средазкомстариса», вып. I. Ташкент, 1926, стр. 121—130.

[4] «تاريخ ابو لخير خانى» (Абулхайрханская история), сост. Мас'уд-бен-Осман-и Кухистани. Рукопись Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, из коллекции В. Л. Вяткина, инв. № 5392; датирована раби'ус-сани 1318 (июль—август 1900 г.), стр. 24—26 (по разметкам В. Л. Вяткина).



человек и имел общение с самым ученейшим человеком своего времени, Кемаледдином Хусейн-и Хорезмием, автором многих трудов и учеником Абу-л Вефа, одного из «великих суфийских шейхов» Хорезма (ум. в 835—1431/1432 г.). И второй небезинтересный вывод из этого свидетельства тот, что еще задолго до занятия Хорезма узбеками (что произошло в XVI в.) не только его рядовое население говорило по-тюркски, но и его образованные люди, вроде шейха Кемаледдина Хусейн-и Хорезмия, говорили и писали по-тюркски.

Внук Абулхайр-хана, родившийся в 855 (1450) г. х., Мухаммед-Шейбани-хан, глава и вождь узбеков, приведший их в Мавераннахр и покоривший всю державу Тимуридов, был человеком другого типа. Оставшись с детства сиротою после смерти своего отца Будак-султана, Шейбани вместе с братом Махмуд-султаном был взят на воспитание своим дедом Абулхайром; последний поручил надзор за сиротами и их обучение уйгуру Байшейху, который прежде был воспитателем их отца Будак-султана[5]. Что дал сиротам этот старый дядька-уйгур, научил ли он их грамоте, привил ли им в детстве любовь к знанию,— мы не знаем. Во всяком случае Шейбани с замечательным талантом полководца и государственного деятеля соединял превосходное образование в духе своего времени и в культурном отношении был на одном уровне с самыми выдающимися людьми тимуридской эпохи. И наиболее примечательным в этом богато одаренном человеке было то, что свое большое образование он сумел приобрести среди многих превратностей судьбы своей молодости, когда жизнь бросала его от преследования врагов усыновившего его деда то в Астрахань, то на берега Сыр-Дарьи, то в Мангышлак, то в Бухару и Самарканд. И этот человек, прошедший суровую школу жизни, сын степей, оценил все значение науки цивилизованного оседлого общества.

Живя в Бухаре в течение двух лет под покровительством тимуридского наместника Абудлали «тархана», Шейбани усердно занимался своим образованием главным образом под руководством одного из лучших тогда чтецов Корана — Мухаммеда Хитайи; в суфизме он был учеником известных в то время бухарских шейхов Джемаледдин-Азизана и Мансура, принадлежавших к ордену ходжагон (накшбендия)[6].

В молодости зароненная в его душу любовь к поэзии и науке сохранилась у Шейбани на всю жизнь. При всей своей бранной жизни, среди всех ее тревог и опасностей, Шейбани-хан едва ли не в любом городе и месте, где он останавливался, любил устраивать ученые собрания (маджлисы), на которых велись диспуты и открывались дискуссии на различные научные темы. Ученый перс Фазлулла бен Рузбехан Исфаганский, суннит, бежавший с родины из страха перед торжествующим в Иране шиизмом, нашел радушный прием у Шейбани-хана в Мавераннахре и стал непременным участником ученых собраний у хана. Он сопровождал Шейбани в его большом походе за Сыр-Дарью на казахов в суровую зиму 914 (1508—1509) г. х. и в своих интересных мемуарах записал не только темы, обсуждавшиеся на маджлисах Шейбани-хана, но и те выступления, которые делались по этим темам, в частности выступления Шейбани. И, может быть, самым любопытным в воспоминаниях Рузбехана Исфаганского является его рассказ о том, как в походе 1509 г. против казахов-узбеков, в жестокую стужу, Шейбани-хан, едучи на коне, вел со своими

[5] «شيبانى نامه» (Шейбани-наме); принадлежащая мне хивинская рукопись 1333 (1914—1915), л. 3-а.

[6] «Шейбани-наме», рукопись, л. 9-б; «لمحات من نفحات الانسن» шейха Алим-Азизана. Ташкент, 1327, стр. 102—103.

спутниками разговоры на темы учено-богословского характера[7]. Одинаково хорошо зная и тюркский и персидский языки, Шейбани-хан читал и османско-турецкие литературные произведения. Его историк и придворный поэт Бенаи (ум. в 1512 г.) в своей «Шейбани-наме» (Книге о Шейбани-[хане]) приводит такой эпизод.

Некий эмир Бек-Ата, бежавший из принадлежащего тимуридам города Отрара, преподнес Шейбани, тогда только что вступившему на путь военных авантюр, книгу «Искендер-наме» (Книгу об Александре [Македонском]), написанную на турецко-османском языке поэтом Ахмедом Руни[8]. В ней Шейбани поразило четверостишие в конце поэмы, которое содержало призыв к активным действиям, под ударами которых сокрушится даже держава Тимура. В память Шейбани глубоко врезались эти стихи, и он решил всегда в жизни «дерзать», несмотря ни на какие трудности. И впоследствии, когда в его руках были все владения Тимуридов, Хорезм и Хорасан, он нередко вспоминал, что своими успехами он обязан четверостишию в книге «Искендер-наме», которую ему когда-то подарил Бек-Ата[9].

Интересно, что в принадлежащей Институту востоковедения Академии наук Узбекской ССР уникальной рукописи «Шейбани-наме» Бенаи, переписанной лично Шейбани-ханом и его секретарем Мирзой Хусейн-мунши, описание данного эпизода представляет собой автограф вождя узбеков[10].

Шейбани-хан был также и поэтом, образцы его произведений приведены в стихотворной тюркской истории «Шейбани-наме», составленной его придворным поэтом Мухаммед-Салихом. Правда, враг и соперник Шейбани-хана, Султан-Бабур, говорит, что Шейбани после взятия Герата несколько дней декламировал безвкусные стихи и заставлял их читать с кафедры мечети, однако, как отмечает Г. Вамбери, «его стихотворения, вопреки заметке его отъявленного врага, обнаруживают редкий поэтический талант и основательное знание турецкого, персидского и арабского языков»[11]. Высокого мнения о поэтическом даровании Шейбани и его современник Мухаммед-Салих[12].

Дошедшее до нас в единственном экземпляре, в гератском списке 914 (1508) г. х., объемистое поэтическое произведение Шейбани-хана «Бахр-ал-Худа» (بحر الهدٰی) — «Море истинного пути» — находится в «Британском музее (add. 7914) и, насколько мне известно, никогда не подвергалось исследованию литературоведами-тюркологами. Эта обширная поэма в форме касыд содержит восхваления бога и Мухаммеда, размышления о суетности всего мирского; она заключает в себе правила морального и религиозного порядка, причем налет суфизма как бы указывает на былое «ученичество» Шейбани у бухарских шейхов ордена ходжагон, Джемаледдин-Азизана и Мансура. Любопытно, что поэма эта составлена Шейбани-ханом в то время, когда он уже был государем всей империи Тимуридов, целиком включавшей Мавераннахр и Хорасан.

«پادشاهلیغدا شبانی فقردین ایریماغیل
فقرشاهی ایکی عالم ایچرا بولور پادشا
تینکری گربیردی سنگا ایران و توران
بندلیق طورین شبانی بیرماغیل ایلدین دها»

«Шейбани, смотри, не разлучайся с бедностью
(в суфийском смысле), будучи и в царственном состоянии, (памятуя, что)
Обладатель (этой) бедности будет государем
в обоих мирах!
Если Господь дал тебе Иран и Туран, то
Ты, Шейбани, смотри, не оставляй рабского ему служения!»

Временем составления «Бахр ал-Худа» автор называет год дракона — между 1 и 5 числами мухаррема 914 г. х. (между 2 и 6 мая 1508 г.). Шейбани следующим образом уточняет дату написания своего произведения:

«منزلیم اول وقت ایدی بسطام بیلا د مغاندا
کیم منگا قیلدی مدد ارواح پاك انبیاء»

«Моим местопребыванием тогда были Дамеган с Бестамом,
Где мне оказали помощь чистые души пророков»[13]

И если слово «узбек» у тогдашнего населения Мавераннахра и Хорасана было синонимом «неотесанной деревенщины», «грубого степняка», подобно тому, как в султанской Турции у константинопольских османов слово «тюрк» обозначало «мужик», то ни в какой мере нельзя сказать это о Шейбани-хане. И не напрасно его придворный поэт, бухарец Мухаммед-Салих, в своей поэме «Шейбани-наме» влагает в уста своего героя такой стих:

«Джагатай или мени Өзбек диймесун
Бихуда фикр кылып гэм йимесун!
«Пусть джагатайский народ не называет меня
узбеком
И пусть не огорчается, понапрасну размышляя об
этом!»[14]

Иначе говоря, то, что до сих пор считалось укором, теперь не должно иметь места, ибо он, Шейбани-хан, хотя и узбек по происхождению, но вовсе не грубый, неотесанный степняк, а человек столь же большой культуры, как и всякий образованный человек тимуридских владений.

Несмотря на свое суннитское правоверие, ярко выраженное в принятом Шейбани-ханом титуле: «имам-аз-заман вэ халифат ар-рахман», т. е. «имам [своей] эпохи и наместник всемилостивого», Шейбани-хан, повидимому, вовсе не чужд был внимания и интереса к изобразительным искусствам, не в пример позднейшим узбекским узкофанатичным среднеазиатским правителям и их окружению. Об этом свидетельствует, в част-

---

[7] См. об этом во многих местах «مهمان نامهٔ بخاری» Фазлуллы Рузбехана Исфаганского; рукопись Института востоковедения АН Узбекской ССР, инв. № 1414, без даты (за утратою последних листов); повидимому, автограф автора.

[8] Полное имя — Таджуддин-Ахмед-бен Ибрагим ал-Ахмеди; он принадлежал к корпорации ученых теологов в период правления султана Баязида I (792/1389—805/1402); ал-Ахмеди умер в 812 (1409—1410) г. х. См. *Ch. Rieu*. Catal. of the turkish MSS in the Brit. Mus. London, 1888, p. 162—164.

[9] «Шейбани-наме», рукопись, л. 3-а, 12-б.

[10] См. *Мухаммед-Салих*. Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное изд. проф. П. М. Мелиоранского. СПб., 1908.

[11] «Baber Nameh». Ed. N. Ilminski. Cazani, 1857, p. 262; *Г. Вамбери*. Указ. соч., стр. 31.

[12] *Мухаммед-Салих*. Указ. соч.

[13] См. *Ch. Rieu*. Указ. соч., стр. 284—285.

[14] *Г. Вамбери*. Указ. соч., т. II, стр. 4, прим. 2.

ности, тот факт, что, овладев в мае 1507 г. Гератом, Шейбани возымел желание позировать перед тогдашним Рафаэлем Востока — Бехзадом, который написал с вождя узбеков сохранившийся до наших дней очень красочный и интересный портрет, ныне находящийся в частной коллекции в Америке (раньше он принадлежал известному парижскому искусствоведу Сакисяну).

На этом портрете мы видим сидящего на полу с поджатыми под себя ногами несколько грузного, лет под шестьдесят мужчину в костюме тимуридской знати, с очень правильными немонголоидными чертами строгого волевого лица, с небольшой бородкой. Подле него — письменные принадлежности: калямдан, чернильница и небольшая книжечка.

Будучи строгим последователем ханифитского толка, Шейбани-хан весьма снисходительно относился к шафиитским воззрениям Рузбехана Исфаганского и, кажется, находил удовольствие ставить его в затруднительное положение при разрешении несогласия во взглядах Абу-Ханифы и имама Шафи.

После трагической гибели Шейбани-хана в 916 (1510) г. х. его престол последовательно занимали его дяди, сыновья Абулхайр-хана и дочери Улуг-бека Раби' я Султан-бегим, престарелые: Суюнч-Ходжа-хан (очень короткое время) и Кучкунджи-хан, правивший 20 лет (с 916/1510 по 936/1530 г.). Оба они, вероятно, росли при матери в обстановке скорее оседлого, чем кочевого быта и, повидимому, были грамотными людьми. Что Кучкунджи-хан проявлял интерес к исторической литературе — это несомненно. Очевидно, слабо владея, а может быть, и совсем не владея таджикским языком, он поручает Мухаммеду Али-бен-Дервиш-Али-йи Бухарию перевести с таджикского на узбекский ту часть известного исторического труда Рашидеддина по всеобщей истории (جامع التواريخ), которая обычно называется «Тарих-и Газани» (Газанова история), и историю Тимура (ظفرنامه) Шерефуддина Езди. Первые сведения об этом сообщил В. В. Бартольд в своем «Отчете о командировке в Туркестан»[15]. Штудируя в Ташкенте рукопись Джурабека (بحر الاسرار), В. В. Бартольд писал: «Любопытно и, кажется, ново — известие, что при Кучкунджже-хане были переведены с персидского языка на турецкий „Тарих-и Газани" Рашид ад-Дина и „Зафер-намэ" Шереф ад-Дина Иезди»[16]. Однако переводы эти не были обнаружены, и они оставались неизвестны. Но в 1940 г. среди рукописей бывшего Восточного отдела Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР, теперь Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, нами был обнаружен полный и прекрасный список «Тарих-и Газани» в переводе на узбекский язык упомянутого Мухаммеда Али бен-Дервиш-Али-йи Бухария (инв. № 2).

Перевод должен был заключать в себе три тома «Газановой истории»: первый том посвящен истории тюрко-монгольских племен Чингиз-хана и его преемников, второй — истории монгольского правителя Ирана Улчжайту (703/1303—716/1315) и третий том — описанию стран известного тогда мира, но эта последняя часть в нашей рукописи отсутствует. Рукопись исключительно интересна в том отношении, что она является, повидимому, автографом переводчика, ибо переписчик именует себя Мухаммед-Али-бен-Мовлана Яр-Али. Переписана она в Самарканде в 932 (1525—1526) г. х. во время правления Кучкунджи-хана и, судя по отличному оформлению, представляет собой, вероятно, подносный экземпляр самому хану. В ней 511 листов размерами 24 × 35,5 см.

[15] «ЗВОРАО» XV, стр. 173—280.

[16] *В. В. Бартольд.* Указ. соч.



Наиболее волевой и энергичный из первых шейбанидов, талантливый и суровый воин-полководец племянник Шейбани-хана Убайдулла-хан, бывший с 940 (1533) по 946 (1539) г. х. верховным ханом всех узбеков, по своим литературным вкусам и интересам более всего походил на своего знаменитого дядю. Он любил поэзию на персидском и таджикском, тюркском и арабском языках, понимал толк в арабских произведениях, покровительствовал ученым, поэтам, художникам и музыкантам и был воспитан в духе суфийского миросозерцания. Даже свое собственное имя Убайдулла он носил в честь известного среднеазиатского ишана Убайдуллы Ходжи Ахрара (ум. в 1489 г.). Источник того времени говорит, что отец Убайдуллы-хана Махмуд-султан, брат Шейбани-хана и верный спутник всей его бранной жизни, по рождении ребенка (что было в 1483 г.) принес его к Ходже Ахрару и попросил благословить младенца и наречь ему имя. Ходжа Ахрар исполнил это и назвал его своим собственным именем. Мы не знаем, где получил Убайдулла-хан школьное образование настолько хорошо, чтобы владеть вышеназванными восточными языками в их литературной форме. В самом факте наречения имени младенцу Убайдулле Ходжою Ахраром кроется историческая загадка. Дело это было, несомненно, в Самарканде или под Самаркандом, где в то время проживал достигший глубокой старости Ходжа Ахрар, и было это сравнительно задолго до падения тимуридского государства.

В последующем Убайдулла изучал под руководством широко образованного перса-эмигранта Рузбехана Исфаганского, повидимому, вопросы так называемого калама (схоластического богословия) и юриспруденцию. В суфизме он был учеником известного тогда ишана Махдум-и Аз'ама. Вторым царственным учеником Махдум-и Аз'ама был Султан Бабур — заклятый враг Шейбани-хана и Убайдуллы-хана. Оба эти мурида были беспредельно преданы своему духовному наставнику и питали к нему уважение, а он для обоих писал суфийские трактаты по тем вопросам созерцательной жизни, которыми они наиболее всего интересовались.

В одном из таких трактатов — «Истолкование четырех принципов» (رسالهٔ بیان چهار کلمه), на которых зиждется учение ордена ходжагон, Махдум-и Аз'ам цитирует Убайдуллу-хана в таких теплых выражениях: «... Соответственно этому так выражается в одном тюркском четверостишии его величество, высокостепенный владыка, благосклонно принятый милосердным господом и возлюбленный сердец дервишей, Убайдулла-хан:

Ежесекундно странствую я по родине духа,
Путь совершая, я слежу за своими шагами.
Я одиноким держусь всегда на сборищах всех
И стремлюсь пройти близ уединенного места»[17].

Дошедшие до нас стихотворения (газали и четверостишия) самого Убайдуллы-хана, естественно, проникнуты суфийскими идеалами.

«بوی ارباب وفا از گل ما میآید* کعبه ز انرو بطوّاف دل ما میاید
بیست سر منزل مالائق هر نااهل* هرکه اهلست بسر منزل ما میاید»

«Наша первозданная глина пахнет ароматом
Верных [высшей истине] людей,
Потому-то вращением нашего сердца создается (духовная) Ка'ба

[17] Взято из принадлежащей мне богато оформленной рукописи «رساله‌های حضرت‌مخدوم اعظم», переписанной в 1142 (1729 г.) в Лагоре, л. 186.

Любой недостойный человек не достоин нашей
конечной станции:
Достигает ее [только] каждый достойный [18].

Покровительствуя поэтам и ученым, Убайдулла-хан стремился привлечь в Бухару и Самарканд наиболее достойных, по его мнению, из тех, которые жили вне этих столиц шейбанидов. Так, его исключительным вниманием пользовался в Бухаре ученый гератец Исамуддин Ибрагим Исфагани (ум. в 943/1536 или в 948/1541 г.), автор многочисленных комментариев, суперкомментариев, примечаний, толкований и т. п. по богословским трудам, по риторике и грамматике. Среднеазиатский источник XVIII в. сохранил нам небезинтересный анекдот о глубоких познаниях Исамуддина в арабской специальной литературе. Убайдулла-хан послал ему одно арабское четверостишие с просьбой сообщить значение этого четверостишия. Исамуддин в тот же день, после полуденной молитвы (намоз-и пешин), принялся за исполнение ханской просьбы и до вечерней молитвы закончил составление трактата, заключающего истолкование данного четверостишия, в котором каждый стих имел 656 значений. Убайдулла-хан был так этим доволен, что его благоволение и доверие к Исамуддину еще более увеличилось[19].

В 944 (1537—1538) г. х. Убайдулла-ханом был приглашен в Бухару из Кухистана (в Хорасане) Шамсуддин Мухаммед Кухистани, перс, оставшийся верным суннизму и прославившийся своею ученостью в области шариата; он занимал в Бухаре должность муфтия в течение почти 20 лет, до самой смерти, последовавшей в 965 (1557—1558) г. х. Перу Шамсуддин Мухаммеда принадлежит весьма объемистое руководство по мусульманскому законоведению, самое распространенное среди придерживавшегося ханифитского толка населения Средней Азии и Поволжья — «Собрание условных знаков, намеков» (جامع الرموز). Оно посвящено Убайдулле-хану и представляет собой истолкование трудных мест «Мухтасара»— сокращенного руководства по мусульманскому праву бухарца Убайдуллы бен-Тадж-аш-Шари'а (ум. в 746/1345 г.). Как «Мухтасар», так и «Джами'ар Румуз» обязательно изучались во всех среднеазиатских медрессе.

По взятии Герата у Сефевидов Убайдулла-хан вывел в Бухару много ученых, поэтов и художников, которые пользовались в его столице покровительством и вниманием; из таких лиц следует отметить известного миниатюриста гератской эпохи Навои, Махмуда «музаххиба» (позолотчика), создавшего по переселении в Бухару ряд превосходных миниатюр к нескольким рукописям, хранящимся ныне в Парижской национальной библиотеке.

Живо интересуясь музыкою, Убайдулла-хан поручает известному тогда бухарскому музыковеду Мовляне Каукабию написать трактат о канонической музыке, что тот и выполнил, изложив в нем теорию господствовавшего тогда учения о музыкальных построениях на основе так называемых «двенадцати макамов» (труд этот сохранился до наших дней в редких списках).

Собственное Убайдуллы-хана поэтическое творчество дошло до нас в уникальной рукописи, приобретенной Институтом востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Она представляет собой весьма внушительный том «Полного собрания сочинений Убайдуллы-хана» (Куллиат-и Убайдулла-хан), переписанный калиграфом Убайдуллы-хана через 30 лет после смерти хана. Рукопись отлично переписана и оформлена; переплет той же эпохи; весь текст составляют поэтические произведения Убайдуллы-хана на таджикском, арабском и узбекском языках; его поэтический псевдоним — Убайди.

[18] «مجمع الفصحا» Риза-Кули-хана, т. I. Тегеран, 1295, стр. 40.

[19] «تاريخ رقمى», принадлежащая мне бухарская рукопись, повидимому, XVIII в., л. 188—188-а.



В. В. Бартольд писал, что Убайдулла-хан, по тогдашним мусульманским воззрениям, был идеальным мусульманским государем, правившим в духе мусульманского правоверия и шариатского правосудия[20]. На такой оценке Убайдуллы-хана сходятся и его враги, с которыми он столь долго воевал, представители персов-шиитов и тимуридов. Так, Мирза Хайдар, тимуридско-монгольский принц, двоюродный брат Султана Бабура, в своих любопытных мемуарах высоко ценит Убайдулла-хана, как достойнейшего мусульманского государя за его справедливость, благочестие, стремление управлять государством на основах шариата и его законности, при этом Мирза Хайдар добавляет, что своим покровительством наукам, литературе и искусству Убайдулла-хан сделал Бухару центром образованности и высокой культуры и она достигла при нем такого же блеска в этом отношении, как Герат при Султан-Хусейне [21].

Как ценили Убайдуллу-хана его подданные, по крайней мере правящие круги, свидетельствует тот факт, что после его смерти было постановлено: навсегда поминать на хутбе его имя перед именем царствующего государя[22]. Случай весьма редкий в практике мусульманского теократического государства.

Мы остановились на характеристике культурного уровня этих четырех потомков сына Джучи — Шейбана, которые все вместе подготовили, начали и завершили завоевание узбеками империи Тимуридов. Все они, как мы показали, ни в какой мере не были чужды литературных стремлений, любили и ценили книгу и образованных людей, хотя бы и в духе воззрений теократического государства. Поэтому тогдашнее, особенно интеллигентное, общество, возглавлявшееся духовенством, не видело никакой разницы по существу между тимуридскими властителями и сменившими их узбекскими ханами.

В этой культурной преемственности отразился процесс слияния аристократической верхушки завоевателей и высших слоев феодального общества тимуридского Мавераннахра.

[20] *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 97.

[21] См. «بحر الاسرار» Мирзы Хайдара, рукопись Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, инв. № 1430, л. 179б.

[22] «تاريخ رشيدى» Махмуда бен Вемия, рукопись Института востоковедения АН УзССР за № 1375, л. 191 а.

# КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В КИТАЕ В 209—208 гг. до н. э.

*Л. С. ПЕРЕЛОМОВ*

Проблема характера социально-экономических отношений в древнем Китае еще окончательно не решена в китайской и советской историографии. Автор данной статьи ставит задачу осветить лишь один из вопросов этой проблемы — вопрос о причинах, характере и движущих силах восстания 209—208 гг. до н. э. Не считая свою точку зрения бесспорной и окончательной, автор, на основании известных ему материалов, пришел к выводу, что характерной чертой периода Чжаньго — Цинь (V—III вв. до н. э.) являлась борьба между рабовладельческим и феодальным укладами. К концу этого периода феодальный уклад стал господствующим. В основной отрасли хозяйства — земледелии преобладал труд крестьян-общинников, эксплуатируемых феодалами. Труд рабов применялся в строительстве различных сооружений, в ремеслах; большое число рабов обслуживало дома крупных земельных собственников.

В V—III вв. до н. э. Китай переживал значительный экономический подъем. В этот период произошли крупные сдвиги в развитии производительных сил. Железные орудия нашли широкое применение в земледелии, вызвав тем самым резкое повышение производительности труда. Развитие различных ремесел и рост городов способствовали значительному расширению торговли, что привело к появлению новой социальной прослойки — купцов. Купцы начали играть заметную роль не только в экономической, но и в политической жизни страны. Их стремление к приобретению земельных богатств наталкивалось на упорное сопротивление наследственной (рабовладельческой) аристократии. Во всех семи царствах тогдашнего Китая шла ожесточенная борьба как между эксплуататорами и эксплуатируемыми, так и внутри господствующего класса; между наследственной аристократией и новыми земельными собственниками-купцами. Ярким выражением этой борьбы явились реформы Шан Яна, проведенные в 359—348 гг. до н. э. в царстве Цинь, где группировка новых земельных собственников оказалась сильнее наследственной аристократии. Введение новой системы пожалования чинов, разделение царства Цинь на 31 большой уезд, во главе которых были поставлены царские чиновники,— все это подрывало экономическую и политическую мощь наследственной аристократии.

Большую роль в истории царства Цинь сыграла аграрная реформа Шан Яна. В результате осуществления этой реформы был нанесен сильнейший удар по системе цзин тянь, т. е. по общинной системе землевладения [1].

[1] Необходимо отметить, что смена первобытно-общинного строя рабовладельческим в Китае не привела к гибели общины. Община оставалась основой экономической жизни при рабовладении, пережитки общинных отношений играли значительную роль и при феодализме, особенно в его начальный период.



Дробление патриархальных семей и иммиграция крестьян из других царств, освобождение крестьян, производивших большое количество зерна, от трудовой повинности, способствовало развитию земледелия и привело к увеличению сельскохозяйственной продукции в царстве Цинь. В 350 г. до н. э. Шан Ян издал закон об унификации единиц измерения, что оказало благоприятное влияние на развитие торговли.

Последовательное осуществление реформ Шан Яна укрепило экономическое, политическое и военное могущество царства Цинь, выдвинув его в качестве объединителя всего Китая.

Период со второй половины IV до середины III в. до н. э. характерен еще бо́льшим обострением междоусобной борьбы. В первые сто лет царство Цинь одерживало неоднократные победы над соседями, но оно все же не имело еще достаточных сил для завоевания шести царств.

Во второй половине III в. до н. э. междоусобная борьба семи царств переросла в борьбу за объединение всей страны под властью Цинь. Это был совершенно закономерный, исторически обусловленный процесс, так как к этому времени в Китае сложились социально-экономические предпосылки, необходимые для объединения семи царств страны в единое государство.

Одной из основных предпосылок являлась необходимость создания централизованной системы ирригации, игравшей важную роль в земледелии. В период Чжаньго (V—III вв. до н. э.) каждое царство имело свою оросительную систему, регулируя подачу воды на поля. Оросительная система всех семи царств в той или иной степени была связана с бассейном одной реки — Хуанхэ. Общая зависимость от этой великой водной артерии Китая органически связывала оросительные системы различных царств, способствуя их объединению, однако политическая раздробленность навязывала совершенно иную тенденцию — тенденцию к превращению оросительной системы каждого царства в отдельную независимую единицу. Более того, правящие классы ряда царств, используя выгодное географическое положение своего государства, задерживали воду во время засухи, обрекая тем самым соседнее царство на голод; в период проливных дождей, наоборот, открывали плотины, затопляя поля враждебного царства. От этого страдали прежде всего непосредственные производители — крестьяне, разорение которых задевало также и интересы землевладельцев, тормозило развитие земледелия. Большое число ирригационных сооружений было разрушено в ходе непрерывных войн. Таким образом, возникла экономическая необходимость объединить раздробленные оросительные системы семи царств.

К концу периода Чжаньго вследствие постоянных междоусобных войн городское ремесло и торговля начали приходить в упадок. Дальнейшее экономическое развитие страны было невозможно в условиях разобщенного Китая.

К этому времени произошли коренные изменения и в соотношении сил борющихся царств. Царства Ци, Чжао, Хань, Янь, Чу и Вэй лишились значительной части своих территорий, отошедших вместе с проживавшим там населением к царству Цинь. Объединению страны способствовали также общность языка и общая культура.

Таким образом, к началу второй половины III в. до н. э. создалась реальная возможность для объединения Китая, что и было осуществлено царством Цинь в 221 г.

Стремясь предотвратить вооруженное выступление народа против своих угнетателей и разоружить разбитые армии покоренных царств, Цинь Ши-хуан, сразу же после образования империи, издал приказ о конфискации у населения всего оружия. Укрепив положение господ-

ствующего класса, Цинь Ши-хуан провел ряд реформ, направленных на развитие торговли и установление более прочной экономической связи между отдельными районами страны. Большое внимание в империи Цинь уделялось строительству ирригационных сооружений.

Вслед за тем Цинь Ши-хуан приступил к проведению в жизнь планов широкой внешней экспансии. Он посылал огромные армии на завоевание новых земель. Военные действия развертывались в основном у северных и южных границ страны. В боях участвовала большая часть мужского населения империи. Только одна армия генерала Мэн Тяня, выступившая в 214 г. до н. э. на север в поход против племен сюнну (гуннов), насчитывала 300 тыс. человек[2]. Число войск, действовавших на юге страны, достигало 500 тыс. человек[3]. Источники сообщают, что в период правления династии Цинь «из [каждых] 100 человек 50 занимались сельским хозяйством, остальные 50 военным делом»[4]. Войны, которые вела династия Цинь, пагубно влияли на развитие крестьянского хозяйства, надолго отрывая крестьян от производительного труда.

Цинь Ши-хуан уделял также большое внимание строительству дорог, дворцов, сторожевых крепостей и т. д. Вскоре после объединения страны были проложены дороги, ведущие на юг и на восток от Сяньяна — столицы Циньской империи. В 221 г. до н. э. на севере страны под руководством генерала Мэн Тяня началось строительство большой дороги, имевшей важное военностратегическое значение. Дорога, протяженностью в 1800 ли, прокладывалась от Цзююаня до Ганьцюаня в трудных условиях сильно пересеченной высокогорной местности [5].

По словам Сыма Цяня, в империи Цинь было построено свыше 700 дворцов. Самый большой из них — императорский дворец Эфан, на строительстве которого работало свыше 700 тыс. человек, мог вместить 10 тыс. человек[6].

При Цинь Ши-хуане была воздвигнута Великая Китайская стена, построенная для защиты от нападения кочевых племен и охраны торгового пути на запад[7].

Длительные военные походы, строительство дворцов и Великой Китайской стены требовали все новых и новых расходов. Вся тяжесть налогового гнета ложилась на плечи крестьян.

По свидетельству китайских источников, в период Цинь крестьяне платили налог (賦), равный $^2/_3$ урожая[8]. Кроме этого крестьяне должны были выполнять различные трудовые и военные повинности. За малейшую провинность любой чиновник мог подвергнуть крестьянина тяжкому наказанию. О деспотизме властей можно судить на основании следующих наказаний, существовавших в империи: порка плетьми (榜掠); принудительное снабжение топливом храмов предков в течение трех

---

[2] 司馬遷 史記 *Сыма Цянь*. Исторические записки — Шицзи (в дальнейшем — «Шицзи»). Шанхай, 1905, гл. 6, стр. 31 (I).

[3] 翦伯贊 中國史綱 *Цзянь Бо-цзань*. Очерки по истории Китая, т. II, ч. I. Шанхай, 1946, стр. 79.

[4] «Тункаобинкао». Цит. по *Цзянь Бо-цзань*. Указ. соч., стр. 79.

[5] «Шицзи», гл. 88, стр. 65 (2).

[6] Там же, гл. 6, стр. 35 (2).

[7] Великая Китайская стена начиналась у Линьтао в современной провинции Ганьсу и тянулась на восток до берега реки Ялу, отделявшей Китай от Кореи. Ее длина вместе со всеми ответвлениями составила около 4 тыс. км, высота стены достигала десяти метров, а ширина — нескольких метров. Строительство стены длилось более десяти лет. В нем участвовала трехсоттысячная армия генерала Мэн Тяня, мобилизованные крестьяне, ссыльные и рабы.

[8] 班固 前漢書 *Бань Гу*. История Ранней династии Хань (в дальнейшем — «Цяньханьшу»). Шанхай, 1905, гл. 24 (I), стр. 25 (2).



лет (鬼薪); клеймение и четырехлетняя ссылка на строительство Великой Китайской стены (黥爲城旦); ссылка на границу (謫), этому наказанию обычно подвергались провинившиеся чиновники; конфискация всего имущества (籍沒); семейная и групповая ответственность за преступление (連坐); публичная казнь (棄市); выкалывание пикой глаз (磔); разрубание пополам (腰斬); разрывание на части колесницами (車裂); закапывание живьем (坑); казнь всей семьи (戮戶); обезглавливание и выставление на шесте головы казненного (梟首); уничтожение семьи преступника по «трем линиям», т. е. родственников отца, матери и жены (三族) и т. д.[9]

Несмотря на жестокие законы, в стране ширилось народное движение, направленное против династии Цинь. Одной из форм протеста являлось бегство крестьян с насиженных мест. Задавленные непосильными налогами и эксплуатацией крестьяне и ремесленники бросали свое хозяйство и уходили на юг страны за Янцзыцзян в верховья реки По [10].

Китайские источники сообщают, что в 211 г. до н. э. на территории округа Дунцзюнь[11] упал метеорит, на котором «черноголовые» (т. е. народ) вырезали следующую фразу: «когда император Ши-хуан умрет, земля будет разделена»[12]. Это был протест против существовавшей тогда системы землевладения, призывавший крестьян к разделу господской земли.

Активизировалась борьба и внутри господствовавшего класса империи Цинь между рабовладельческой аристократией шести царств, покоренных Цинь Ши-хуаном, и феодальной знатью циньского двора. Представители наследственной аристократии шести царств организовали в 217 г. до н. э. покушение на Цинь Ши-хуана, однако императору удалось спастись [13]. Наследственная аристократия выступала против централизованного правления Цинь Ши-хуана, с конфуцианских позиций проповедуя возврат к старому. Власти ответили на эту агитацию репрессиями — вся конфуцианская литература была уничтожена, а 460 видных конфуцианцев были закопаны живыми в Сяньяне [14].

Обострение борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, а также внутри самого господствовавшего класса свидетельствовало о надвигавшемся кризисе Циньской империи.

Придя к власти в 209 г. до н. э., молодой император Эр Ши-хуан продолжал политику Цинь Ши-хуана: циньские войска вели бои на северных и южных границах империи, огромные массы крестьян и ремесленников отбывали трудовую повинность на строительстве ирригационных сооружений, дорог, дворцов, мостов и т. п. Яркое описание обстановки в Китае встречаем мы у Сыма Цяня: «Эр Ши... осуществлял много жестоких наказаний, придирчиво управлял чиновниками, поощрения и награды совершались не в соответствии с признаками справедливости, не было предела сбору налогов, в стране неспокойно, чиновники не могли навести порядок, народ нищенствовал, а император не оказывал никакой помощи народу. Поэтому мошенники усилили свою деятельность, среди чиновников царила безответственность. Людей, совершавших преступления, стало очень много, осужденные на казнь встречают друг друга на дорогах, вся страна страдала. Все — от аристократа и до простого народа опасались за свою жизнь и действительно они очутились в трудном положении,

---

[9] См. *Цзянь Бо-цзань*. Указ. соч., т. II, ч. I, стр. 78.

[10] Река По известна в истории древнего Китая как пристанище для всех недовольных существовавшей властью.

[11] Совр. Пуян в провинции Хэбэй.

[12] «Шицзи», гл. 6, стр. 36 (I).

[13] См. «Цяньханьшу», гл. 40, стр. 31 (2).

[14] См. «Шицзи», гл. 6, стр. 36 (I).

никто не мог спокойно жить на своих местах, поэтому все пришло в движение»[15]. Жестокий экономический и политический гнет привел к обострению борьбы между непосредственными производителями, с одной стороны, и правящей верхушкой империи Цинь, с другой.

Резкое увеличение налогов и дополнительная мобилизация в армию переполнили чашу терпения народа, в стране начались волнения. В июле 209 г. до н. э. на севере современной провинции Аньхой вспыхнуло крупное крестьянское восстание, во главе которого стояли крестьяне-поденщики Чэнь Шэн и У Гуан[16]. Костяком восстания был отряд новобранцев в количестве 900 человек, посланный в Юйян для несения пограничной службы на севере Китая[17]. В результате частых проливных дождей дороги стали трудно проходимы и отряду пришлось на некоторое время задержаться в волости Дацзэ. Ввиду вынужденной остановки отряд мог прибыть к месту сбора с большим опозданием. Это очень взволновало новобранцев, ибо, согласно циньским законам, за опоздание к пункту сбора новобранцев подвергали смертной казни. Двое новобранцев Чэнь Шэн и У Гуан решили, что единственный выход из создавшегося положения — поднять восстание. Стремясь привлечь на свою сторону мобилизованных крестьян, они стали выдавать себя за наследника престола Фу Су и чуского генерала Сян Яня, казненных Эр Ши-хуаном: «Чэнь Шэн сказал товарищу: „Страна уже давно страдает от Цинь, как мне известно, Эр Ши является младшим сыном и не должен сидеть на престоле. На престоле должен находиться принц Фу Су. За то, что Фу Су неоднократно порицал своего отца, отец заставил его командовать войсками на границе. Сейчас некоторые узнали, что он безвинно погиб от руки Эр Ши. Народ много слышал о его мудрости, но не знает о его гибели. Сян Янь был чуским генералом, имел много заслуг, заботился о солдатах. Народ Чу жалеет его. Некоторые считают, что он погиб, другие думают, что он находится в изгнании. Я думаю, если мы выдадим себя за принца Фу Су и Сян Яня для того, чтобы призвать всю страну, то можно предположить, что многие откликнутся на наш призыв"... У Гуан одобрил это»[18].

Приведенный отрывок свидетельствует о силе монархических стремлений у китайских крестьян того времени. Чэнь Шэн и У Гуан понимали, что крестьяне пойдут за ними только в том случае, если они выдадут себя за тех, кто имел «законные» права на престол и пострадал от гнета Эр Ши-хуана. Чэнь Шэн и У Гуан решили также воспользоваться суеверием крестьян для поднятия своего авторитета. Как рассказывает Сыма Цянь: «они красной краской написали на материи: „Чэн Шэн будет князем"», и положили в желудок рыбы, пойманной рыбаком. Один солдат купил рыбу для еды. Обнаружив записку в желудке рыбы, он, конечно, удивился и рассказал об этом другим солдатам. Затем они тайно послали человека в заброшенную кумирню, находившуюся недалеко от места ночлега солдат У Гуана. Ночью этот человек мигал факелом и, подражая лаю лисы, прокричал: „Великое Чу будет восстановлено, Чэнь Шэн будет князем". Это было ночью и все солдаты испугались. Утром среди солдат начались разговоры; указывая на Чэнь Шэна и У Гуана, они говорили, что Чэнь Шэн и У Гуан любят людей, поэтому многие солдаты слушаются их»[19].

---

[15] «Шицзи», гл. 6, стр. 40.

[16] В биографии Чэнь Шэна говорится: «В молодости Чэнь Шэн нанимался к людям обрабатывать землю». См. «Шицзи», гл. 48, стр. 25. Единственным источником о восстании 209—208 гг. до н. э. являются «Шицзи» Сыма Цяня, поэтому ход восстания описывается по Сыма Цяню.

[17] «Шицзи», гл. 48, стр. 25.

[18] Там же.

[19] Там же.



Чэнь Шэн и У Гуан решили перейти к действиям. Улучив удобный момент, они убили командира отряда и его заместителя. Чэнь Шэн обратился к своим товарищам, призывая их поднять восстание: «Вы опоздали из-за дождя, вам должны отрубить головы. Если даже вам не отрубят головы, то все равно на пограничной службе обычно умирают шесть-семь человек из десяти. Богатыри же не погибают, если они и погибают, то имена их прославляются. Разве императоры, князья, генералы и министры рождаются такими?»[20]

Последняя фраза является как бы политическим лозунгом восставших. Господствующий класс внушал китайскому крестьянину, что существующий порядок незыблем и нерушим, что император должен быть императором, а крестьянин — крестьянином. Однако часть крестьянства уже в то время понимала всю лживость и несправедливость этой заповеди. Чэнь Шэн призывал своих товарищей бороться за крестьянских императоров, князей, генералов и министров, т. е. таких императоров, которым были бы близки страдания простого народа. Воодушевленные солдаты поддержали своего нового вождя. Как сообщает Сыма Цянь: «Его сторонники (т. е. сторонники Чэнь Шэна. — *Л. П.*) единогласно заявили: «Мы будем с готовностью выполнять ваши приказы»[21].

Весть о восстании молниеносно разнеслась по всей округе. К восставшим стали присоединяться крестьяне окрестных деревень. Представители местных властей поспешили укрыться. В целях еще большего сплочения восставших Чэнь Шэн и У Гуан собрали новобранцев и крестьян перед большим курганом, возвышавшимся за деревней, и принесли торжественную клятву в верности делу восстания. После традиционного обряда жертвоприношения повстанцы провозгласили Чэнь Шэна полководцем, а У Гуана его помощником. Быстро овладев волостью Дацзэ, восставшие крестьяне, руководимые Чэнь Шэном и У Гуаном, заняли вскоре весь уезд Ци, не встретив большого сопротивления. Заняв Ци, повстанцы укрепили тем самым опорную базу восстания. Развивая наступление дальше, отряд восставших под командованием крестьянина Гэ Ина пошел на восток от Ци. Основные силы повстанцев двинулись на запад по направлению к Чэньчжоу, освобождая на своем пути уезды Чжи, Цзань и уездные города Ку, Чжэ и Цяо. В то время у восставших крестьян еще не было определенного плана действий. Освободив несколько уездов округа Пэй, восставшие крестьяне направились на запад. Двигаясь с боями, они прошли свыше 200 км по северо-западной части современной провинции Аньхой и вошли в провинцию Хэнань. Крестьяне освобожденных деревень и уездов, вооружившись тяпками и дубинами, прихватив продовольствие, лошадей и повозки, вливались в ряды победоносно двигавшейся крестьянской армии.

Отряд Чэнь Шэна и У Гуана, малочисленный в начале восстания, увеличивался как снежный ком. Не прошло и месяца после начала восстания, а отряд Чэнь Шэна—У Гуана уже насчитывал, по словам Сыма Цяня, «600—700 боевых колесниц, свыше тысячи всадников, несколько десятков тысяч солдат [пехотинцев]»[22].

Следовательно, можно с полным основанием называть этот отряд крестьянской армией. Все ее рядовые, так же как и руководители, были крестьянами.

Собрав такую большую армию, Чэнь Шэн и У Гуан решили двинуться к столице Циньской империи, находившейся на довольно большом для

---

[20] «Шицзи», гл. 48. стр. 25.

[21] Там же.

[22] Там же.

того времени расстоянии [23]. Это был трудный поход. На пути восставших находились хорошо укрепленные города и населенные пункты. Первым таким городом был Чэньчжоу — центр уезда Чэнь. Весть о приближении огромной крестьянской армии опережала двигавшихся к городу повстанцев. Испуганные чиновники и гарнизон города разбежались, остался только один начальник стражи ворот с небольшой горсткой солдат. Он попытался оказать сопротивление, но был смят и уничтожен передовым отрядом восставших. Крестьянская армия при бурном ликовании народа вступила в Чэньчжоу. Здесь был разработан план дальнейших действий. Стремясь расширить сферу влияния восстания, Чэнь Шэн разделил армию на большие отряды и послал их на север, восток, запад и юг.

Отряд Гэ Ина был послан на север современной провинции Аньхой в район бассейна реки Хуайхэ, где действовали самостоятельные, разрозненные группы восставших крестьян. Гэ Ин должен был соединиться с ними и совместными усилиями захватить город Дунчэн, находившийся на юго-востоке нынешнего уезда Динюань провинции Аньхой.

На север современной провинции Аньхой был послан отряд под командованием Дэн Цзуна. Отряд Дэн Цзуна должен был освободить округ Цзюцзян, расположенный на территории современного уезда Шоу провинции Аньхой.

Уроженец царства Вэй, Чжоу Ши был послан на север для захвата территории бывшего царства Вэй. Два самых крупных отряда: отряд У Гуана и отряд Сун Лю были посланы на запад на захват Сяньяна — столицы Циньской империи. Отряд У Гуана должен был занять Иньян, а затем совместно с отрядом Чжоу Вэня двинуться на Тунгуань [24]. Отряду Сун Лю предстояло сначала занять Наньян, а потом захватить Угуань [25].

Укрепленные пункты Тунгуань и Угуань находились на границе современной провинции Шэньси. Восточная часть Шэньси гориста. Горы достигают здесь 1500, а местами 2000 метров над уровнем моря. Горные дороги труднопроходимы. Наиболее удобные пути из Хэнани в Шэньси лежат через Тунгуань и Угуань. Заняв Тунгуань и Угуань, восставшие как бы брали Сяньян в клещи, наступая на него двумя колоннами: с северо-востока и юго-востока.

Как видно из вышеприведенного, крестьянские армии действовали по заранее разработанному плану. Освобождая все новые и новые районы, они направили свои главные силы на захват Сяньяна. Восстание охватило уже северную и центральную части современной провинции Аньхой, провинцию Хэнань, южную часть Шаньси. Быстрые успехи крестьянского восстания объясняются в значительной степени переходом большинства солдат местных гарнизонов с оружием в руках на сторону повстанцев, что привело к резкому усилению боеспособности повстанческой армии [26].

В Чэньчжоу — центр восстания — прибывали толпы крестьян, ремесленников; получив оружие, они вступали в различные отряды крестьянской армии.

Потянулись в Чэньчжоу и представители имущих классов, недовольные циньской властью. Это были преимущественно представители оппозиционных групп наследственной аристократии, а также видные чиновники

[23] По карте, если считать по прямой от волости Дацзэ до Сяньяна, получается около 700 км, а так как армия Чэнь Шэна — У Гуана двигалась по дорогам, то восставшим крестьянам нужно было пройти не менее 1000 км.
[24] «Шицзи», гл. 48, стр. 25.
[25] Там же, стр. 26.
[26] См. там же, стр. 25.



и военачальники шести царств, уничтоженных Цинь Ши-хуаном. В династии Цинь они видели своего кровного врага и стремились пробраться к руководству восстанием, чтобы использовать его в своих интересах. Если на первых порах во главе повстанческой армии стояли исключительно выходцы из крестьян: У Гуан, Дэн Юэ, Гэ Ин, Дэн Цзун и другие, то позднее в восстании большую роль начинают играть представители имущих классов Чжан Эр и Чэнь Юй, бывшие в свое время крупными чиновниками царства Вэй [27]. К армии Чэнь Шэна — У Гуана присоединились также и другие представители оппозиционных групп имущих классов, в частности, вэйский принц Вэй Бао [28], а также конфуцианцы, подвергавшиеся преследованию со стороны правительства Цинь Ши-хуана. Как сообщает Сыма Цянь, восьмой потомок Конфуция — Кун Фу привел с собой группу конфуцианцев из бывшего царства Лу [29]. Конфуцианцы, так же как и представители аристократии, преследовали свои цели.

Особенно ярко проявилось это во время выборов князя. Когда армия восставших вошла в Чэньчжоу, Чэнь Шэн созвал самых старых и наиболее влиятельных среди населения людей, которые от имени всех крестьян и населения города просили Чэнь Шэна стать князем [30]. Восставшие крестьяне видели в лице Чэнь Шэна своего, крестьянского вождя. Они хотели узаконить власть Чэнь Шэна и продолжать борьбу до полного уничтожения циньской власти и установления своей, крестьянской империи во главе с Чэнь Шэном.

Это шло вразрез с интересами наследственной аристократии, стремившейся к восстановлению шести раздробленных царств, уничтоженных при Цинь Ши-хуане. От ее имени выступили Чжан Эр и Чэнь Юй, рекомендуя Чэнь Шэну не принимать княжеский титул. Они мотивировали это тем, что в противном случае Чэнь Шэн лишится поддержки не только наследственной аристократии, но и всей «страны», т. е. всего народа: «Вы только пришли в Чэнь и уже хотите стать князем, этим самым Вы показываете стране свои корыстолюбивые замыслы. Мы хотим, чтобы Вы не становились князем, а немедленно собрали войска и двинулись на запад, послав людей восстановить шесть княжеств [царств] ... Сейчас Вы хотите стать только князем Чэнь, [мы] опасаемся, что страна не последует за Вами»[31]. Однако по настоянию крестьян Чэнь Шэн был провозглашен князем [ваном] Чэнь; своим заместителем [цзя ваном] он назначил У Гуана. Первая попытка наследственной аристократии воспрепятствовать переходу власти в руки крестьян окончилась провалом.

Чэнь Шэн обратился к крестьянам всей страны с призывом подняться на борьбу против циньских властей. Под влиянием успешного наступления отрядов Чэнь Шэна и У Гуана, по всей стране стали вспыхивать очаги крестьянских восстаний. «В то время,— пишет Сыма Цянь,— во всех округах и уездах, все страдавшие от циньских чиновников стали наказывать их, убивая старших чиновников, это был отклик на призыв Чэнь Шэ»[32].

Отряд У Сюя захватил город Сюй. Отряды восставших крестьян под командованием Цинь Цзя, Дун Сюя, Чжу Цзи-ши, Чжэн Бу, Дин Цзэ и других вели совместные бои за захват Дунхая, крупного города, имевшего важное стратегическое значение.

В то же время представители наследственной аристократии, чиновники,

[27] «Шицзи», гл. 89, стр. 66.
[28] Там же, гл. 90, стр. 69.
[29] Там же, гл. 121, стр. 19.
[30] Там же, гл. 48, стр. 25.
[31] Там же, гл. 89, стр. 66.
[32] Там же, гл. 48, стр. 25.

служившие в свое время той же аристократии, постепенно занимали важнейшие командные посты в армии восставших.

Как сообщает Сыма Цянь, крупному аристократу Цай Сы, владельцу земель в Фане, было присвоено высшее воинское звание — шанчжуго [33]. Известный чиновник Чжоу Вэнь, служивший у правителя Чуньшэна, был произведен в цзянцзюни. Конфуцианец Кун Фу стал одним из ближайших советников Чэнь Шэна [34]. Чиновники-аристократы Чжан Эр и Чэнь Юй вырабатывали планы дальнейших действий крестьянской армии. Выходцы из крупных чиновников Чжу Фан и Ху У олицетворяли высшую судебную власть: Ху У был назначен на должность сыго (прокурора), а Чжу Фан чжунчженем [35].

Пробравшись к власти, представители имущего класса пытались изменить первоначальный план восстания, согласно которому крестьянские отряды неуклонно продвигались к столице империи Сяньяну. Такой план расходился с интересами представителей наследственной аристократии, стремившихся в первую очередь к восстановлению своих бывших владений. У Чэню, Шао Сао, Чжан Эру и Чэнь Юю удалось получить трехтысячный отряд для завоевания бывшего царства Чжао [36]. Вслед за этим отрядом из Чэньчжоу ушел на север отряд под командованием Чжоу Ши. Отряд Чжоу Ши должен был завоевывать земли бывшего царства Вэй [37].

Отборный отряд У Чэня успешно продвигался вперед, захватывая один город за другим; за короткий срок было занято десять городов. Не сумев завоевать всю территорию бывшего царства Чжао, У Чэнь повел свой отряд на север, намереваясь взять Фаньян. Фаньян был взят без потерь, так как местные власти не оказали никакого сопротивления. После этого отряд У Чэня занял еще около 30 городов и вступил в Ханьдань — столицу бывшего царства Чжао. Заняв Ханьдань, У Чэнь провозгласил себя царем Чжао, Чэнь Юй был назначен главнокомандующим, Чжан Эр и Шао Сао—царскими советниками [38]. После того как У Чэнь стал царем Чжао, он перестал выполнять приказ Чэнь Шэна. Узнав об измене У Чэня, Чэнь Шэн арестовал семьи У Чэня, Чжан Эра, Чэнь Юя и других, намереваясь казнить их. Цай Сы, втайне сочувствуя У Чэню и остальным аристократам, был против казни. Ему удалось уговорить Чэнь Шэна признать новоиспеченного царя: «Тогда царь Чэнь отправил посла поздравить царя Чжао, и перевез семьи У Чэня и других в свой дворец под наблюдение»[39]. А в это время часть повстанческой армии под командованием Чжоу Вэня продолжала двигаться вперед и с боем заняла хорошо укрепленную крепость Тунгуань, имевшую большое стратегическое значение. Перед восставшими открылась прямая дорога на Сяньян. Когда отряд Чжоу Вэня зимой 208 г. до н. э. достиг местечка Си, он насчитывал несколько десятков тысяч солдат, отряд имел также около тысячи боевых колесниц. Здесь, в 38 километрах от Сяньяна, отряд Чжоу Вэня остановился в надежде на получение помощи от отряда У Чэня. Пытаясь вновь привлечь на свою сторону У Чэня, Чэнь Шэн присвоил его сыну Чжан Ао почетный титул правителя округа Чэнду [40].

---

[33] Высшее воинское звание, впервые установленное в период Чжаньго, было упразднено во время правления Циньской династии.

[34] «Шицзи», гл. 121, стр. 19.

[35] Исполнял функции главного судьи. Эта должность впервые была учреждена Чэнь Шэном.

[36] «Шицзи», гл. 89, стр. 66.

[37] Там же, гл. 48, стр. 25.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] Там же.



Однако, несмотря на возвышение Чжан Ао и неоднократные приказы Чэнь Шэна, У Чэнь не двинул свои войска к Сяньяну. Отряд Чжоу Вэня оказался под угрозой поражения.

Весть о приближении восставших крестьян застала императорский двор врасплох. Циньские власти знали о восстании, происходившем в Чэньчжоу, где-то далеко от столицы; они не посылали войска из центра, думая обойтись местными силами.

Императорский двор был занят разрешением более «насущных» вопросов. Несмотря на то, что после воцарения Эр Ши-хуана прошло два года, борьба группировок не только не затихла, а, наоборот, разгоралась все сильнее [41]. Стремясь полностью забрать власть в свои руки, группировка Чжао Гао постепенно отстраняла Эр Ши-хуана от решения всех государственных дел [42]. Подобное положение вызвало ответную реакцию со стороны группировки Ли Сы. Ли Сы, занимавший пост чэнсяна [43], неоднократно обращался к Эр Ши-хуану, призывая его сосредоточить власть в своих руках и не делить ее ни с кем [44]. Однако император не внимал этим советам; он был склонен больше доверять своему придворному советнику Чжао Гао. Последний использовал все возможные способы и средства для достижения намеченной цели. Воспользовавшись тем, что восставшие крестьяне захватили округ Саньчуань, он обвинил в измене старшего сына Ли Сы, Ли Ю, бывшего начальником этого округа. При этом Чжао Гао намекнул императору, что Ли Сы является одним из участников заговора в Шацю [45], и что, при желании, он может использовать все это в своих целях. Ли Сы был обвинен в неблагонадежности, посажен в тюрьму и приговорен к наказанию в тысячу палочных ударов [46]. Устранив Ли Сы, группировка Чжао Гао забрала власть в стране в свои руки.

Такова была обстановка при дворе зимой 208 г. до н. э., когда отряд повстанцев приблизился к Сяньяну. Появление восставших крестьян у стен столицы вызвало страшный переполох. Эр Ши-хуан созвал на экстренное совещание своих приближенных. Нужно было принимать срочные меры, но войск в столице было недостаточно. Поэтому циньское правительство решило усилить их мобилизованными крестьянами, ремесленниками, рабами и заключенными, занятыми на постройке императорской гробницы в Лишане. Эр Ши-хуан приказал освободить заключенных, вооружить их и двинуть против восставших крестьян [47].

Отряд Чжоу Вэня был малочисленнее и хуже вооружен, чем регулярная правительственная армия. В первом же бою правительственная армия нанесла поражение восставшим. Отряд Чжоу Вэня отступил в Цаоян [48]. В Цаояне восставшие крестьяне укрепили город и в течение долгого времени оказывали упорное сопротивление правительственным войскам. Только через два с половиной месяца Чжан Ханю удалось занять Цаоян. Все попавшие в плен повстанцы были зверски умерщвлены [49]. Заняв

---

[41] В период правления Эр Ши-хуана в правящем лагере империи Цинь имелись две группировки: а) группировка новых земельных собственников, тесно связанных с торговыми кругами, во главе этой группировки стоял Ли Сы; б) группировка придворных евнухов во главе с Чжао Гао. Необходимо отметить, что в руках евнухов были сосредоточены крупные земельные богатства.

[42] См. «Шицзи», гл. 87, стр. 64.

[43] Первый министр при дворе.

[44] См. «Шицзи», гл. 87, стр. 64.

[45] В Шацю было подделано завещание Цинь Ши-хуана, в результате чего к власти пришел не старший, а младший сын Цинь Ши-хуана, т. е. Эр Ши.

[46] «Шицзи», гл. 87, стр. 64.

[47] Там же, гл. 48, стр. 25.

[48] Город Цаоян был расположен в западной части современного уезда Шэнь провинции Хэнань.

[49] «Шицзи», гл. 48, стр. 25.

Цаоян, армия Чжан Ханя продолжала преследовать отступавший отряд Чжоу Вэня. Восставшим удалось на время оторваться от преследователей, но в Мяньчи [50] они были вновь настигнуты отрядом Чжан Ханя, и здесь разыгралась одна из самых кровопролитных битв за все время восстания. Бой длился в течение десяти дней с переменным успехом. Повстанцы мужественно оборонялись, часто переходя в контрнаступление, но в конце десятого дня правительственным войскам удалось сломить сопротивление [51]. Большинство повстанцев погибло на поле боя. Чжоу Вэнь — единственный представитель имущих классов, оставшийся верным делу восстания, покончил самоубийством. Остатки его отряда отступили в Инъян.

Поражение отряда Чжоу Вэня было закономерным результатом политики, которую проводило новое командование повстанческих отрядов. Представители наследственной аристократии, примкнувшие к восстанию, обескровливали его, устраняя неугодных им командиров. Они оклеветали одного из крестьянских полководцев — Гэ Ина, действовавшего в центральной части провинции Аньхой, заявив, что он преднамеренно, без чьего-либо ведома, назначил Сян Цзяна царем Чу. На самом деле, как сообщает Сыма Цянь, Гэ Ин тогда еще не знал о провозглашении Чэн Шэна царем Чу [52]. Узнав о провозглашении Чэнь Шэна царем, Гэ Ин сам убил Сян Цзяна и вернулся в Чэньчжоу, но Чэнь Шэн не поверил Гэ Ину и казнил его.

Был оклеветан также соратник Чэнь Шэна, У Гуан, которому не удалось сразу захватить Инъян. Представители наследственной аристократии обвинили У Гуана в измене и, сфабриковав фальшивый приказ от имени Чэнь Шэна, казнили его. Вслед за У Гуаном был убит Дэн Цзун. Таким образом, почти все боевые соратники Чэнь Шэна, выходцы из крестьянской среды, были перебиты. Руководство крестьянскими отрядами перешло в руки правой группировки в лагере восставших. Чэнь Шэн, попавший под влияние аристократии, постепенно отошел от крестьянских масс. Некоторые из руководителей восстания, оставшиеся в живых, покинули Чэнь Шэна, разочаровавшись в нем. «Все старые знакомые князя Чэнь Шэна,— писал Сыма Цянь,— сами ушли от него; таким образом, у князя Чэнь Шэна не стало больше близких» [53].

Ослабление влияния Чэнь Шэна способствовало активизации деятельности представителей наследственной аристократии в лагере восставших. Хань Гуан, командовавший одним из отрядов армии У Чэня, завоевал территорию бывшего царства Янь и провозгласил себя яньским царем. Тянь Дань поднял восстание на территории бывшего царства Ци и провозгласил себя царем Ци. Чжоу Ши, заняв территорию царства Вэй, провозгласил Цзю, одного из потомков вэйского царя, царем Вэй, а сам стал его советником [54]. Таким образом, большая часть войск, посланных Чэнь Шэном для расширения сферы влияния восстания, была использована представителями наследственной аристократии в своих корыстных целях.

Ввиду распыленности повстанческих сил, Чжан Ханю удалось разбить отряд Чжоу Вэня. Расправившись с отрядом Чжоу Вэня, правительственная армия двинулась к Инъяну, на помощь местному гарнизону, окруженному одним из крестьянских отрядов. Командиром этого отряда

[50] Крупный населенный пункт, находился на территории современного уезда Мяньчи, в провинции Хэнань.
[51] «Шицзи», гл. 48, стр. 25.
[52] Там же.
[53] Там же, стр. 26.
[54] Там же, стр. 25.



вместо казненного У Гуана был назначен Тянь Цзан. Чэнь Шэн присвоил ему звание линина, т. е. чиновника, имевшего большие полномочия.

Тянь Цзан снял часть войск с осады Инъяна, оставив Ли Гуя и других продолжать штурм города, а сам повел отборные войска на запад в Аоцан и вступил в бой с императорскими войсками. В упорном сражении армия Тянь Цзана была разбита, а сам он погиб [55]. Разбив армию Тянь Цзана, императорские войска подошли к Инъяну. На подступах к городу разгорелось ожесточенное сражение, в ходе которого повстанческий отряд потерпел поражение. Ли Гуй и другие были убиты. Заняв Инъян, Чжан Хань повел свою армию на юг. В местечке Цзя [56], недалеко от Жучжоу, он разбил отряд Дэн Юэ, остатки которого бежали в Чэньчжоу. Императорские войска повернули на восток и двинулись к Чэньчжоу. В Сюйчане, находившемся на полпути между Жучжоу и Чэньчжоу, они встретили серьезное сопротивление, однако огромный численный перевес позволил Чжан Ханю нанести поражение отряду У Сюя, оборонявшему Сюй. Разбитый отряд У Сюя, так же как и остатки отряда Дэн Юя, отступили к Чэньчжоу.

Наступление императорских войск и их победы встревожили командование крестьянских отрядов. Чэнь Шэн назначил аристократа Паня генералом и послал его в район бассейна Хуайхэ для того, чтобы Пань привел в Чэньчжоу крестьянские отряды, действовавшие на севере царства Чу. Однако Цинь Цзя, один из командующих крестьянских отрядов, не подчинился приказу, он убил генерала Паня в знак протеста против предательства Чэнь Шэном восставших крестьян. Цинь Цзя присвоил себе титул дасыма, т. е. главнокомандующего, и продолжал действовать на севере современной провинции Хэнань.

Разгромив отряд У Сюя, Чжан Хань вступил на территорию уезда Чэнь. На подступах к Чэньчжоу произошел бой, победа и на этот раз оказалась на стороне императорских войск. В сражении погибло много повстанцев, в их числе был и шанчжуго Цай Сы. Чэнь Шэн выехал из Чэньчжоу на запад уезда Чэнь, где находилась одна из его армий под командованием Чжан Хэ. Чжан Хань последовал за ним и нанес поражение армии Чжан Хэ; в этом бою погиб и сам Чжан Хэ. Чэнь Шэну удалось спастись, он отправился на восток и вскоре прибыл в Жуинь. Однако в Жуине Чэнь Шэн пробыл недолго. Как сообщает Сыма Цянь, он вскоре вернулся в Сяченфу, где был убит возницей Чжуан Гу, который затем перебежал на сторону циньских властей.

Однако крестьянское восстание не закончилось со смертью Чэнь Шэна, его соратники еще долго сражались против циньских войск, нанося им крупные поражения. Бывший адъютант Чэнь Шэна Люй Чэнь создал из разрозненных крестьянских отрядов огромную армию, которая называлась цантоуцзюнь (蒼頭軍) — армия синеповязочников. Все бойцы этой армии носили на голове синие повязки.

В современной китайской историографии существуют различные точки зрения о социальном составе армии цантоуцзюнь. По мнению большинства китайских историков, профессора Цзянь Бо-цзаня, Люй

[55] «Шицзи», гл. 48, стр. 26.
[56] Сыма Цянь пишет, что бой произошел в Тань (郯).

Повидимому здесь произошла ошибка. Уезд Тань находился в Дунхае, т. е. на территории современного уезда Хайчжоу пров. Цзянсу. Но в то время Чжан Хань еще не дошел, да и не мог дойти до Дунхая, для этого необходимо было занять уезд Чэнь и пройти через всю пров. Аньхой. Вероятнее всего, здесь, вместо иероглифа Тань(郯), должен стоять похожий на него иероглиф Цзя(郟). Местечко Цзя находилось на территории современного уезда Цзя пров. Хэнань. См. «Шицзи», гл. 48, стр. 26.

Чжэнь-юя и других, армия цантоуцзюнь являлась крестьянской армией[57]. Однако Чжао Са-шэн считает эту армию «армией восставших рабов»[58]. В подтверждение своей точки зрения Чжао Са-шэн приводит два следующих довода.

1. Высказывание танского комментатора Ли Сяна из биографии императора Гуан У: «В [период] Цинь народ называли „черноголовые" [цяньшоу], рабов называли „синеповязочники" [цантоу] для того, чтобы отличать [их] от благородных людей [лян жэнь]» [59].

2. Данные об армии царства Вэй из биографии Су Циня, где говорится, что вэйская армия насчитывала: «уши (武士) двести тысяч, цантоу(蒼頭) двести тысяч, фэнь цзи (奮擊) двести тысяч, сы ту (厮徒) сто тысяч»[60].

По мнению Чжао Са-шэна, «уши» являлись «сыновьями аристократов», так как они были очень хорошо вооружены; а термин «цантоу» означает представителей самой низшей общественной прослойки — солдат-рабов. На основании вышеприведенных данных Чжао Са-шэн делает вывод, что армия «синеповязочников» являлась армией, «организованной из рабов»[61].

Однако в более ранних источниках мы не встречаем данных об употреблении слова «цантоу» в значении «раб». В биографии Чэнь Шэна комментатор Вэй Чжао пишет: «Все войско носило синие повязки на голове, поэтому [их] называли „синеповязочниками" [цантоу][62]. В биографии Су Циня говорится: «„уши" (武士) отличались от „цантоу" (蒼頭) тем, что имели лук весом в 12 дань, 50 стрел, шлем, меч, запасы продовольствия на три дня и могли пройти в день 100 ли. Семьям тех, кто являлся „уши" давался ряд привилегий»[63].

Нам кажется, что под термином «уши» имелись в виду отборные, хорошо экипированные войска, а под термином «цантоу» — легко вооруженные. Вряд ли все «уши» являлись «сыновьями аристократов», ибо двести тысяч «сыновей аристократов»— цифра довольно внушительная даже для царства Вэй. Более того, если в данном случае речь идет о «сыновьях аристократов», то вряд ли они нуждались в привилегиях, ведь вся власть и так находилась в руках их отцов — аристократов царства Вэй.

Рассмотрим, как трактуется термин «цантоу» в «Цянь Ханьшу». Комментатор Ин Шао, живший в период поздней Хань, дает следующее объяснение: «В то время (т. е. в конце династии Цинь. — *Л. П.*) все войско носило синие повязки на голове, поэтому их называли синеповязочниками [цантоу]»[64].

Наибольшую ценность представляет высказывание комментатора Фу Цяня, бывшего начальником округа Цзюцзян при поздней династии Хань: «„Синеповязочниками" (цантоу) называли солдат (士卒), носивших синие повязки на голове, точно так же как „краснобровых", для того, чтобы отличать [от других]»[65]. Фу Цян совершенно ясно говорит, что «цантоу»— это прежде всего солдаты. Нам кажется не случайной та аналогия, которую проводит Фу Цян между «цантоу» и «чимэй» (краснобровые), ибо

[57] См. 翦伯贊 中國史論集 *Цзянь Бо-цзанъ*. Сборник статей по истории Китая. Шанхай, 1948, стр. 160; 呂振羽 簡明中國通史 Люй Чжэнь-юй. Краткая история Китая. Пекин, 1955, стр. 138.

[58] 趙瀘生與陳勝，吳廣起義有關的兩件事 光明日報. Чжао Са-шэн. Два вопроса по поводу восстания Чэнь Шэна и У Гуна. «Гуанминжибао», 3 октября 1953 г.

[59] См. 范曄 後漢書 *Фань Е*. История поздней династии Хань. Шанхай, 1870, гл. I, ч. I, стр. 25 (I).

[60] См. «Шицзи», гл. 69, стр. 19 (I).

[61] См. «Гуанминжибао», 3 октября 1953 г., стр. 6.

[62] См. «Шицзи», гл. 48, стр. 26 (I).

[63] Там же, гл. 69, стр. 19 (I).

[64] «Цяньханьшу». Шанхай, 1905, гл. 31, стр. 2 (I).

[65] Там же, гл. 31, стр. 2 (I).



как те, так и другие выступали против правящей династии, только одни носили синие повязки, а другие красили брови.

Исходя из вышеизложенного, мы склонны считать, что термин «цантоу» не обозначал раба. Войска Люй Чэня носили синие повязки повидимому потому, что они начали свои боевые действия на территории бывшего царства Вэй. Крестьяне, выступившие с оружием в руках против циньской монархии, надели свои традиционные синие повязки, ибо в период Чжаньго синие повязки носили только солдаты вэйской армии. Об этом говорил и Сунь Цзы, отмечавший, что в вэйской армии имелось двести тысяч «синеповязочников»[66].

Начав действия в Синьяне, армия цантоуцзюнь быстро продвигалась на север, восставшие крестьяне хотели восстановить царство Чу и вернуть центральную базу восстания. Императорские войска, высланные навстречу армии Люй Чэня, были разбиты, и восставшие с боем взяли город Чэньчжоу. Убийца Чэнь Шэна, Чжуан Гу был пойман и казнен при всеобщем одобрении восставших крестьян[67]. Кроме отряда Люй Чэня, на территории современной провинции Хэнань действовали еще два повстанческих отряда. Отряд Сун Лю, посланный в свое время Чэнь Шэном на захват Угуаня, не дошел до него. Повстанцы успели только взять крупный город Наньян, как до них уже донеслась весть о гибели Чэнь Шэна. Сун Лю не решился действовать самостоятельно, считая, что со смертью вождя восстания погибло и само восстание. Он отступил в Синьцай и, «встретившись с войсками Цинь, Сун Лю вместе со всей своей армией сдался Цинь. Цинь (императорский двор. — *Л. П.*) вызвало Лю в Сяньян, там его разорвали на части колесницами»[68]. Так погиб один из руководителей отрядов повстанцев.

Во главе крестьянских отрядов, действовавших на севере современной провинции Хэнань, стоял смелый и решительный крестьянин Цинь Цзя. Узнав о гибели Чэнь Шэна, Цинь Цзя и его соратники провозгласили князем Чу Цзин Цзю — потомка одного из чуских аристократов, после этого крестьянская армия двинулась по направлению к Фанюйю, где и остановилась. В Фанюйе восставшие выработали план дальнейших действий: они решили сами напасть на императорские войска. Циньские войска находились в это время в Динтао, т. е. на юге современной провинции Хэбэй[69]. Стремясь увеличить свои силы, чтобы наверняка разбить правительственные войска, восставшие крестьяне обратились за помощью к повстанческим отрядам, действовавшим к северу от реки Хуанхэ. Интересно отметить, что река Хуанхэ являлась как бы водоразделом между двумя группами повстанческих отрядов[70]. Отряды, действовавшие к югу от Хуанхэ, находились под командованием крестьянских вождей Люй Чэня, Цинь Цзя и других, а отряды, расположенные к северу от Хуанхэ, находились в руках представителей наследственной аристократии и использовались для завоевания бывших царств (Чжао, Вэй, Ци).

Именно к этой группе повстанческих отрядов, в частности, к отряду, захватившему царство Ци, и обратились восставшие крестьяне. Как сообщает Сыма Цянь, они «отправили Гунсунь Цина послом к царю Ци договориться об объединении сил для совместного выступления. Царь Ци сказал: „Я слышал, что Чэнь Шэн потерпел военное поражение, неизвестно, жив ли он или мертв. Почему Чу не спросило моего разрешения

[66] См. «Шицзи», гл. 69, стр. 19 (I).

[67] «Шицзи», гл. 48, стр. 26.

[68] Там же.

[69] Там же.

[70] См. *Цзянь Бо-цзанъ*. Очерки по истории Китая, т. II, ч. I, стр. 96.

и установило царя?»[71] Гунсунь Цин ответил: „Ци не спрашивало разрешения у Чу, когда установило своего царя. Почему же Чу должно спрашивать разрешение у Ци, кого ставить царем. К тому же Чу возглавляет все дела и командует поднебесной". Тянь Дань[72] казнил Гунсунь Цина»[73]. Повстанцы не получили помощи; этот пример является еще одним наглядным доказательством того, что крестьяне и представители наследственной аристократии преследовали совершенно различные цели. Представители имущего класса, получив землю, были этим удовлетворены; они не хотели выступать против правительственных войск, ибо боялись победы крестьян. Не имея достаточной силы, Цинь Цзя не решился напасть на циньские войска и остался со своим отрядом в Фанюйе.

Циньский двор никак не ожидал, что после убийства Чэнь Шэна восстание не только не погаснет, но, наоборот, разгорится с новой силой. Опасаясь дальнейшего распространения восстания, Эр Ши послал в Чэньчжоу отборную офицерскую часть[74]. После упорного сражения правительственным войскам удалось захватить Чэньчжоу. Люй Чэнь со своей армией отступил в верховья реки По.

Местные жители радостно встретили повстанцев, прибывших к ним в верховье реки По, многие из них присоединились к восставшим. К ним примкнули также отряды «клейменного Бу», как называли вождя беглых крестьян, сбежавшего с каторги[75]. Отдохнув и пополнив свою поредевшую армию, Люй Чэнь повел ее на север, намереваясь отвоевать Чэньчжоу. Повстанцы вошли в Хэнань. У Кайфына, в местечке Цинпо повстанцы наголову разбили отборный отряд циньской армии. Сыма Цянь сообщает: «Люй Чэнь снова восстановил на территории Чэнь царство Чу»[76]. Но это была последняя победа крестьянской армии. В ряде последующих боев циньским войскам удалось разбить крестьянские отряды.

Восстание Чэнь Шэна и У Гуана было первым известным нам крупным крестьянским восстанием в истории Китая. Оно знаменовало собой начало целой эпохи крестьянских войн и восстаний, потрясавших Китай свыше двух тысяч лет.

Восстание Чэнь Шэна и У Гуана несомненно было крестьянским восстанием, так как его движущей силой являлось крестьянство — основной производитель материальных благ. На втором этапе восстания к восставшим крестьянам присоединились представители наследственной аристократии, что наложило отпечаток на ход восстания, но не изменило его характера, поскольку движущая сила оставалась та же.

Восстанию Чэнь Шэна и У Гуана свойственны черты, присущие многим крестьянским восстаниям, имевшим место в других странах, в частности в России. Основной чертой, роднящей крестьянские восстания в Китае с крестьянскими восстаниями в России, является «царистская идеология», вера в «хорошего императора».

Восстание потерпело поражение главным образом из-за того, что к руководству восстанием пробрались представители наследственной аристократии, распылившие силы восставших. В борьбе между крестьянами и циньским двором преимущество было на стороне последнего, сумевшего мобилизовать огромную армию и ценой больших усилий подавить восстание.

---

[71] В данном случае речь идет о Цзин Цзю, которого Цинь Цзя со своими соратниками провозгласил царем Чу.
[72] Т. е. царь Ци.
[73] «Шицзи», гл. 48, стр. 26.
[74] Там же.
[75] Там же.
[76] Там же.



Несмотря на то, что восстание окончилось поражением, оно нанесло сокрушительный удар циньской монархии, от которого последняя уже не смогла оправиться. В следующем, 207 г. до н. э. династия Цинь пала. Первый император Ханьской династии, пришедший к власти в результате крестьянского восстания 207—202 г., был вынужден снизить налоги и отменить ряд жестоких законов Циньской империи, что привело к временному облегчению материального положения крестьян. Вместе с тем произошло перераспределение земельных богатств, Гао Цзу наделил своих родственников и приближенных крупными земельными владениями с крестьянами, что способствовало развитию феодальных производственных отношений.

Восстание Чэнь Шэна и У Гуана сыграло прогрессивную роль в истории Китая. Характеризуя это восстание и другие крестьянские восстания, имевшие место в истории Китая, Мао Цзэ-дун указывает: «В китайском феодальном обществе только эта классовая борьба крестьянства, только эти крестьянские восстания и войны и были истинными движущими силами исторического развития»[77].

---

[77] *Мао Цзэ-дун*. Избр. произв., т. 3, стр. 141.

# О ТВОРЧЕСТВЕ АЙ ЦИНА

*Н. Т. ФЕДОРЕНКО*

Несу я миру сиянье света,
Тепло и радость несу я людям.
Пусть это скажут уста поэта —
Уста правдивого человека.
Пусть услышат везде и всюду,
Во всех городах, деревнях и селах,
Пускай встречают с открытым сердцем,
Предвестника дня, посланца солнца [1].

Поэтическое творчество талантливого художника слова Ай Цина занимает ведущее место в современной китайской поэзии. Ай Цин принадлежит к тому поколению китайских интеллигентов, которые пришли в революцию уже после завершения многих революционных событий, но это не помешало им прожить большую общественно-полезную жизнь. Творчество Ай Цина, проникнутое поэзией высоких революционных идей, коммунистической партийностью, волнует сердца читателей проникновенным восприятием окружающего мира, глубоким уважением к людям труда.

Ай Цин (настоящее имя поэта — Цзян Хай-чэн) родился в 1910 г. в провинции Чжэцзян в семье небогатого помещика, однако свое раннее детство он провел под кровом простого крестьянского жилища. Крестьянка Даяньхэ, вскормившая поэта и воспетая в одном из лучших стихов Ай Цина, в сущности была его матерью. Она сыграла в его жизни едва ли не такую же роль, какую Арина Родионовна в жизни великого русского поэта.

После окончания средней школы Ай Цин решил посвятить себя искусству. В 1928 г. друзья поэта, увлекавшиеся современной французской живописью, помогли ему уехать в Париж, где Ай Цин намеревался продолжить свое художественное образование. Однако его желанию не суждено было осуществиться. Жестокие материальные лишения, которые пришлось пережить поэту в Париже, сковывали его творческую энергию. Поэт сблизился с китайскими кустарями — мастерами по кости, камню, дереву, которых немало в больших европейских городах. Он вошел в одно из таких товариществ, снабжавших парижских торговцев сувенирами, фигурками из фарфора, и это обеспечивало ему самые скромные средства к существованию. Однако те немногие свободные часы, которые бывали у Ай Цина, он проводил в Лувре около бессмертных творений древнегреческих скульпторов. Подолгу простаивал он и у полотен Рембрандта и Рубенса. Но как ни велико было его тяготение к изобразительному искусству, литература влекла его еще сильнее. В Париже Ай Цин обратился к творчеству Верхарна, Уитмэна и Маяковского. Поэзия Верхарна казалась Ай Цину хотя и социально заостренной, но абстрактной, огневое же слово русского поэта было правдивым и беспощадным.

[1] *Ай Цин.* Весть о рассвете. Сб. «Поэты нового Китая». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1953, стр. 71. Здесь и далее все стихи даются в переводе А. Гитовича.



Маяковский —
Поэт,
Несравнимый ни с кем,
Певец и глашатай всего человечества,
Стоит на вершине народной мудрости,
Выковывая
Стальное слово Революции...

Эти стихи, написанные Ай Цином через двадцать с лишним лет после возвращения из Франции, быть может, впервые возникли в его сознании именно в дни пребывания в Париже.

Трудно сказать, в какой мере жизнь в Париже способствовала формированию эстетических взглядов Ай Цина, его художественного мастерства, но ясно одно: именно Париж конца 20-х годов с его острыми социальными противоречиями оказал огромное влияние на политические взгляды будущего поэта.

Когда в 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию, поэт приехал в Шанхай, где тогда жили Лу Синь, Мао Дунь, Дин Лин, Цюй Цю-бо и многие другие представители революционной китайской литературы. Это было тревожное время. Шанхай еще находился под впечатлением гибели выдающегося революционного поэта Китая Жоу Ши и его четырех сподвижников по Лиге левых писателей Китая, казненных в шанхайской комендатуре Лунхуа.

Сразу же по возвращении поэта на родину полиция установила за ним надзор, а через непродолжительное время он был обвинен в «сокрытии опасных мыслей» и брошен в тюрьму. Три года тюремного заключения оставили глубокий след в сознании Ай Цина. Здесь, за каменными стенами мертвого дома, он многое вспомнил, многое осмыслил и прочувствовал. Плодом этих раздумий над судьбами отечества явились первые стихи поэта.

В истории Китая, отмеченной столь многими испытаниями, это были поистине тяжелые годы — в страну вторгся сильный и вероломный враг. Коммунисты явились той силой, вокруг которой сплотилось в совместной борьбе все живое, творческое, свободолюбивое, патриотическое. Все, кто составлял славу современной китайской литературы — Лу Синь, Го Мо-жо, Мао Дунь—также стали сподвижниками коммунистов. Ай Цин пошел с ними. Едва ли не на следующий день после освобождения из тюрьмы он встретился с Мао Дунем в редакции альманаха «Рассвет». Мао Дунь, редактировавший в те годы альманах, напечатал первые стихи Ай Цина и помог молодому поэту сблизиться с прогрессивной китайской интеллигенцией, тяготевшей к коммунистам или открыто сочувствовавшей им. В первых стихах поэт отразил свою жизнь за годы странствий по чужим землям. Многие из стихов так и назывались «Париж», «Марсель». Характерно, что, описывая Францию, поэт не видит разницы между врагами французского и китайского народов. Даже тюрьму, в которую он был заточен в Шанхае, Ай Цин называет Бастилией.

Сегодня
Я сижу в Бастилии,—
Нет, не в парижской Бастилии...

Однако лучшие стихотворения, написанные в тюрьме, посвящены Китаю. Это прежде всего «Даяньхэ — моя кормилица», помещенное в сборнике «Даяньхэ» — первой книге стихов Ай Цина, опубликованной в 1936 г. Это стихотворение было своеобразной клятвой верности поэта народу, отечеству:

Даяньхэ,
Я, вскормленный твоим молоком,
Сын твой,
Я чту тебя
И люблю...

Ай Цин рассказывает о судьбе китайской деревенской бедноты, к которой он относится, по выражению китайского критика Лао Синя, с «горячей любовью гуманиста»[2]. Поэт полон презрения к помещикам, угнетающим крестьянство. Эти чувства отразились и в другом стихотворении сборника — «Светлая ночь». Однако поэт не поднялся в своих первых стихах до выражения сильного протеста, он пока лишь сочувствует крестьянскому горю, осуждает имущественное неравенство; его гуманизм носит еще отвлеченный характер.

Ай Цин никогда не был поэтом-эстетом, но в ранних своих стихотворениях он не сумел избежать влияния декадентской поэзии Запада. Об этом свидетельствуют стихотворения, вошедшие в сборник «Даяньхэ»,— «Вслушиваюсь», «Там», «Смерть назаретянина». Однако эти влияния были вскоре преодолены поэтом. Горячая любовь к родине помогла ему понять, что он сможет с пользой служить делу освобождения китайского народа только под знаменем реалистического, революционного искусства.

В 1937 г. поэт создает цикл стихов, в которых чувства разочарования и горечи, вызванные гнусной гоминьдановской действительностью, отходят на второй план при мысли поэта о светлом будущем китайского народа. В стихах поэта возникает сильная, яркая, оптимистическая нота, которая затем становится лейтмотивом всего его творчества. Ай Цин начинает воспевать радость и свет. Символом грядущего счастья китайского народа у поэта становится рассвет, ибо солнце приносит людям и радость свободы и горячее чувство труда. Поэт с нетерпением ждет рассвета:

Когда в тяжелые дни,
В долгие темные ночи,
Я валился на ложе бессонницы
И жадно глядел на Восток,
Рукой сдерживая стук сердца в горячей груди,
Я ждал тебя...

К этим же годам относится и знаменитая «Песнь о рассвете», в которой поэт впервые обратился к солнцу как символу нового мира. Этот чудесный образ Ай Цин неоднократно использовал и в стихах, написанных в последующие годы:

Во имя просьб моих и стремлений
Вставай, поэт, и меня послушай!

[2] *Лао Синь.* Теория и критика поэзии. Шанхай, 1950, стр. 3.



Скажи простым, работящим людям,
Которые ждут меня — не дождутся,
Что я иду, по росе ступая,
При слабом свете звезды последней;
Иду с Востока, от океана,
Где пенит волны могучий ветер;
Несу я миру сиянье света,
Тепло и радость несу я людям.

Параллелью к образу солнца в этом стихотворении является образ поэта, глашатая справедливости, человека, несущего народу великую правду, творящую и преобразующую мир,— именно таким хотел быть сам Ай Цин. У китайского народа тогда была особенно велика нужда в людях, несущих в массы правдивое слово.

Участие поэта в национально-освободительной войне против японских интервентов прочно связывает его творчество с борьбой прогрессивных и демократических сил страны, возглавляемых Коммунистической партией Китая. Издававшая журнал «Циюэ» литературная группа реалистического направления «Циюэшэ», в которую входили видные прогрессивные поэты, оказала серьезное влияние на формирование творчества Ай Цина. Члены этой литературной группы стремились к сближению с народом, требовали от стихов простоты и строгости.

В апреле 1938 г. Ай Цин закончил поэму «К солнцу», состоящую из девяти глав, связанных между собой одной общей темой — темой воспевания солнца—символа жизни, свободы и равенства. Поэма интересна тем, что в ней Ай Цин делает шаг в сторону большего сближения своего творчества с жизнью. В одной из глав поэмы изображается поднявшийся на борьбу с врагом китайский народ. От лица китайских рабочих и крестьян Ай Цин говорит:

Мы блестящим штыком
Наше поле,
Наш дом
Себе снова вернем.
Мы покончим с врагом.

В отличие от ранних стихотворений поэма «К солнцу» более жизненна и конкретна, абстрактные стремления, свойственные творчеству Ай Цина в начальный период, здесь сменяются твердой уверенностью в торжестве революционных преобразований.

Поэма «К солнцу» полна оптимистического жизнеутверждения, глубокой веры в могучие духовные силы народа, в его окончательную победу.

Следующей большой творческой удачей Ай Цина был сборник стихов «Север», появившийся летом 1939 г. Стихи, вошедшие в этот сборник, по замыслу автора, должны были передавать «чувства горя, беспокойства и гнева нации, а также заботливые думы о земле»[3]. Название сборника связано со стихотворением «Север», в котором Ай Цин говорит о своей любви к северу своей страны:

Я люблю печальную эту землю,
Взрастившую так любимый мною,
Страдавший больше всех в мире
И самый древний в мире народ.

[3] *Ай Цин.* Север. Предисловие. Шанхай, 1944, стр. 2.

Перед читателями сборника развертываются умело написанные картины жизни Северного Китая («Крестьяне», «Старик», «Женщина, чинящая одежду», «Нищие»), его бедная, но столь дорогая сердцу поэта природа («Переправа Фэнлин», «Сумерки», «Костер», «Осел» и другие стихотворения).

Стихи сборника «Север», полные ненависти к врагам и горячего сочувствия к соотечественникам поэта в Северном Китае, мужественно сражавшимся с японскими интервентами, относятся к лучшим образцам китайской поэзии периода национально-освободительной войны. Для настроений, которыми пронизан сборник, характерно, в частности, стихотворение «Он поднялся»:

Он поднялся из тяжкого позора:
Десятки лет он прожил на краю
Бездонной ямы,
Вырытой врагами.
По лицу его стекают капли крови,
Но он смеется,
Этот человек,
Как никогда доныне не смеялся.
В его глазах — надежды яркий блеск,
Он поднялся
И верует в победу,
Он поднялся,
И будет он теперь
Сильнее льва — хозяина пустыни...
Он понял:
Только истребив врага,
Он обретет свое существованье.

Ай Цин активно включается в большую пропагандистскую работу, которую вели литераторы на фронтах. Преисполненный горячим желанием помочь соотечественникам, борющимся за свою независимость, он совершает поездку во многие провинции Китая. И только тогда, по его словам, он понял, что увидел свою страну во всем ее величии.

Ай Цин становится в первые ряды поэтов и писателей, решительно выступивших за отпор агрессору, за защиту национальной независимости, свободы и демократии китайского народа. Ай Цин ставит свою подпись под открытым письмом «Советским поэтам и советскому народу», в первых строках которого — слова Маяковского:

Разговаривай с фашистами
Языком пожаров,
Словами пуль,
Остротами штыков.

1939—1940 годы принесли поэту новые творческие успехи. К этому времени относится создание Ай Цином одного из лучших его произведений — поэмы «Он умер во второй раз», получившей единодушное признание китайской критики.

В этой поэме, завоевавшей широкую популярность в стране, поэт повествует о простом солдате, который, излечившись после опасного ранения, вновь попадает на поле брани и в жестокой схватке с врагом героически погибает.

Это—суровая повесть о солдате, о невеселой его судьбе, повесть, написанная сильными, но простыми, взятыми у самой жизни словами. Раненый солдат попадает в госпиталь, его солдатскую форму заменил халат с грубо вышитым красным крестом.



Мы лежим и глядим на свое тело,—
Оно разъедено ядовитыми газами,
Оно рассечено ударом металла...

Солдат наблюдает, как работает сестра, как движутся ее искусные руки. И ему кажется, что руки сестры, меняющей бинты на ранах, «словно бы не лечат, а ласкают».

И когда она от нас уходит,
Почему-то я гляжу на руки,
На свои, шершавые, в мозолях
Руки, подымавшие мотыгу,
Руки, подымавшие винтовку,
Руки, что лежат сейчас бессильно...

И словно желанное солнце, пробившееся сквозь тучи и заполнившее мир своим светом, к солдату приходит выздоровление. Вот он идет по улицам большого города.

Он идет, погруженный в думу,
И лицо его странно строго...
Но никто на него не смотрит,
Только солнце с ясного неба
Протянуло лучи, как пальцы,
И тихонько его ласкает..

Солдат идет по родным полям, залитым радостным солнцем, усталые ноги его ступают по мягкой и теплой земле.

Он видит рисовое заливное поле,
Он видит крестьянина и видит плуг,—
Всюду одно и то же!
Всюду одно и то же!
Но сердце говорит ему: «Это Китай!»
Зеленые деревья и зеленые травы,
И ветхие стены старых домов,—
Всюду одно и то же!
Всюду одно и то же!
Но сердце говорит ему: «Это Китай!»

И, повинуясь зову родины — великому чувству, которое «сильнее и лучше нас», «сильнее, чем ненависть и любовь», солдат возвращается на поле битвы. Исполненный непреоборимого желания вернуть свободу Китаю, положить конец «рабству и нищете, тюрьмам и палачам», солдат вновь идет в бой.

Мгновенье мелькнуло электрической вспышкой,
Когда обжигающая пуля
Второй раз,
Второй,
Второй — и самый последний раз
Навылет прошла сквозь тело солдата,
И он упал, как падает дерево,
Срубленное топором лесника...

В поэме трагическое сочетается с торжественным. Несмотря на то, что гибель солдата написана темными, исполненными великой грусти красками, смерть не повергает в отчаяние, она поднимает на бой живых.

Солдат,
Он знал совсем немногое:
Он только знал, что умирает за родину.
Он, падая, знал, что лежать будет
На теплой бессмертной земле родины.
...И когда зароют его в землю
И земля порастет весенней травой,
Останется наедине с солдатом
Звездный простор над ночной степью...
Но правда,
За которую он боролся,
Победоносно идет по Китаю.

Наряду с поэмой «К солнцу» поэма «Он умер во второй раз» является этапным произведением в творчестве Ай Цина. В ней поэт идет еще дальше по линии конкретизации основных образов. Поэма глубоко реалистична, в ней содержится четкий сюжет, ее идейная сторона гораздо глубже и сильнее.

Поэма «Он умер во второй раз» легла в основу изданного в 1946 г. одноименного сборника, в который вошли лучшие стихи, написанные в 1939—1940 гг.

Ай Цин — мастер белого стиха, броского и выразительного, проникнутого острым восприятием жизни, стиха, в котором так свежи краски и запахи земли. Ай Цин умеет придать произведению своеобразную живописность, пластичность. При чтении поэмы «Он умер во второй раз» нельзя не видеть, что над ней трудился поэт и живописец. Ай Цин — художник, мастер чудесных акварелей, отличающихся светлыми, жизнерадостными красками, легко угадывается в стихах:

Только солнце с ясного неба
Протянуло лучи, как пальцы,
И тихонько его ласкает . . .
. . . . . .
А день сверкает в солнечном блеске,
И все пронизано солнечным светом,
И он идет, до наивности радостный,
Счастливый, как в детстве когда-то, в праздник...

Такими пейзажными зарисовками богат и вышедший в 1940 г. сборник стихов поэта «Поля», являющийся по характеру лирики продолжением сборника «Север». В стихах обоих сборников образы родного пейзажа не просто живописуются поэтом, в них он старается воплотить свои мысли и переживания. Два одиноких дерева, которые, казалось бы, ничем между собой не связаны, тесно переплелись под землей своими корнями. Этот образ вызывает мысль о больших, настоящих друзьях, у которых, однако, «дружба не видна»:

Два дерева высятся одиноко
Вдали от деревьев других,
Пространство, наполненное ветрами,
Разъединяет их.



Но под покровом из желтой глины
Сплетаются все сильней
На глубине, недоступной глазу,
Бороды их корней.

В 1940 г. Ай Цин опубликовал поэму «Факел», в которой рассказал о китайской революционной молодежи. В этом же году им было написано стихотворение «Маяковский».

Маяковский — любимый поэт Ай Цина. Он познакомился с поэзией Маяковского, когда ему было двадцать лет. Самое сильное впечатление на китайского поэта произвела поэма «Облако в штанах». Ай Цин считает, что в этой поэме Маяковского выражен революционный протест против произвола буржуазии, уродующей души людей.

Маяковский —
Поэт,
Несравнимый ни с кем,
Мысли его
Светлы, как заря,
Ритм—
Стремителен, словно вихрь,
И голос—
Подобен раскатам грома.

По мнению Ай Цина, нет другого поэта, который бы с такой силой, как Маяковский, показал литератору, начинающему самостоятельную творческую жизнь в искусстве, как надо работать над политической темой. Ай Цин считает, что поэты, испытавшие большое влияние Маяковского, не утратили в своем творчестве национальных особенностей. Это, в частности, можно видеть на примере творчества китайских поэтов, работавших в походных театральных коллективах, ставивших пьесы в духе народного театрализованного зрелища —«янгэ». В числе этих поэтов был и Ай Цин. В основе представлений театра«янгэ» была короткая сатирически заостренная пьеса-агитка, которая писалась нередко под огнем, в поле, в окопах, в ней искусно использовались музыка, песни и танцы китайских крестьян. Именно злободневность материала и народность формы, к которой обратился театр, обеспечили, по мнению Ай Цина, необыкновенный успех этому поистине народному театру. Народ не захотел расстаться с театром «янгэ» и после того, как война закончилась. В том, что такой театр возник, немалая заслуга боевого революционного искусства, испытавшего влияние поэзии Маяковского.

В марте 1941 г. Ай Цин едет в столицу освобожденных районов, в легендарный город Яньань. Здесь, в центре политической и культурной жизни Китая, поэт обретает подлинную свободу творчества, главным содержанием которого является служение народу. Ай Цин писал впоследствии, что в первые месяцы жизни в Яньани (как, впрочем, и потом) он много ездил по окрестным городам и селам. Ай Цин родился далеко на юге, в местах, где не успевает опасть листва с деревьев, как завязывается новая. А здесь даже в марте было пасмурно, солнце было не особенно щедрым на тепло, земля — на зелень. Первое время и люди казались ему чем-то похожими на здешнюю природу: более сдержанными и замкнутыми, чем его земляки-чжэцзянцы. Но это было лишь первое время. Они впрямь были не так темпераментны, может быть, не так общительны, как южане, но они, как и весь китайский народ, чудесно чувствовали красивое, остро ощущали прелесть слова — меткого, удачно найденного, к месту сказан-

ного. И поэт начал бережно собирать меткие народные слова. Кстати, у него к этому были большие возможности — он работал в походном театре «янгэ».

С увлечением работая в походном театре, поэт посетил десятки деревень, и не было селения, в котором Ай Цин не беседовал бы со стариками о жизни крестьян. Театр «янгэ» бывал здесь прежде, и крестьяне знали: все, что они поведают поэту, прозвучит со сцены. Это воодушевляло их, и они щедро делились с поэтом деревенскими новостями, а заодно и всем тем, что было рождено мыслью и фантазией рассказчиков — шошуды.

Самым ценным в этом общении с крестьянами, несомненно, было непосредственное наблюдение жизни, но немаловажное значение для поэта имели и обогащенные народной фантазией исторические сюжеты, согретые горячим дыханием нынешнего дня. Нельзя расторгнуть кровных уз, связывающих день вчерашний и день сегодняшний. Неизменно рассказ о том, как жила шэньсийская деревня раньше, перерастал в рассказ о том, как она живет теперь. Крестьяне раскрывали перед поэтом сокровища своего устного творчества, все, что веками шло от поколения к поколению, совершенствуясь, обретая ту сжатость и меткость, которые характерны для истинно народных произведений. Здесь были и сказы, и басни, и множество пословиц, которыми так богат китайский язык, и народные анекдоты, в которых искусство диалога доведено до совершенства. Все это поэт тщательно записывал. И по мере того как Ай Цин передвигался с походным театром из деревни в деревню, в сознании его происходил сложный и в высшей степени интересный процесс: преображался мир его образов, менялась сама первооснова его изобразительных средств. Взятые у самой жизни, они становились реальнее и правдивее, ближе и понятнее народу. Так поэт подошел к осознанию того, что творчество должно быть истинно народным. Этот перелом, наметившийся в первый же год жизни Ай Цина в Яньани, принял осязаемые формы после знаменитого совещания по вопросам литературы и искусства, созванного коммунистами в Яньани.

На это совещание, которое явилось знаменательным событием для китайской литературы и искусства, собрались все, кто был насущно заинтересован в судьбах родной литературы, кто искренне желал ее расцвета. Но не всем был ясен путь, по которому надо было идти. Были и такие, кто пришел в Яньань с искренним намерением помочь народу в тяжелой борьбе, но не освободился еще от влияния индивидуалистического буржуазного искусства. Это их имел в виду Мао Цзэ-дун, когда говорил на совещании, что многие работники литературы и искусства не знают тех, кого они изображают,— рабочих, крестьян, солдат, их актива, не знают как следует народного языка. Мао Цзэ-дун призывал работников литературы и искусства слиться с массами воедино, пройти долгий, даже мучительный процесс перековки. Приводя чудесное выражение Лу Синя о служении народу: «Нахмурив брови, с холодным презрением взираю на осуждающий перст вельможи, но, склонив голову, готов, как буйвол, служить ребенку», Мао Цзэ-дун блестяще его комментировал, «Все члены коммунистической партии, все революционеры, все работники революционной литературы и искусства должны взять себе в пример Лу Синя, должны стать «буйволами» для пролетариата и народных масс, отдавать им все свои силы, всю свою жизнь до последнего вздоха...»

В 1943 г. вышел один из наиболее известных сборников Ай Цина — «Весть о рассвете», в который были включены стихи, написанные с 1940 г. Тематически сборник делится на стихи о войне («Время пришло», «Эшелон», «Циркулярный приказ» и другие), о жизни капиталистического города («Шоссе», «Улица», «Горожане» и т. д.), о Советском Союзе (цикл



«Новый Эдем»). Есть в сборнике и лирические, пейзажные стихи («Зимний лес», «Ночь», «Гаолян»). Особый интерес представляют стихи цикла «Новый Эдем», в которых Ай Цин впервые обратился к новой для него теме о жизни Советского Союза и дружбе между китайским и советским народами.

Сборник «Весть о рассвете» явился свидетельством творческого роста поэта, его поэтической зрелости, проникновенного понимания действительности, правды жизни, правды искусства.

Радостно, глубоко оптимистически звучат строки стихотворения «Весть о рассвете»:

Пускай пробуждения наступит праздник
Для силы, разума и здоровья.
Вставай, поэт, и правдивым словом
Людей извести о желанной вести...
Скажи им, что ночь уже отступает,
И я иду — победитель ночи.

Большую творческую удачу представляет также стихотворение Ай Цина «Обращаюсь к миру», в котором поэт возвышает гневный голос, грозно предупреждая империалистических агрессоров:

В прошлом столько испытано нами страданий и горя,
Столько пролито крови, что ныне, когда наступили
Дни свободы и равенства, кажется нам, что и солнце
В синем небе нам светит намного светлее, чем раньше.
Пусть клевещут враги, обливая нас грязною ложью,
Пусть глаза их змеиные злобно шпионят за нами,
Пусть их зависть чернее, чем ад, и отравлена ядом,
Пусть мечтают они, чтобы снова мы стали рабами,—
Но суровое время им вечную гибель готовит.

Яньаньский период творчества Ай Цина отражен в вышедшем в 1945 г. сборнике «Против фашизма».

Когда советские войска гнали врага от стен Москвы, Китай приветствовал победу советских войск, связывая с победой на заснеженных русских полях свое освобождение. «Почему побеждают русские?»— в тот момент в Китае не было вопроса актуальнее. Китайцы искали ответа на этот вопрос в беседах с людьми, которые когда-то бывали в России, в русских романах, в подшивках старых газет и журналов. Это было время, когда «Севастопольские рассказы» Л. Толстого печатались в газетах с продолжениями, когда студенты, разделив русскую книгу на три части, передавали ее друг другу. Буржуазная пресса, даже в том случае, когда она могла раскрыть истинные причины победы советского оружия, отделывалась молчанием или банальной фразой, в которой понятию «Россия» сопутствовали ничего не разъясняющие слова: «тайна», «загадка», «секрет». И вот в один из этих дней по радио прозвучала поэма Ай Цина, в которой мужественными и простыми словами была раскрыта тайна победы русских. В ней рассказывалось о русской девушке, воплотившей в себе лучшие черты сражающегося народа.

Любовь к родине дала русской девушке силы, сознание своего высокого долга окрылило ее и сделало неустрашимой.

Не надо бояться, товарищи!
Умереть за народ — великое счастье...

Из всего, что характеризовало подвиг Зои Космодемьянской, Ай Цин выделил слова: «Умереть за народ — великое счастье». Поэт определил этим и свое отношение к борьбе народа за свободу и счастье отечества. Сын народа, он сделал знаменем своей борьбы любовь к родному народу, счастье которого всегда было счастьем самого поэта.

По словам Ай Цина, в этой книге он пытался, хотя бы в слабой мере, отразить, как он понял выступление председателя Мао в 1942 г. Поэт стремится раскрыть в своих стихах события, пронесшиеся в последние годы над миром. Всей силой своих гневных строк книга обращена против фашизма. Как далеко поэт ушел в этих стихах от того, что он некогда писал о Франции, как окреп ум поэта, обогатилась его способность вскрывать самое существо событий, а вместе с этим и чувство прозорливости, чувство предвидения...

Годы жизни Ай Цина в Яньане — это годы кипучей общественной деятельности поэта. Здесь он принимает активное участие в работе бригады литературных работников по преобразованию деревни, избирается депутатом правительства Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, членом правления Ассоциации писателей Северного Китая и членом яньанского филиала Всекитайской ассоциации писателей по отпору врагу, назначается деканом Литературного института при Северокитайском объединенном университете.

Ай Цин прожил в Яньани только четыре года, но, покидая этот город, он чувствовал, что расстается с чем-то таким, что будет дорого ему всю жизнь. Новый, бесконечно близкий ему мир, с которым отождествлялись его самые дорогие идеалы, был воплощен в облике этого города.

В своих воспоминаниях Ай Цин рассказывает, как они уходили из Яньани, о сорокадевятидневном походе по земле, начисто выжженной врагом.

«Наверно, вот так выглядела русская земля после ухода гитлеровцев. Сорок девять дней мы шли через деревни нашего Северо-Запада. В деревне Хуцзянань было пятьдесят дворов — осталось с десяток, остальные обращены в пепел, в прах. В деревне Юньлуцзэ было несколько десятков домов — остался только храм.

Да и в самом деле местность похожа на пустыню—ни деревца, ни фанзы, люди зарылись в землю. Холодная, необжитая пустыня. Но человек живет, он не потерял надежды возвратить земле ее прежнюю силу»[4].

Из всего того, что написано о Яньани, а таких книг и в Китае, и за рубежом вышло за последние годы десятки, ничто, кажется, так лаконично и так полно не раскрывает понятий «Яньань» и «народное правительство», как стихотворение Ай Цина, его поэтические образы:

Может быть, для кого-нибудь это покажется чудом,
Но правительство наше не знает ни краж, ни подлогов,
Не имеет чиновников, ворующих у народа
И с украденным золотом убегающих за границу.
Нет помещиков здесь, разжиревших за счет землепашца,
Нет седых стариков, что выпрашивают подаянье,
Безработных, которые роются в мусорной яме,
Изможденных от вечного голода, в поисках пищи...
По ночам не услышать у нас материнского плача,
Потому что здесь голода нет и детей беспризорных,
Нет обид и нет жалоб, в которых не разберется
Наша власть, ибо это есть власть трудового народа.

[4] *Ай Цин.* В пути к победе. Пекин, 1950.



Заключительные строфы этих стихов исполнены великого пафоса:

Все, что сделано здесь,— это против войны и фашизма,
За народное счастье и радостный труд миллионов,
За святую свободу великого государства.
И поэтому здесь и рабочие, и землепашцы,
Генералы, поэты, философы и астрономы,
Как один человек, для единой работают цели...

В период национально-освободительной борьбы против гоминьдановской диктатуры и американского империализма Ай Цин отдает себя служению народной революции, славит армию героев, вдохновляет воинов.

После победы революции в Китае и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики Ай Цин ведет большую общественную работу. На Первом всекитайском съезде деятелей литературы и искусства, где он выступил с докладом «Художественное образование в освобожденных районах», Ай Цин избирается членом президиума Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства и Ассоциации писателей.

В годы восстановления и мирного строительства республики Ай Цин создает новые стихотворения, посвященные трудовому энтузиазму народа, борьбе за мир, строительству новой жизни. В 1950 г. выходит сборник его стихов «Радостный клич», в который вошли такие произведения, как «Ставлю свою подпись под Стокгольмским воззванием».

В том же 1950 г. Ай Цин посетил Советский Союз. Около месяца он прожил в Москве, затем уехал в большое путешествие по стране. Лучшая весть о поэте — его стихи. В Китае почитатели таланта Ай Цина следили за его путешествием по Стране Советов.

Пришло стихотворение «Поезд минует Байкал»:

Утром вижу я озеро — это Байкал,
Предрассветный туман поднялся над водой,
Воды тихие кажутся чище зеркал,
И утесы нависли...
Паровоз белым дымом клубит и клубит.
Вижу — девушка машет рукой, у дороги стоит
И в Москву провожает с Востока гостей...

Затем стихотворение «Сибирь». Ему было предпослано своеобразное прозаическое вступление: «Некогда существовала бескрайняя, необитаемая Сибирь, Сибирь нищих, бродяг, холодная и заснеженная. Но сегодня я увидел...» И поэт рассказывает о чудесном крае, богатом и привольном, преображенном творческим подвигом советского человека.

Вот и Москва. Наряду с другими стихами она отмечена в поэтическом дневнике Ай Цина стихотворением «Площадь Пушкина».

К Пушкину обращены слова Ай Цина:

Ты отстоишь от нас на целый век,
А кажется — всего лишь на день,
Твои прекрасные мечты
Здесь в жизнь воплощены...
Народ победой славной отвечает
На предсказанья светлые твои...

Около месяца поэт прожил в Грузии. Его пребывание там отмечено стихотворением «Рог». Поэт говорит в нем о старинном грузинском обычае — угощать дорогого гостя вином, налитым в рог. Но рассказ об этой

красивой традиции служит поэту всего лишь поводом, чтобы в проникновенных словах воспеть дружбу между нашими народами.

Во время своей поездки по Советской стране Ай Цин написал и несколько стихотворений, подсказанных думами о Китае, о его большой и радостной судьбе. Характерно, что именно в Москве—столице нового мира, с именем которой народы связывают борьбу за свою свободу и независимость, поэт написал одно из самых сильных своих стихотворений, воспевающих любовь к отечеству:

Я родину мою люблю,
Люблю ее народ трудолюбивый.
В ее заботливых объятьях вырос я,
Она меня вскормила...

Большую творческую удачу представляет стихотворение «Рубиновые звезды», написанное Ай Цином после посещения им Советского Союза.

Пять башен высоких
Кремлевский дворец окружают,
На каждой из башен
Рубинами алые звезды сверкают —
Чем глубже ночная зловещая мгла,
Тем ярче горит и сверкает звезда...
. . . . . .
С великой Страной Советов
Вперед, к золотой весне!
Эта святая дружба
Путь преградит войне!
Звезды Кремля сияют
И в грозные наши дни.
Правду,
силу,
отвагу
Людям несут они!

Немало искренних и волнующих произведений создали китайские художники слова о борьбе корейского народа против иноземных захватчиков. Широкой известностью пользуются стихотворения поэтов: Тянь Цзяня «Тысяча мертвых», «Прощай, Пхеньян!», «Я стою на Пике пионов»; Шао Янь-сяна «Пойте, громко пойте песню боевую»; Ван Я-пина «Убьем дикого зверя»; произведения поэтов Цзан Кэ-цзя, Ма Фань-то, Люй Цзяня, Ша Оу и других. Среди этих стихотворений есть и стихотворение Ай Цина «Вперед, славная армия корейского народа!».

Плечом к плечу с Советским Союзом и странами народной демократии Китай идет в первых рядах активных участников движения сторонников мира. Борьба за мир между народами — одна из центральных тем современной китайской поэзии. С большой выразительностью написано стихотворение Ай Цина «В защиту мира» — одно из выдающихся произведений талантливого поэта:

И если вы уедете отсюда,
То на пространствах нового Китая,
Во всех бесчисленных его селеньях,
Во всех освобожденных городах
Увидите, как сотни тысяч рук



Работают упорно и спокойно,
То — воля к жизни нашего народа,
Плоды мучительной борьбы столетней,
Где мы в боях суровых победили
И обрели теперь желанный мир.
Да, этот мир совсем не тот, который
Выпрашивают, стоя на коленях;
Не тот, который бог дарует с неба;
Не тот, где только голуби свободны
В своем полете.
Это мир — другой:
Он завоеван вековой борьбою
Великого китайского народа,
За этот мир мы пролили в боях —
Я говорю буквально — реки крови
И сохранили миллионы жизней,
Когда победу нашу обрели.

Борьба за мир неотделима от борьбы против империализма и агрессии. Поднимая свой голос в защиту мира, китайские писатели гневно бичуют приверженцев гонки вооружений, поджигателей новой войны.

Немало поэтических произведений современных китайских художников слова посвящено разоблачению империалистической агрессии. Гневным протестом против происков захватчиков наполнены строки стихотворения Ай Цина «Народы Азии, воспряньте!»:

Волны Тихого океана сурово рокочут,
И над Азией тучи нависли,
В небе грома густые раскаты грохочут —
Буре скоро быть, буря близко.
Пусть проснется же наша земля,
Чтобы могилу врагам приготовить.
Пусть бродячие эти пираты —
Ни один не сумеет живым уйти.

Сегодня Ай Цин, переживший годы войны, годы странствий по миру, незабываемые годы борьбы за свободу отечества, — воин, борец, коммунист, страстный поборник великой правды нового мира. И его протест против произвола старого мира носит далеко не тот отвлеченный характер, каким он был на заре творческой жизни поэта. Поэт никогда не сможет забыть чудовищных мучений своего народа, тысячелетия страдавшего в ярме неволи, терпевшего гнет и унижения от своих и иноземных поработителей:

...в реках Китая —
Не пресные воды,
А слезы народа
Текли солоны.

Поэтому так величаво, с таким достоинством звучат поэтические строки Ай Цина в день торжества народной революции в Китае, день освобождения его родины:

Китайцы —
Четвертая часть человечества —
Встали
Во весь исполинский рост.

Поэтическое творчество Ай Цина отличается актуальностью тематики, политической устремленностью, глубоким вторжением в действительность, в живые дела великого китайского народа. Не замыкаясь в своем поэтическом творчестве, писатель принимает самое деятельное участие в литературно-критической борьбе за утверждение и торжество идейных и эстетических принципов передового искусства, связанного с народом, одухотворенного коммунистическим мировоззрением,— искусства социалистического реализма.

Молод и свеж поэтический дар Ай Цина, неотвратимо влекут его непроторенные дороги искусства. Поэт целиком отдает свой большой поэтический дар высокому патриотическому служению своему народу.

# ГЛАСНЫЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА[1]

*Л. Р. ЗИНДЕР*

## СОСТАВ ФОНЕМ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос о составе гласных фонем в корейском языке теснейшим образом связан с вопросом о составе согласных фонем. Он не может быть решен до тех пор, пока не решен вопрос о фонематической трактовке палатализованных и лабиализованных согласных.

Вопрос о лабиализованных согласных в корееведении до сих пор не ставился[2], хотя он, как это будет видно из дальнейшего, принципиально ничем не отличается от вопроса о палатализованных. Последний был поднят, повидимому впервые, А. А. Холодовичем: «Каждой из вышеописанных фонем (речь идет о непалатализованных.— *Л. З.*) имеется палатализованный ее эквивалент. В большинстве случаев этот палатализованный эквивалент не имеет в корейском языке специального обозначения в самом согласном»[3]. А. А. Холодович писал «в большинстве случаев», а не «всегда», так как считал, что аффриката ć является палатализованным эквивалентом смычного t, не имеющего другого палатализованного варианта; аффриката же ć обозначается в корейском письме специальной буквой. В «Строе корейского языка» А. А. Холодович придерживается той же трактовки, хотя в таблице фонем он помещает только непалатализованные.

Нельзя согласиться с тем, что аффрикаты так же относятся к переднеязычным смычным, как палатализованные губные и заднеязычные к соответствующим непалатализованным. В современном корейском языке они представляют собой, несомненно, самостоятельные фонемы благодаря тому, что согласный t оказался возможным в современном языке перед гласным i, т. е. как раз в той позиции, в которой из него возникла когда-то аффриката. В отличие от всех других непалатализованных согласных, t, хотя и в редких случаях, встречается перед гласными i и ʸi, где он отчетливо противополагается аффрикате ć; сравните, например, tida ‘подпоясываться’ и ćiźu ‘помещик’, tʸi ‘позади’ и ćʸi ‘мышь’. Ничего подобного в других группах согласных в корейском языке не бывает.

Вслед за А. А. Холодовичем палатализованные и непалатализованные рассматриваются как различные фонемы в корейском языке Н. С. Тру-

---

[1] Работа выполнена при постоянной консультации А. А. Холодовича.

[2] Только Н. С. Трубецкой в своей работе «Grundzüge der Phonologie» (Prag, 1939) рассматривает, наряду с палатализованными согласными, и лабиализованные.

[3] *А. А. Холодович.* О латинизации корейского письма. «Советское языкознание», т. I, 1935, стр. 155.

бецким, Ю. Н. Мазуром [4] и В. А. Хван Юндюном [5], т. е. авторами, так же как и А. А. Холодович, отталкивающимися от русского языка с его противопоставлением твердых и мягких согласных. Другие лингвисты, прежде всего корейские, а также Г. Рамстедт, совершенно не касаются вопроса о палатализованных согласных, не замечая, повидимому, явления палатализации. Не затрагивает этого вопроса и новейшая зарубежная работа по корейской фонетике [6].

В. А. Хван Юндюн включает в таблицу согласных фонем палатализованные губные смычные (p′, p‘′, ṗ′) и заднеязычные смычные (k′, k‘′, ḱ′), а также фарингальный щелевой и сонанты. Палатализованные переднеязычные щелевые (s′, ṡ′) он рассматривает как варианты фонем, не противополагающиеся соответствующим непалатализованным. Никаких объяснений по этому поводу в его автореферате не имеется. Кроме того, Хван Юндюн отмечает наличие палатализованных и непалатализованных вариантов фонем у аффрикат, не указывая, к сожалению, условий их появления и не приводя никаких примеров.

Так обстоит дело с историей вопроса. Фактическое же положение вещей с чисто фонетической точки зрения выглядит следующим образом.

Почти все основные типы согласных встречаются в корейском языке в трех разновидностях — непалатализованные, палатализованные и лабиализованные, например: pal ‘нога’, p′ⁱanhada ‘струиться’ (о свете), p°ᵘa ‘смотри’, kor′i ‘кольцо’ k′ⁱośil ‘аудитория’, k°ᵘolǵi ‘восстание’ и т. п. Палатализованные согласные встречаются только перед гласным i и перед дифтонгоидными гласными, начинающимися с краткого i (ⁱa, ⁱɔ ⁱo, ⁱu); палатализованные k′ и s′ бывают также и перед e, например: k′e ‘краб’, s′esal ‘три года’. Непалатализованные согласные встречаются только перед недифтонгоидными гласными заднего ряда и перед более открытыми гласными переднего ряда (e, ɛ). Исключение составляют непалатализованные t и i (не имеющие в корейском языке соответствующих палатализованных), которые встречаются перед гласным i, например: tiŋgullida ‘вытаращить (глаза)’ ti ‘пояс’. Исключение представляют и среднеязычные аффрикаты, в которых, разумеется, не существует различения непалатализованных и палатализованных, и которые встречаются перед гласными переднего ряда и перед дифтонгоидами. Следует, впрочем, заметить, что первый i-образный компонент дифтонгоида в этой позиции на слух почти не ощущается. Отсутствует различение и палатализованного и непалатализованного ŋ, поскольку этот звук может быть только в конце слога.

Лабиализованные согласные встречаются только перед губными гласными и перед дифтонгоидами, начинающимися с элемента u или y; последнее имеет место перед i (например, tʸi ‘позади’, kʸi ‘ухо’), а также в положении после среднеязычных аффрикат (например, ćʸeda ‘весь’).

Фонетические причины появления y вместо u совершенно очевидны: y, представляющий собой лабиализованное i, обусловлен соседством с i или же со сходным с ним по положению языка согласным ć. Нелабиализованные согласные наблюдаются перед всеми прочими гласными. Следует отметить, что лабиализация чаще всего связывается с заднеязычными согласными. Исключение составляет только заднеязычный носовой, который не встречается в лабиализованной разновидности, так как он бывает только в конце слога.

[4] *Ю. Н. Мазур.* Краткий грамматический очерк корейского языка в «Русско-корейском словаре». М., 1951.
[5] *В. А. Хван Юндюн.* Фонетический строй корейского языка (автореферат), 1952.
[6] *S. E. Martin.* Korean Phonemics. «Language», vol. 27, N 4. Baltimora, 1951.



Указанные выше палатализованные и лабиализованные разновидности относятся в основном к ряду слабых; некоторые типы согласных, возможно, и не представлены ни одним примером (так, как будто, нет слов с лабиализованным придыхательным или сильным губным согласным). Однако нельзя считать, что лабиализованные и палатализованные сильные или придыхательные чужды корейской артикуляционной базе, так как для некоторых таких согласных отдельные примеры имеются (сравните ć‘ʸić‘e ‘контроль’, ḱ°ᵘe ‘хитрость’).

Реально встречаются в корейском языке следующие палатализованные:

p′ — p′ⁱut ‘сельдь’; k′ — k′ⁱɔlk‘o ‘никоим образом’;
p‘′ — p‘′ⁱɔŋz′i ‘письмо; k‘′ — k‘′ɔda ‘зажигать’;
ṗ′ — ṗ′ⁱam ‘щека’;
m′ — m′ⁱo ‘мавзолей’; h′ — h′ⁱuŋmo ‘козни’;
n′ — on′ⁱa ‘ладно’; r′ — ɔr′ⁱɔpta ‘трудный’.

Из лабиализованных встречаются следующие согласные:

p° — p°ᵘa ‘смотри’; k° — k°ᵘa ‘и’;
t° — t°ᵘeda ‘становиться; k‘° — k‘°ᵘɛć ‘с охотой’;
t‘° — t‘°ᵘegak ‘отступление;
i° — i°ʸida ‘прыгать’; ḱ° — ḱ°ᵘe ‘хитрость’;
ć° — ć°ʸi ‘мышь’;
ć‘° — ć‘°ʸic′‘e ‘контроль’; h° — h°ᵘagu ‘кратер’;
s° — s°ʸe ‘железо’; r° — k°ᵘer°ᵘe ‘марионетка’;
m° — m°ʸe ‘корм’;
n° — n°ʸe ‘мозг’.

Таким образом, из изложенного видно, что употребление палатализованного или непалатализованного, лабиализованного или нелабиализованного согласного неразрывно связано с характером следующего за согласным гласного, и, наоборот, характер гласного неразрывно связан в употреблении с определенной разновидностью предшествующего согласного. Вопрос, следовательно, состоит в том, относятся ли палатализованные и непалатализованные и соответственно лабиализованные и нелабиализованные согласные к разным фонемам, и являются ли дифтонгоидные и недифтонгоидные гласные оттенками одной фонемы. Или, наоборот, дифтонгоидные и недифтонгоидные гласные представляют разные фонемы, а палатализованные и непалатализованные, а также лабиализованные и нелабиализованные согласные являются оттенками одной фонемы. Иначе говоря, имеем ли мы, например, в словах put ‘кисточка’ и p′ⁱut ‘сельдь’ одну и ту же начальную согласную фонему (в двух разных оттенках) и разные гласные фонемы (тогда фонематически их следовало бы изобразить — put и pⁱut), или же в них одна и та же гласная фонема (в двух разных оттенках), но две разные начальные согласные фонемы (тогда фонематически их следовало бы транскрибировать put и p′ut)?

Аналогичным образом стоит вопрос и о том, имеем ли мы в словах ka ‘берег’ и k°ᵘa ‘и’ одну и ту же согласную фонему и разные гласные фонемы (в таком случае второе слово будет выглядеть в фонематической транскрипции как kᵘa), или одну и ту же гласную фонему и разные согласные фонемы (в таком случае это слово в фонематической транскрипции будет выглядеть как k°a). Исходя из изложенного выше фактического положения, ответ будет, повидимому, одинаков как для случая

с палатализованными и непалатализованными, так и для случая с лабиализованными и нелабиализованными согласными.

Выше указывалось, что некоторые лингвисты, основываясь на аналогии с русской системой фонем, считали палатализованные и непалатализованные согласные разными фонемами. Эти ученые не замечают существенного различия между условиями употребления соответствующих согласных в русском и корейском языках.

В русском языке в сочетаниях типа ра, р'а мы имеем две разные согласные фонемы, но одну и ту же (в двух разных оттенках) гласную фонему, потому что твердые и мягкие согласные встречаются и в независимом фонетическом положении, тогда как разные оттенки гласных всегда зависят от предшествующего согласного. Палатализованные согласные являются в русском языке особыми фонемами вследствие того, что они встречаются наравне с непалатализованными в независимом положении — в конце слова. В корейском же языке в конце слова встречаются только непалатализованные. Это выявляется с особенной четкостью в случае с сонантами m, n, l, употребление которых в конце слов очень широко распространено. Несамостоятельность палатализованных согласных в корейском языке обнаруживается, между прочим, при изучении русского языка корейцами. Легко усваивая противоположения типа spat'— sp'at, nos — n'os (причем они, разумеется, сохраняют привычную для них сильную дифтонгоидность гласных), корейцы испытывают затруднение в произношении таких пар, как stop — top', son — kon'.

Все приведенные здесь доводы принципиального характера целиком можно приложить и к лабиализованным и нелабиализованным согласным. Подобно палатализованным, лабиализованные никогда не встречаются в корейском языке в независимом положении, т. е. не перед губными гласными или соответствующими дифтонгоидами.

К сказанному можно добавить также следующее: если бы палатализация и лабиализация были в корейском языке дифференциальными фонематическими признаками, то соответствующие противоположения проходили бы через всю систему фонем. Вместе с тем, как это видно из приведенных на стр. 93 материалов, ряд согласных подобных противоположений не имеет.

Таким образом, можно было бы считать доказанным, что различение палатализованных и непалатализованных согласных, равно как и лабиализованных и нелабиализованных, не имеет в корейском языке фонематического характера. Однако из такого решения вопроса с неизбежностью вытекает необходимость признать разными фонемами недифтонгоидные и соответствующие им дифтонгоидные гласные.

Если это действительно так, то они должны встречаться в независимом фонетическом положении, т. е. не только после соответствующих согласных, но и в абсолютном начале слова или внутри слова в начале слога после гласного. Возможность такого употребления рассматриваемых гласных в корейском языке не очевидна: дифтонгоиды, в подлинном смысле слова, как указывалось выше, встречаются только после палатализованных и лабиализованных согласных. Поэтому для окончательного решения вопроса о фонематической трактовке этих гласных необходимо привлечь еще дополнительный материал. Дело в том, что в корейском языке имеются, кроме названных выше, еще два сонанта — среднеязычный j и губно-губной w. Встречаются они только в начале слова или в начале слога после гласного, т. е. в интервокальном положении, например: jɔl 'десять', wet'u 'пальто', ṡajɔ 'будучи сложенным', tɔwi 'жара' и т. п. По фонетическому характеру эти сонанты отличаются крайней слабостью шума, что дало основание Е. Д. Поливанову считать сочетания



wa, we и т. п. дифтонгами, а А. А. Холодовичу назвать j и w полугласными.

Поскольку j и w встречаются только перед гласными, можно допустить, что они не являются самостоятельными фонемами в корейском языке и сочетания типа ja, wa и т. п. и дифтонгоиды ʲa, ʷa и т. п. представляют собой соответственно оттенки одной фонемы. Фонетическое различие между этими двумя оттенками объясняется соответствующими позиционными условиями. В начале слова или слога первый компонент звучит более отчетливо и воспринимается на слух как самостоятельный сонант или полугласный; в положении после согласного он звучит менее явственно, сливаясь в большей или меньшей степени с предшествующим звуком вследствие палатализации последнего.

Если сочетания типа ja, wa и другие представляют собой оттенки дифтонгоидов (позиционная обусловленность их делает такое допущение достаточно обоснованным), то это означает, что дифтонгоиды могут встречаться и в независимом для гласных положении, а именно в абсолютном начале. Таким образом снимается возражение против признания фонематичности противоположения дифтонгоидных и недифтонгоидных гласных. Однако для окончательного решения вопроса о сущности дифтонгоидных, необходимо выяснить, не являются ли они сочетанием двух фонем — сонанта и гласного. Установив фонематическую тождественность сочетаний ja, wa и т. п. дифтонгоидам ʲa, ʷa и т. д., мы не доказали еще, что эти сочетания, равно как и дифтонгоиды, фонематически неразложимы, что они не представляют собой сочетания двух фонем, а также, что дифтонгоиды не являются вариантами сочетаний сонантов с гласными.

Первым условием, определяющим фонематическую целостность дифтонгических сочетаний, является, несомненно, их морфологическая неразложимость. Бóльшая часть дифтонгоидов (включая и сочетания типа ja, wa) корейского языка удовлетворяет этому требованию, так как морфологическая граница никогда не проходит между их компонентами. Сомнение может возникнуть только в отношении дифтонгоидов ⁱɔ, ᵘɔ, ᵘa, поскольку имеется ряд глаголов типа ṡaida 'быть сложенным', 'лежать сугробами', где корень ṡa, а i — суффикс непереходности. При образовании от этих глаголов деепричастия с помощью суффикса ɔ получается форма ṡajɔ, в которой морфологическая граница проходит как будто бы между j и ɔ. Аналогичное явление имеет место в глаголах типа topta 'помогать', а главным образом в прилагательных типа musopta 'страшный'. В глаголах типа topta top является корнем, а ta — окончанием спрягаемого глагола; в причастии прошедшего времени от этого глагола — toun — n является окончанием; в деепричастной же форме toᵘɔ морфологическая граница как будто бы проходит внутри дифтонгоида. Точно так же от прилагательного musopta возможны формы musoun и musoᵘɔ.

Исторически u в формах toun, musoun восходит, очевидно, к p и, следовательно, относится к корню, но едва ли можно признать, что связь между p и u существует в рассматриваемых формах и в современном языке. Нельзя считать, что p и u в них чередуются, так как такое чередование нигде больше не встречается. Тем меньшая связь существует, разумеется, между p и первым компонентом дифтонгоида ᵘɔ в формах toᵘɔ, musoᵘɔ. Поэтому можно предположить, что деепричастный суффикс имеет в современном языке не только форму ɔ, но и формы ᵘɔ, ⁱɔ. Такое предположение вполне допустимо, так как, например, в деепричастии haⁱɔ, от глагола hada 'делать' дифтонгоид исторически не имеет никакого основания, равно как и в глаголе c'oᵘahada 'любить', образованном от при-

лагательного c′ot‘a ‘хороший’. Дифтонгоиды появились здесь вместо простых гласных в условиях зияния, что находит себе подтверждение в ряде других случаев. Можно предполагать, что формам musoᵘɔ и ṡaiʲɔ предшествовали формы musouᵘɔ и ṡaiʲɔ, утратившие впоследствии предшествующий дифтонгоиду гласный, сходный с первым компонентом дифтонгоида. То же самое можно предположить и в прошедшем времени глаголов poda ‘видеть’ и oda ‘приходить’, которые имеют формы pᵘatta (в полном стиле произношения — poatta) и ᵘatta.

Таким образом, даже в тех немногих случаях, когда кажется, что морфологическая граница проходит между компонентами дифтонгоида, есть основание предполагать, что произошло перераспределение морфем, сделавшее дифтонгоиды морфологически неделимыми.

Признание монофонематичности дифтонгоидов подтверждается еще и тем обстоятельством, что они, как это видно из таблицы гласных фонем, образуют полную параллель к системе простых гласных.

Отсутствие в корейском языке дифтонгоидов ⁱi и ᵘu с фонетической точки зрения совершенно понятно. Напротив, никакого объяснения не имело бы отсутствие сочетаний ji и wu, если бы дифтонгоиды были бифонематическими сочетаниями сонантов с гласными.

Таким образом, если исключить из состава сонантов j и w, то система согласных корейского языка будет выглядеть следующим образом [7].

*Таблица согласных фонем*

| | | | Губные | Передне-язычные | Средне-язычные | Задне-язычные | Фарин-гальный |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Шумные | Смычные | чистые | p pᶜ ṗ | t tᶜ ṫ | | k kᶜ ḳ | |
| | | аффрикаты | | | ć ćᶜ ć′ | | |
| | щелевые | | | | s ṡ | | h |
| Сонанты | носовые | | m | n | | 0 | |
| | плавные | | | l/r | | | |

## СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Определив дифтонгоиды как гласные фонемы, переходим к вопросу о составе гласных фонем корейского языка в целом.

Вопрос о числе и составе гласных фонем корейского языка, как это видно из изложенного, не имеет однозначного ответа в литературе. Е. Д. Поливанов в небольшой работе о гласных корейского языка [8] насчитывал десять монофтонгов и шесть дифтонгов. К первым он относит гласные i, u, a, ɯ, o, ɔ, e, ɛ, ø, y, к вторым — дифтонги wa, wɔ, we, wɛ, wi и oe. К сожалению, он почти не приводит примеров на употребление всех этих гласных в словах, а указывает лишь, что последний дифтонг «произносится в перемежку с гласным ø»[9].

[7] К аналогичному решению вопроса о палатализованных и лабиализованных согласных пришел, хотя и другими путями, немецкий исследователь Г. Юнкер. С работами этого ученого, опубликованными в 1954 и 1955 гг., автор настоящей статьи ознакомился уже после ее написания (См. *H. F. J. Junker*. Phoneme im Koreanischen. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldtuniversität zu Berlin», Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe, № 1, Jahrg. III. 1953/1954; *его же*. Koreanische Studien. Berlin, 1955).

[8] *Е. Д. Поливанов*. Гласные корейского языка. Пг., 1916.



В. А. Хван Юндюн определяет состав монофтонгов точно так же, как Поливанов; дифтонгов же он насчитывает пять: четыре восходящих (wɔ, wɛ, we, wa) и один нисходящий (ыj)[10].

А. А. Холодович насчитывает в корейском языке только девять монофтонгов (i, e, ɛ, ø, u, o, ɔ, a, ы) и два дифтонга (ыi, ui). Сочетания же wa, wo и т. п. он считает сочетаниями полугласного u̯ с гласным; при этом, правда, А. А. Холодович оговаривается, что «характер сочетаний полугласного u̯ с гласными a, ɔ, e, ɛ ...является спорным и требует дальнейших исследований»[11]. В числе монофтонгов А. А Холодович не упоминает гласного y, отождествляя его с дифтонгом ui. Е. Д. Поливанов также отмечает, что y встречается только после переднеязычных согласных, а после других согласных ему соответствует дифтонг ui. С. Мартин[12], считающий, как и А. А. Холодович, полугласные w и j особыми фонемами, дает тот же состав монофтонгов, совсем не выделяя дифтонгов.

В сеульском произношении (насколько оно представлено в произношении нашего испытуемого т. Хона) монофтонгов ø и y нет; в соответствующих словах вместо них встречаются дифтонгоиды ᵘe, ʸi, например, ćᵘe ‘преступление’ (у Е. Д. Поливанова c′ø); tʸi ‘сзади’ (у Е. Д. Поливанова ty).

Следует отметить, что и Мартин, включающий, как и А. А. Холодович, в число монофтонгов гласный ø, делает оговорку, что для некоторых говорящих (он имел дело с сеульцами) фонемы ø не существует — ей соответствует сочетание we[13].

Таким образом, учитывая сказанное здесь и выше (при рассмотрении вопроса о фонематической трактовке дифтонгоидных гласных), состав гласных корейского языка можно представить в следующем виде: простых гласных — восемь, дифтонгов — один, дифтонгоидов — двенадцать, как это видно из помещаемой ниже таблицы.

*Таблица гласных фонем*

| | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| i | ɯ | u | ⁱu | ᵘi | | ɯi |
| e | o | | ⁱe | ⁱo | ᵘe | ᵘo |
| ɛ | ɔ | | ⁱɛ | ⁱɔ | ᵘɛ | ᵘɔ |
| | a | | ⁱa | | ᵘa | |

## ОПИСАНИЕ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

### Простые гласные

i — гласный переднего ряда и, как это видно из рентгенограммы (рис. 1), очень высокого подъема; на слух сходен с русским i между палатализованными согласными (например, p′it′). Примеры: i ‘зуб’, k‘i ‘рост’, ṡi ‘семя’, pit ‘свет’, ipul ‘одеяло’, ḳita ‘вкладывать’ и т. п.

[9] *Е. Д. Поливанов*. Указ. соч., стр. 2.
[10] *В. А. Хван Юндюн*. Указ. соч., стр. 6.
[11] *А. А. Холодович*. Строй корейского языка, стр. 10.
[12] *S. E. Martin*. Указ. соч., стр. 521.
[13] Там же, стр. 521.

Гласный i очень устойчив в качественном отношении, однако в первом слоге двухсложных и многосложных слов между двумя глухими согласными в разговорном стиле оглушается, например: tʻikʻɯl ʻпыль', pʻitaʻцвести' и т. п. (см. кимограммы, рис. 2). При этом и в акустическом смысле следует говорить о глухом гласном, а не об отсутствии его, так как слог во всех случаях сохраняется: все приведенные слова звучат как двухслоговые.

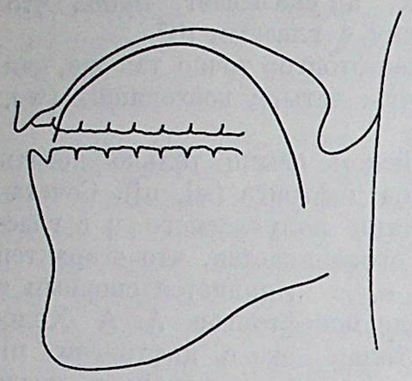

Рис. 1. Рентгенограмма гласного i

Как видно из спектрограммы (рис. 3), гласный i характеризуется двумя полосами усиленных частот: 125—500 гц и 2500—4000 гц.

e — гласный переднего ряда, по степени подъема языка значительно более широкий, чем i (см. рентгенограмму, рис. 4); на слух соответствует русскому e, например, в слове ʻшей' и значительно более открытое, чем немецкое e; например, в слове nehmen.

На спектрограмме гласного e (рис. 5) имеется ясное усиление в полосе 160—640 гц и очень слабое усиление на 4000 гц.

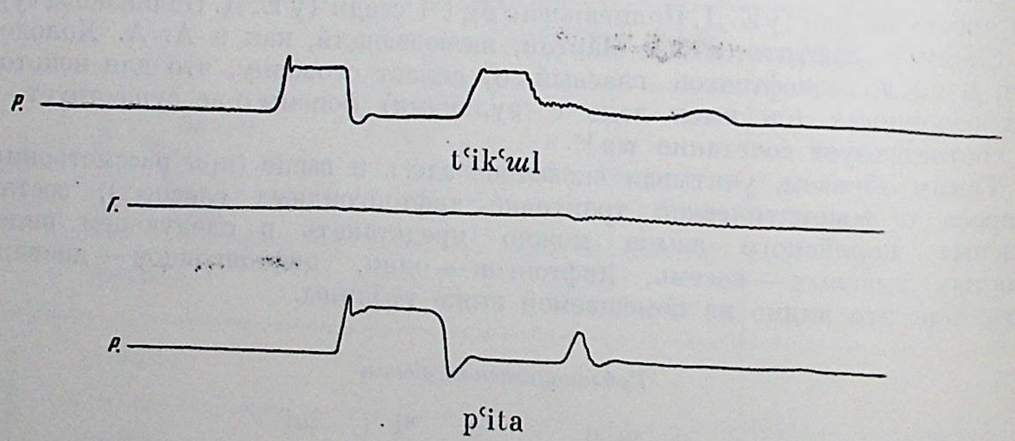


Рис. 2. Кимограммы слов с глухим i

Примеры: ke ʻкраб', te ʻстая', temi ʻкуча', kegwpʻкласс', sesal ʻтри года', teta ʻподогревать' и т. п.

ɛ — гласный переднего ряда, несколько более низкого подъема (рис. 6), чем предыдущий гласный. Как показывает сравнение рентгенограмм, при произнесении ɛ язык, кроме того, несколько отодвинут назад. Разница между e и ɛ гораздо менее ощутима на слух, чем между аналогичными парами звуков немецкого и французского языков. Примеры: sɛ ʻптица', kʻɛta ʻвыкапывать', pɛ ʻлодка', tɛta ʻдотрагиваться', ʻкасаться' и т. п.

На спектрограмме гласного ɛ (рис. 7) имеется только одна область усиления — 160—400 гц.

u — огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема, но несколько более открытый, чем русское *у* под ударением. Наиболее открытый оттенок u встречается перед согласным l. Губы значительно округлены и выдвинуты вперед (рис. 8). Примеры: uri ʻмы', pun ʻминута', tul ʻдва',

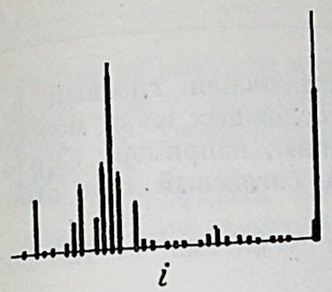


Рис. 3. Спектрограмма гласного i

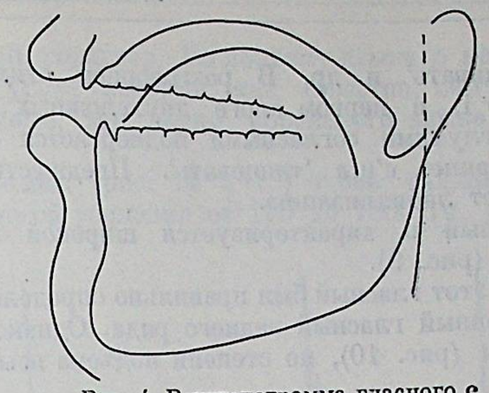

Рис. 4. Рентгенограмма гласного e

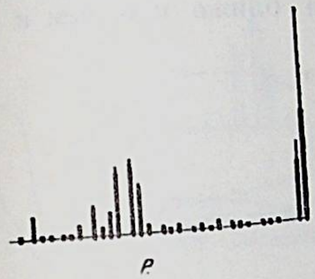


Рис. 5. Спектрограмма гласного e

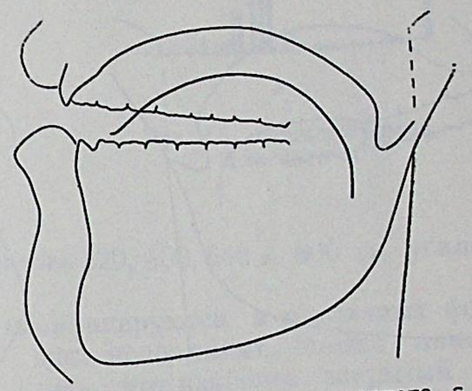

Рис. 6. Рентгенограмма гласного ɛ

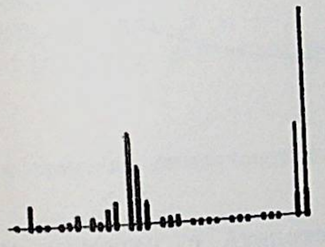


Рис. 7. Спектрограмма гласного ɛ

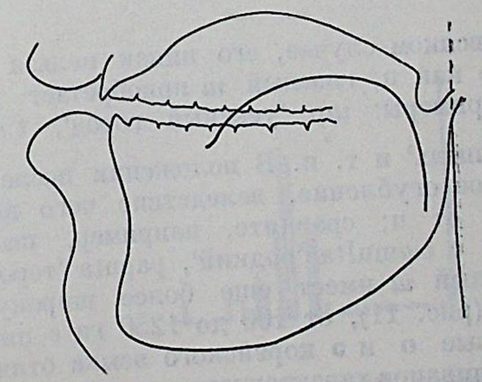

Рис. 8. Рентгенограмма гласного *ʊ*

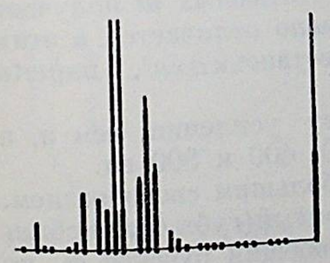


Рис. 9. Спектрограмма гласного *И*

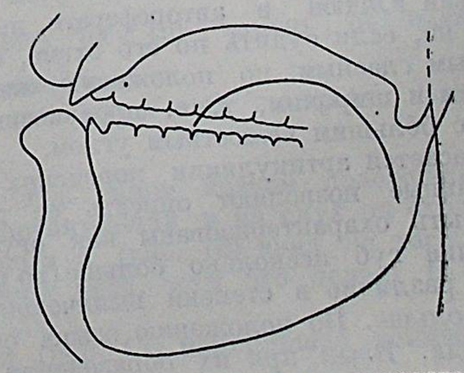

Рис. 10. Рентгенограмма гласного *ɯ*

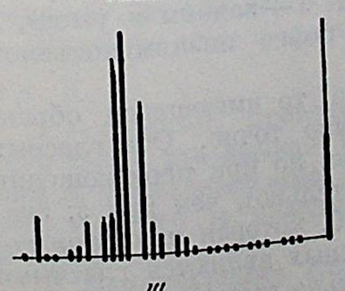


Рис. 11. Спектрограмма гласного *ɯ*

c'uta ‘давать’ и др. В разговорном стиле произношения гласный u, подобно i, в первом слоге двухсложных и многосложных слов между двумя глухими согласными подвергается оглушению, например: t‘ɥpʰi‘o ‘голосование’, c'ɥia ‘танцевать’. Предшествующий согласный при этом сохраняет лабиализацию.

Гласный u характеризуется широкой полосой усиления от 125 до 1000 гц (рис. 9).

*ɯ* — этот гласный был правильно определен еще Е. Д. Поливановым как неогубленный гласный заднего ряда. Однако, как это видно из рентгенограммы (рис. 10), по степени подъема языка он ближе к o, чем к u.

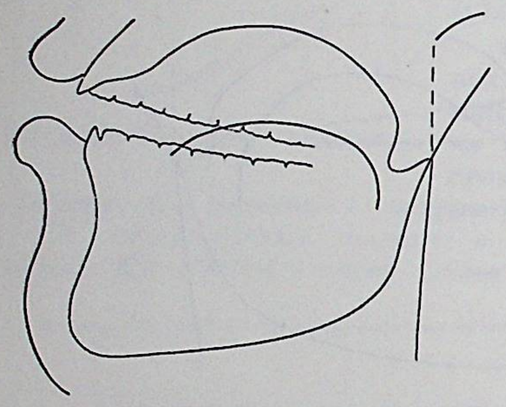

Рис. 12. Рентгенограмма гласного o

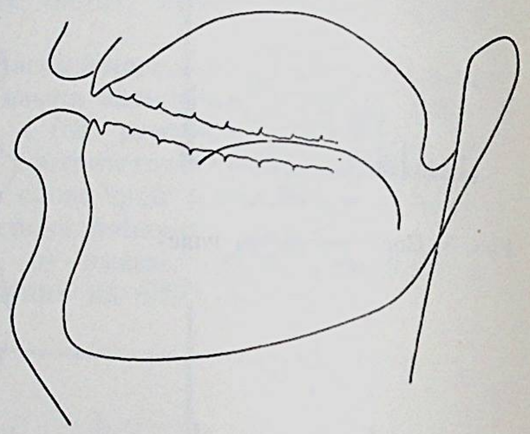

Рис. 13. Рентгенограмма гласного ɔ

Во всяком случае, его никак нельзя отождествлять с русским *ы*. Так же как u, гласный *ɯ* приобретает перед l более открытый характер. Примеры: *ɯр* ‘уездный город’, t‘*ɯm* ‘щель’, t*ɯl*ta ‘поднимать’, t‘ik*ɯl* ‘пыль’ и т. п. В положении после губных согласных *ɯ* получает некоторое огубление, вследствие чего на слух мало отличается в этих случаях от u; сравните, например, mɔm*ɯl*ta ‘остановиться’, paр*ɯ*ta ‘плохой’ с t*ɯm*ulta ‘редкий’, paрuta ‘торопиться’.

Гласный *ɯ* имеет еще более широкую полосу усиления, чем u, а именно (рис. 11), от 100 до 1250 гц с пиками 320, 400 и 500 гц.

Гласные **o** и **ɔ** корейского языка отличаются большим своеобразием. Е. Д. Поливанов характеризует o как «звук более закрытый (губы более сближены), чем русское *о*», а ɔ — как «звук, напоминающий русское *о*», но произносимый при менее отодвинутом назад языке (рис. 12 и 13). В. А. Хван Юндюн в автореферате не описывает артикуляции этих гласных, но, если судить по его схеме, он считает ɔ неогубленным, а o огубленным гласным; по положению же языка ɔ — задним и узким, а o — задним и широким, т. е. произносимым с более низким подъемом языка и с бóльшим челюстным углом.

Что касается артикуляции корейских o и ɔ, то имеющиеся объективные данные позволяют описать ее достаточно точно. Оба гласных должны быть охарактеризованы как огубленные, но при произношении o сближение губ несколько больше (но незначительно), чем при ɔ; значительнее различие в степени выпяченности губ, которая при произношении o больше. По положению языка оба гласных являются гласными заднего ряда. Язык при их образовании несколько вытянут вдоль рта. На некоторых рентгеновских снимках отчетливо видно небольшое поднятие кончика языка при артикуляции обоих этих гласных. Таким образом,



они могут иметь и апикальный характер. По подъему языка o несколько выше, чем ɔ. По челюстному углу, который, как известно, сам по себе никак не характеризует гласные, эти звуки корейского языка не различаются.

Спектрограммы обоих гласных (рис. 14 и 15) очень сходны между собой и характеризуются полосой усиления от 160 до 1000 гц; различие

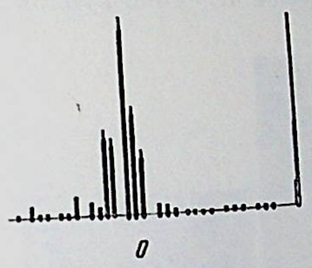


Рис. 14. Спектрограмма гласного o

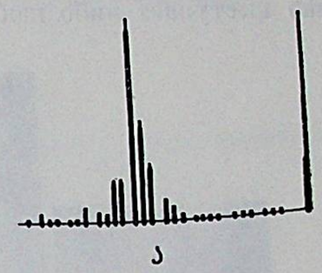


Рис. 15. Спектрограмма гласного ɔ

заключается только в том, что частоты 320, 400, 640 и 800 гц усилены в o больше, чем в ɔ.

На слух эти гласные мало модифицируются в различных фонетических положениях. Можно лишь отметить, что наиболее закрытый оттенок o встречается в абсолютном исходе.

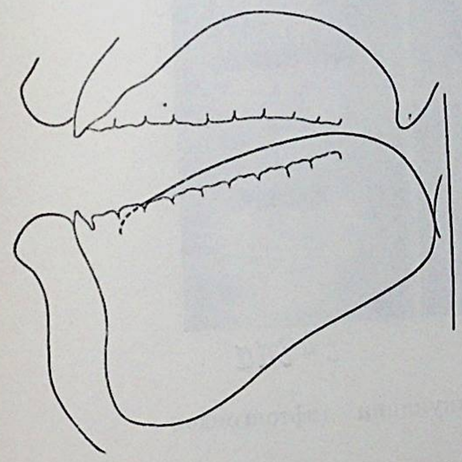

Рис. 16. Рентгенограмма гласного a

Рис. 17. Спектрограмма гласного a

Примеры слов с фонемой o: mok ‘шея’ tol ‘камень’, ot ‘одежда’, c‘‘o ‘секунда’, karo ‘поперек’, joho ‘лисица’ и т. д.

Примеры слов с фонемой ɔ: mɔk ‘тушь’, ɔta ‘замерзать’, tɔl ‘не так’ и т. д.

a — гласный, произносимый при самом низком положении вытянутого вдоль рта языка. И по артикуляции и на слух он сходен с русским *а*. Рентгенограмма корейского a (рис. 16) вряд ли дает основание относить его к гласным заднего ряда, как это делает В. А. Хван Юндюн.

В спектрограмме гласного a (рис. 17) наибольшее усиление приходится на полосу 500—1250 гц.

Примеры: ća ‘линейка’, sata ‘покупать’, aki ‘злой умысел’ и т. д.

## Дифтонгоиды

Все дифтонгоиды корейского языка характеризуются, как указывалось выше, тем, что первый компонент их в положении после согласных очень краток и потому не всегда легко воспринимается на слух. Вместе с тем его наличие не вызывает сомнений (см. рис. 18). В начале же слова и в середине слова после гласных (т. е. в начале слога) он очень отчетливо выступает либо как круглощелевой губно-губной сонант w в

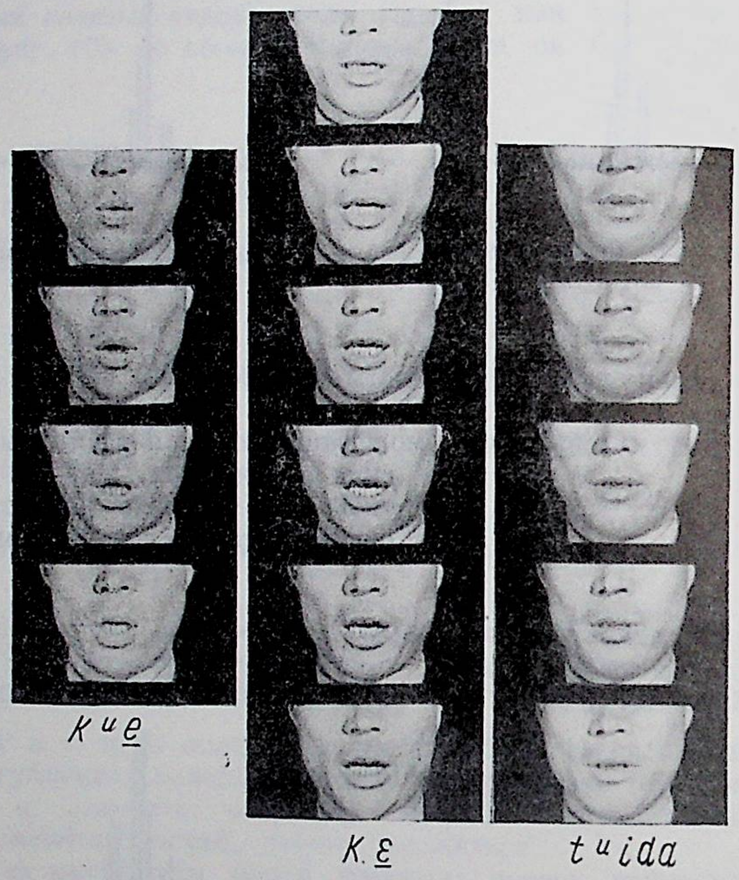


Рис. 18. Положение губ при артикуляции дифтонгоидов

дифтонгоидах одного типа, либо как среднеязычный j в дифтонгоидах другого типа, например: wənsu ‘маршал’, tɔwi ‘жара’, kʰᵘɔŋ ‘фазан’, jɐŋ ‘баран’, kʲarɯmhata ‘продолговатый’ и т. д.

Произношение дифтонгоидов ᵘo, ᵘɔ, ᵘa, ᵘɛ не требует особых разъяснений. Иначе дело обстоит с произношением дифтонгоидов ᵘe и ᵘi. Основные компоненты этих гласных — звуки переднего ряда, это оказывает влияние на первый компонент, который является звуком заднего ряда; с другой стороны, будучи губным, первый компонент оказывает лабиализующее действие на основной компонент.

При произнесении ᵘe u заменяется губным гласным переднего ряда y, а e, лабиализуясь, заменяется гласным ø. В разговорном стиле произношения весь дифтонгоид звучит как несколько удлиненное ø, что имеет место особенно после аффрикат (ср. приводимый Е. Д. Поливановым пример — cʹø ‘вина’).

При произнесении ᵘi гласный заднего ряда u заменяется губным гласным переднего ряда y, а i, лабиализуясь, при быстром произношении сливается с ним. Это и дало повод Е. Д. Поливанову выделить гласный y, например, в слове cʹy (в полном стиле произношения — cʹʸi) ‘мышь’.



Следует отметить, что оба рассмотренных дифтонгоида, становясь гласными переднего ряда, вызывают палатализацию предшествующих губных и заднеязычных согласных, например, kʹʸi ‘ухо’.

Дифтонгоиды с первым компонентом i, вызывающие, как указывалось выше, палатализацию предшествующего согласного, в разговорном стиле почти утрачивают этот компонент.

## Дифтонги

Единственный дифтонг корейского языка *ɯi* представляет собой ложный падающий дифтонг.

# К «ПРОЕКТУ ФОНЕТИЧЕСКОГО АЛФАВИТА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА»

*И. Н. ГАЛЬЦЕВ*

В январе 1956 г. Комитет по реформе китайской письменности передал на всенародное обсуждение «Проект фонетического алфавита китайского языка»[1]. Опубликование этого документа знаменует собой важный этап в разработке новой системы китайского письма.

За последнее столетие представители прогрессивной части китайского общества неоднократно выступали за осуществление реформы письменности, за замену иероглифического письма фонетическим. Особенно большое значение имела фонетическая азбука чжуиньцзыму, разработанная в 1913 г. авторитетным совещанием видных ученых-лингвистов с участием представителей различных районов Китая и китайцев, проживающих за границей. В 1918 г. эта азбука была утверждена тогдашним министерством просвещения в качестве официального фонетического алфавита. Чжуиньцзыму сыграла большую роль в унификации чтения иероглифов, она широко использовалась в преподавании, в учебных пособиях, для указания чтения иероглифов в словарях и т. д.

Однако только после великой победы китайского народа и создания Китайской Народной Республики была начата планомерная подготовка к проведению реформы китайской письменности. Созданный по решению китайского народного правительства Комитет по реформе китайской письменности уже в течение ряда лет проводит большую работу по изучению условий и возможностей осуществления этой великой задачи.

В обсуждении подготовленного Комитетом «Проекта фонетического алфавита» принимают участие широкие массы китайского народа. В многочисленных отзывах и предложениях, публикуемых в газетах и журналах, выражается горячее одобрение этого важного мероприятия на пути к коренной реформе китайской письменности.

«Проект фонетического алфавита» вызвал большой интерес среди советских лингвистов-китаеведов, которые всегда уделяли много внимания научно-исследовательской и практической работе, имеющей непосредственное отношение к разработке алфавита китайского языка. Известно, какую положительную оценку, в том числе в Китае, получил алфавит китайского языка, разработанный советскими китаеведами в 1931 г. За последние семь-восемь лет на базе латинской и русской графики были разработаны научно-учебные транскрипции, которые широко используются сейчас в преподавании и в учебных пособиях.

[1] См. «Чжунго юйвэнь», январь 1946, № 1; «Жэньминьжибао», 12 февраля 1956 г., «Дружба», 24 марта 1956 г.; «Народный Китай», 1956, № 6.



Изучение звукового строя китайского языка, а также опыт создания научно-учебных транскрипций дает нам возможность включиться в обсуждение опубликованного «Проекта» и внести свои предложения, которые могут оказаться полезными при выработке окончательного варианта фонетического алфавита.

* * *

При оценке «Проекта фонетического алфавита» мы не должны упускать из виду ту осторожность, с которой китайские лингвисты подходят к решению вопроса об алфавите китайского языка.

Председатель Комитета по реформе китайской письменности проф. У Юй-чжан в докладе на пленуме Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета[2] особо подчеркивал, что опубликованный «Проект фонетического алфавита» отнюдь не равнозначен «Проекту фонетического письма». Новый фонетический алфавит (как и чжуиньцзыму) является пока лишь системой знаков фонетической транскрипции и предназначается прежде всего для указания чтения иероглифов, с тем чтобы облегчить преподавание и изучение китайской иероглифической письменности. Предполагается, что для указания чтения иероглифов буквы будут печататься рядом с иероглифами. Фонетический алфавит будет широко использован для распространения литературного произношения, в словарях, в справочниках, при составлении телеграфных кодов, а также для широкого экспериментирования, имея в виду переход в будущем на фонетическое письмо.

Положительная черта нового алфавита (по сравнению с чжуиньцзыму) состоит в том, что для обозначения каждого звука используется отдельная буква. В чжуиньцзыму часто один знак представлял собой сочетание двух звуков. Это не всегда давало ясное представление о реальном звуковом составе слов и морфем (например, в слогах ㄙㄨㄟ, ㄩㄥ), а иногда приводило к неправильной оценке качества звуков, обозначаемых знаками чжуиньцзыму.

Следовало бы только пожелать, чтобы при разработке нового алфавита не упускался из виду фонологический принцип. В этой связи можно отметить, что введение особого знака для слогового гласного I в слогах 知, 詩 и других вряд ли оправдано, так как здесь мы имеем дело лишь с вариантом слоговой фонемы i. Использование в этих слогах буквы i вместо I не создает каких-либо недоразумений (zi, ẓi и другие).

Одна из особенностей чжуиньцзыму заключается в том, что в ней некоторые знаки (ㄧ, ㄨ, ㄩ) использовались для обозначения артикуляционно-акустически и фонологически разных звуков. Например, слоговая гласная фонема в 米(ㄇㄧ) и неслоговая полугласная фонема в 留(ㄌㄧㄡ) обозначались одним и тем же знаком. Такой прием обозначения звуков позволяет сократить число используемых знаков (букв), правда, за счет четкости выражения на письме реального звукового состава.

Этот недостаток полностью не устранен и в проекте нового алфавита. Здесь также в ряде случаев разные звуки (например, слоговая гласная фонема в 力 li и неслоговая полугласная фонема в 爱 ai) обозначаются одним и тем же знаком.

В новом алфавите отмечается и обратное явление, когда одна и та же фонема в одной и той же позиции обозначается по-разному (например, слоговая гласная фонема в 五 wu и в 母 mu). Надо сказать, что

[2] См. «Жэньминьжибао», 7 марта 1956.

чжуиньцзыму была лишена этого недостатка, затуманивающего реальный звуковой состав слов и морфем.

В новом алфавите до некоторой степени преодолен очень большой, по нашему мнению, основной, недостаток чжуиньцзыму, заключающийся в том, что чжуиньцзыму была рассчитана на транскрибирование не слова с любым числом слогов, а отдельного иероглифа, который, как известно, всегда соответствует одному слогу. Азбукой чжуиньцзыму сравнительно удобно пользоваться для записи звучания рядом с иероглифами, но она совершенно непригодна для самостоятельной записи текста вследствие того, что не дает возможности четко определить слоговые границы любого как односложного, так и многосложного китайского слова при слитном написании.

В самом деле, трудно определить, как читать следующую запись знаками чжуиньцзыму ㄕㄨㄤ

Можно считать, что здесь записан один слог, но вполне возможно, что два, или даже три слога ㄕ|ㄨㄤ, ㄕㄨ|ㄤ, ㄕ|ㄨ|ㄤ.

К сожалению, этот недостаток в некоторой степени сохранился и в проекте нового алфавита. Например, запись буквами нового алфавита xuar можно прочитать как один слог, но трудно возражать против утверждения, что эту запись следует читать как два слога: xu|ar. Таким же образом erduo можно читать либо как два слога: er|duo, либо как три слога: er|du|o; boxye можно читать как два слога: bo|xye, и как три слога: bo|xy|e.

Между тем ясно, что если на письме точно не определены слоговые границы, то трудно определить и морфемный состав и даже границы слова, так как в китайском языке существует прямое соотношение между слогом и наименьшей смысловой единицей — морфемой. Авторы «Проекта», чтобы избежать смешения слоговых границ, предлагают использовать диакритический знак ’ (апостроф), например, pi’au 皮襖 в отличие от piau 漂, а также дополнительные знаки j, w. Следует, однако, отметить, что использование знаков ’, j, w непосредственно не обусловлено звуковой системой языка и не связано с определенным качеством этих звуков. Вследствие этого обозначение слоговых границ при помощи знаков ’, j, w, нельзя признать удачным.

Что же можно предложить взамен?

В устной речи никто из говорящих не путает слоговых границ, так как их выделение опирается на артикуляционно-акустическое различие звуков. Нельзя ли в китайском языке обозначать слоговые границы на письме так же естественно, как и в устной речи, в соответствии с закономерностями произнесения звуков в речевом потоке?

Для решения этого вопроса большое значение имеет учение советского лингвиста Л. В. Щербы об артикуляционно-акустических условиях слогообразования. Л. В. Щерба, в частности, показал, что согласные в начале и в конце слога артикулируются по-разному. В начале слога они произносятся как сильноконечные, а в конце слога — как сильноначальные. Благодаря этому в устной речи слоговая граница выделяется совершенно четко.

Эта особенность артикуляции согласных обязательно должна учитываться при разработке фонетического алфавита китайского языка. В самом деле, если одна и та же согласная фонема (音位) встречается в начале и в конце слога, то произносится она в этих позициях все же по-разному. Эта особенность произношения согласных служит для различения слоговых границ. А если это так, то совершенно естественно при разработке алфавита каждую согласную (и полугласную) фонему в начале и в конце слога обозначать разными знаками, тогда слоговые границы будут



выделены на письме в соответствии с реальным произношением в устной рэчи.

Так, фонему n (ㄋ) в конце слога (в ㄢ, ㄣ) можно обозначить знаком ь. В результате будем иметь следующую систему записи соответствующих слов или морфем:

拿 na ㄋㄚ
安 aь ㄢ
南 naь ㄋㄢ
因難 kuь naь ㄎㄨㄣㄋㄢ

То же самое необходимо сделать и с фонемой ŋ (ㄫ). Обычно считается, что в пекинском произношении в начале слога этот звук отмечать не следует. Но если вводить его в алфавит, то не иначе, как обозначив в начале слога иным знаком, например ŋ, в отличие от конечнослогового ŋ (в ㄤ aŋ, ㄥ eŋ).

По нашему мнению, начальнослоговой согласный и конечнослоговой согласный в 儿 (兒 er) являются разными фонемами, и поэтому их нужно обозначать разными знаками. Но если все-таки было бы доказано, что эти звуки составляют одну фонему, все равно в начале и в конце слога ее нужно обозначать разными знаками. Можно предложить начальнослоговой согласный ㄖ обозначать знаком ʒ, а в конце слога оставить знак r. Например:

人 ʒeŋ
耳 er
人兒 ʒer

Полугласные также необходимо обозначать в начале и в конце слога по-разному. Например, известно, что полугласный ㄧ (介母ㄧ) и последний звук в слогах ai (ㄞ), ei (ㄟ) — одна и та же полугласная фонема в разных позициях. Эту фонему в позиции перед слоговым гласным можно обозначить знаком j, а после слогового гласного — знаком I. Оба эти знака должны отличаться от знака для слоговой фонемы I. Например:

衣 i ㄧ
牙 ja ㄧㄚ
下 xja ㄒㄧㄚ
愛 aI ㄞ
還 haI ㄏㄞ
厓 jaI ㄧㄞ
還要 xaI jaʊ ㄏㄞㄧㄠ

Следует также признать, что полугласный ㄨ (介母ㄨ) и последний звук в слогах au (ㄠ), ou (ㄡ) составляют одну и ту же полугласную фонему. Эту фонему в позиции перед слоговым гласным можно обозначить знаком w, а после слогового гласного — знаком ʊ. Оба знака должны отличаться от знака для слоговой фонемы u. Например:

五 w ㄨ
王 waŋ ㄨㄤ
黃 hwaŋ ㄏㄨㄤ
好 haʊ ㄏㄠ
漂 pjaʊ ㄆㄧㄠ
好碗 xaʊwaь ㄏㄠㄨㄢ

Полугласная фонема, обозначаемая в чжуиньцзыму знаком ㄩ (介母 ㄩ), не встречается в конце слога, а только перед слоговым гласным. Поэтому для ее обозначения достаточно одного знака, например ɥ, дополнительно к знаку для слогового у. Например:

院 ɥaњ ㄩㄢ
屈原 ɥɥaњ＜ㄩㄩㄢ

По нашему мнению, фонетический алфавит китайского языка, разработанный с учетом предлагаемых здесь принципов, дает следующие преимущества:

а) позволяет четко отграничивать слоги, а следовательно, и морфемы, в пределах любого слова, записанного слитно;

б) обеспечивает разработку алфавита на основе реальных особенностей произношения в китайском языке;

в) дает возможность наиболее естественным образом устанавливать звуковые соответствия между различными диалектами китайского языка.

В заключение нам хотелось бы сделать краткое замечание относительно предлагаемого в «Проекте» различения на письме ударения (輕音 и 重音) в словах 文字 wenzI и 蚊子 wenz

Как известно, фонемный состав 字 и 子 один и тот же, поэтому в данном случае вопрос идет не о звуках (фонемах), а о фонологической роли ударения и тональных различий в связи с морфологической структурой слова. Но это должно рассматриваться особо и не смешиваться с вопросом о фонемах. В данном конкретном случае написание wenz(蚊子), без знака для слогового гласного, кажется неудачным. Было бы целесообразнее иметь один особый знак, например ы, для слогового гласного в 子 (蚊子 weњzы) и в 的 (我的 wodы).

Вероятно целесообразнее писать слог ㄩㄥ так, как он произносится, т. е. juŋ.

Весь алфавит должен включать максимально 37 знаков:

1. Начальнослоговых согласных (22) b, p, m, f, d, t, n, l, g, k, γ(上海音„額"),h, ɥ, q, x, ʑ, ɕ, ʂ, ʒ, z, c, s.
2. Проходных полугласных (3) j, w, ɥ,
3. Слоговых гласных (7) a, o, e, i, u, y, ы
4. Конечнослоговых согласных и полугласных (5) њ, ŋ, r, I, ʊ.

Предлагаемую нами систему знаков фонетического алфавита в сопоставлении с чжуиньцзыму можно представить в следующем виде.

| | | | | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1. Начальнослоговые согласные | b | p | m | | f | | d | t | n | l |
| 子音 (輔音) | ㄅ | ㄆ | ㄇ | | ㄈ | | ㄉ | ㄊ | ㄋ | ㄌ |
| | g | k | γ | | | | h | ɥ | q | x |
| | ㄍ | ㄎ | ㄫ | (上海音"額") | | | ㄏ | ㄐ | ㄑ | ㄒ |
| | ʑ | ɕ | ʂ | | | | ʒ | z | c | s |
| | ㄓ | ㄔ | ㄕ | | | | ㄖ | ㄗ | ㄘ | ㄙ |
| 2. Слоговые гласные | a | o | e | i | u | y | ы | 蚊子 | weњzы | |
| 母音 (元音) | ㄚ | ㄛ | ㄜ | ㄧ | ㄨ | ㄩ | | 我的 | wodы | |
| 3. Проходные полугласные | j | | w | ɥ | | | | | | |
| 半母音 (介母) | ㄧ | | ㄨ | ㄩ | | | | | | |
| 4. Конечнослоговые согласные и полугласные | њ | | ŋ | | I | | ʊ | | r | |
| 音節末尾 | ㄢ (aњ) | | ㄥ (eŋ) | | ㄞ (aI) | | ㄠ (aʊ) | | ㄦ (er) | |
| | ㄣ (eњ) | | ㄤ (aŋ) | | ㄟ (eI) | | ㄡ (oʊ) | | | |

# ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

## К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА С ИСКУССТВОМ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

*С. И. ХОДЖАШ*

Вопрос о связи искусства древнего Египта с искусством стран Передней Азии представляет большой интерес с точки зрения изучения культуры Египта и стран Передней Азии. Без всестороннего изучения данной проблемы многие черты египетского искусства остаются непонятными. Это касается не только памятников монументального искусства, но и предметов художественного ремесла, так как здесь влияние культуры одного народа на другой проявилось особенно ощутимо. Изделия ремесла постоянно вывозились в другие страны и таким образом оказывали влияние на искусство народов этих стран. Иногда влияние было настолько сильным, что теперь относительно некоторых предметов трудно установить, привезены ли они извне или созданы на месте, но под сильным воздействием чужеземных образцов.

Особенно трудно решить этот вопрос применительно к предметам, о месте происхождения и времени изготовления которых не сохранилось никаких сведений.

К сожалению, именно к таким безымянным памятникам относится деревянный сосуд из коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, инвентарный № 3634. Характер композиции этого сосуда позволяет поставить некоторые вопросы, касающиеся проблемы взаимосвязи искусства Египта и Передней Азии.

Сосуд сделан из дерева[1]. Он имеет кубкообразную форму и маленькое выступающее донышко. Сверху сосуд покрыт деревянной круглой плоской крышкой, прикрепленной при помощи шпенька, входящего в стенку сосуда (рис. 1, *а — в*).

Высота сосуда 18,5 см, диаметр основания 5 см, диаметр верха 8,9 см. Верхняя часть сосуда украшена рельефом, на котором изображены запряженная лошадью колесница со стоящим в ней мужчиной, охотник, пронзивший копьями двух львов, пасущаяся коза с ягненком и женский сфинкс. Над композицией помещен орнамент из лепестков лотоса.

---

[1] Анализом дерева, проведенным Институтом леса Академии наук СССР, порода леса точно не установлена, но, по заключению проф. В. Е. Вихрова,— это дерево, растущее в тропическом климате, возможно в Нубии.

На дереве имеются следы смолы. Происхождение их на сосуде непонятно. Предположение, что смола могла служить основой для покрытия сосуда металлом, маловероятно: во-первых, смоляные пятна расположены случайно, во-вторых, химический анализ состава смолы, произведенный в лаборатории Центральных реставрационных мастерских, не обнаружил в ней ни золота, ни какого-либо другого металла.

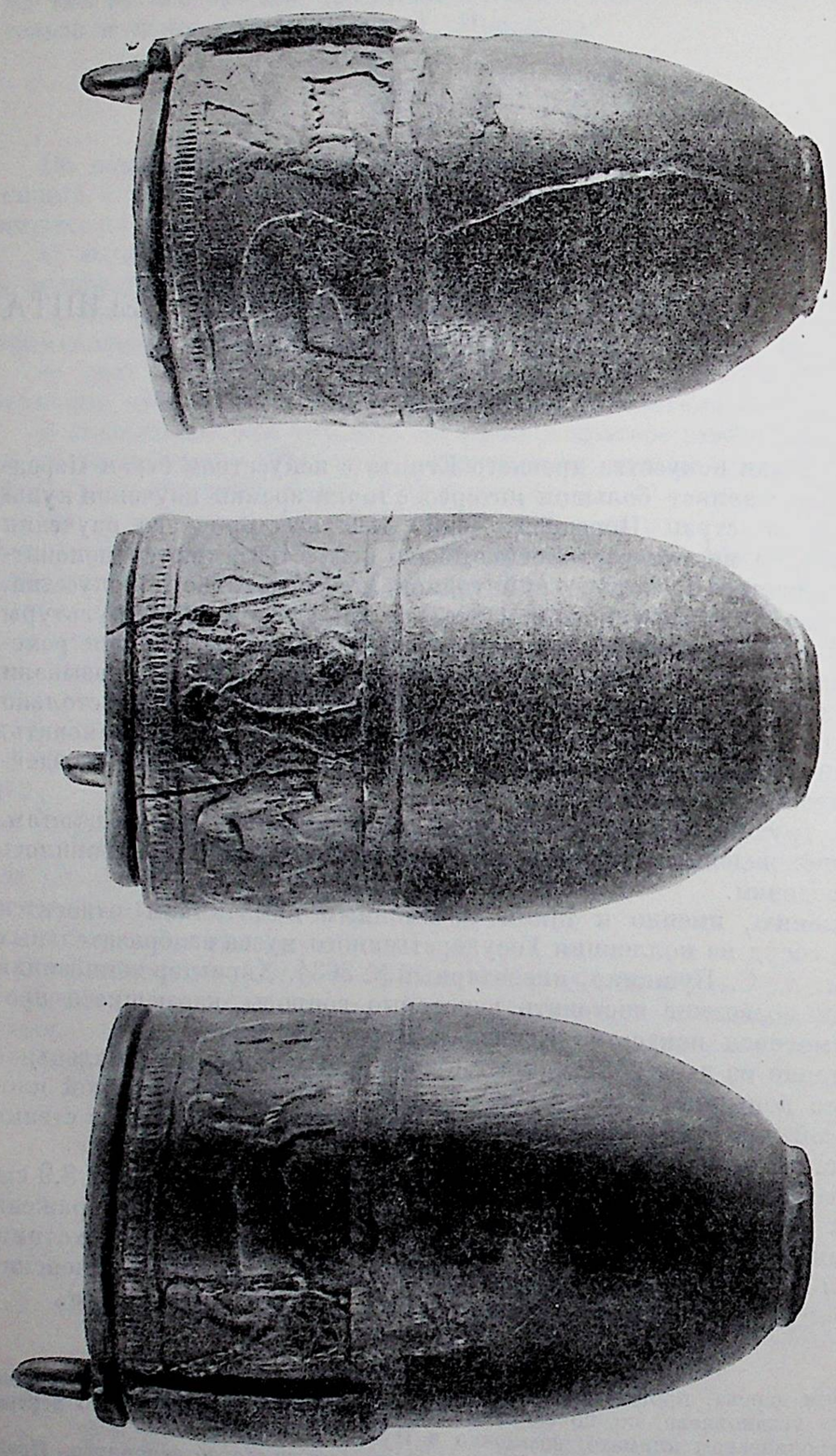

Рис. 1, а, б, в. Деревянный сосуд 3634 из Государственного музея изобразительных искусств

*а* *б* *в*



По своей форме, по изображенной на нем сцене этот памятник весьма своеобразен и не имеет аналогичных себе сосудов в Египте и Передней Азии. Необычная композиция, считавшаяся случайным набором не связанных между собой сюжетно фигур, вызывала сомнение в подлинности сосуда, и в течение длительного времени он хранился в запасе. Вместе с тем, судя по записям в картотеке, подлинность сосуда не вызывала сомнения у В. С. Голенищева, славящегося своим блестящим умением определять подлинность вещи. На карточке рукой Голенищева написано имя предыдущего владельца сосуда Гофмана[2], а также приведена ссылка на каталог коллекции. Каталог издан в Париже в 1895 г. в связи с распродажей коллекции. В нем помещены прорисовка сосуда и краткое описание, но ничего не сказано о месте и времени его покупки.

Высокую оценку сосуду дает и М. В. Никольский в своей докладной записке о необходимости приобретения коллекции В. С. Голенищева для московского музея.

Второе упоминание о сосуде находится в статье Биссинга[3], посвященной изучению египетских деревянных сосудов. Биссинг также дает описание изображения, но не пытается его истолковать. Он считает сосуд египетским, предположительно датирует его временем XVIII династии и выражает надежду, что будущие владельцы более детально изучат этот памятник.

В. Врещинский в своей статье об охоте на львов[4] в древнем Египте высказывает предположение, что сосуд может быть финикийского происхождения. Подобная противоречивость суждений о памятнике позволяет думать, что никто из названных авторов не располагал точными сведениями о месте и времени изготовления сосуда. Вот почему нам представляется, что только путем тщательного анализа каждого отдельного сюжета, изображенного на сосуде, можно получить более или менее удовлетворительный ответ на интересующий нас вопрос.

Выше было сказано, что композиция на сосуде не позволяет отнести ее к какой-нибудь определенной стране, поэтому при анализе изображения мы будем сравнивать сосуд как с памятниками искусства Египта, так и с памятниками искусства Передней Азии и Средиземноморья, чтобы таким образом установить место происхождения сосуда.

В начале композиции изображена колесница, запряженная одной лошадью, в кузове стоит мужчина. Изображение езды на колеснице, неизвестное в Древнем и Среднем царствах, впервые появилось в искусстве Нового царства в связи с распространением в Египте после завоевания его гиксосами, лошадей. Это изображение не сразу было освоено египетскими художниками. На ранних памятниках, датируемых временем Хатшепсут и Тутмоса I, лошади еще очень неуклюжие, длинные и коротконогие[5]. Лишь во времена Аменхотепа II египетские художники начинают постепенно осваивать непривычный для них образ. На гробнице верховного жреца заупокойного храма фараона Тутмоса III[6] сохранилась сцена охоты фараона Аменхотепа II. Фараон представлен стреляющим на всем скаку из лука. Мастер показывает здесь лошадей в быстром движении,

---

[2] *H. Hoffmann.* Collection H. Hoffmann. Paris, 1895, p. 84—85.

[3] *F. Bissing.* Stierfang auf einem aegyptischen Holzgefässe der XVIII Dynastie. «Deutsch. arch. Inst. Athenische Abt. Mitteilungen». Athen, 1898, Bd. 23, S. Kais. 242—266, Fig. 254.

[4] *W. Wreszinski.* Löwenjagd im alten Aegypten. «Morgenland. Darstellungen aus Geschichte und Kultur des Ostens», Bd. 23. Leipzig, 1932, S. 23.

[5] *М. Э. Матье.* Искусство Нового царства. Л., 1947, стр. 137.

[6] *N. Davies.* The work of the graphic. «Bulletin of the metropolitan museum of Art». New York, 1935, vol. XXX, part. II, p. 49, pl. 4.

пропорции их правильные. Две вздыбленные лошади изображены на знаменитом ларце Тутанхамона[7]. Подобные изображения стали затем каноном для всех последующих сцен войны и охоты на колесницах.

Храмы XIX—XX династий покрыты прекрасными рельефами, представляющими сцены охоты на колесницах. Фараон всегда изображался прямо стоящим, в спокойной, величественной позе, лошади показаны в быстром движении, их задние ноги едва касаются земли, а передние подняты высоко в воздухе. Этим сценам свойственна большая динамичность, выразительность, но вместе с тем нетрудно заметить, что композиции повторяют друг друга, что поза вздыбленной лошади превратилась в канон. Что же касается изображения на сосуде № 3634, то здесь мастер отходит от принятой схемы. Хотя лошадь показана в движении, ее передние ноги очень незначительно оторваны от земли, сама она небольших размеров, коренастая, с маленькой головой (лошади такой породы обычно, как можно судить на основании росписей на гробницах, использовались в сельском хозяйстве)[8]. Очень естественно передана поза возничего: он стоит, тело его наклонено вперед, правая рука держит вожжи (на изображении они не видны), левая рука поднята вверх. Возможно, что более естественная трактовка сцены на нашем сосуде объясняется социальным положением изображенного персонажа: он безусловно не принадлежал к царскому роду, о чем свидетельствует его простой костюм и колесница — массивная, лишенная каких бы то ни было украшений (царские колесницы обычно покрывались рельефами).

Довольно свободная композиция, знание пропорций лошади позволяют считать, что это изображение возникло во второй половине II тысячелетия, но от более точной датировки, из-за отсутствия дополнительных признаков, придется пока воздержаться.

Второй группой композиции является охотник со львами. Охотник, одетый в короткую одежду, с прической, украшенной пером, представлен в момент победы над двумя хищниками. Одного из них он пронзил копьем поперек туловища и поднял вверх, другого зверя, пронзенного копьем вдоль тела, охотник держит за хвост.

Изображение борьбы человека со львами известно по памятникам архаического Египта (на росписи из гробницы в Иеракомполисе[9] нарисован охотник, сражающийся с двумя нападающими на него львами; на ручке костяного ножа, датируемого концом IV тысячелетия, изображен человек в высокой шапке и длинной одежде, отталкивающий от себя двух львов), но в дальнейшем изображение сцены единоборства не встречается ни в Древнем, ни в Среднем царстве.

Наиболее ранние сцены единоборства относятся к первой половине XVIII династии: на фиванской гробнице времени Тутмоса III — Аменхотепа II нарисован фараон, пронзивший копьем льва[10].

На остраконе из гробницы Тутанхамона[11] изображен царь, вонзивший копье в пасть разъяренного зверя. На щите Тутанхамона изображен бог Амон, схвативший за хвост льва и занесший секиру над его головой[12].

Появление в египетском искусстве сцен единоборства человека со зверем было связано с тем, что в период Нового царства любимым развлечением египетских фараонов была охота на львов. От Аменхотепа III

[7] *H. Carter*. The tomb of Tut-Ankh-Amen. London, 1923, pl. LI.
[8] *J. H. Breasted*. Geschichte Aegyptens. Zürich, 1936, Fig. 264.
[9] *W. Wreszinski*. Указ. соч., табл. 1, рис. 2.
[10] *N. Davies*. Указ. соч., стр. 50, рис. 2.
[11] *W. Wreszinski*. Указ. соч., табл. 16, рис. 42.
[12] *H. Carter*. Указ. соч. 1933, т. III, табл. XLVII с.



сохранились надписи на скарабеях[13], в которых он с гордостью сообщает, что собственноручно убил 107 львов.

В отличие от вышеприведенных памятников искусства, где представлены сцены борьбы с одним зверем, на нашем сосуде показан момент победы над двумя хищниками. Подобная трактовка сюжета не характерна для Египта исторического периода, зато она была широко распространена

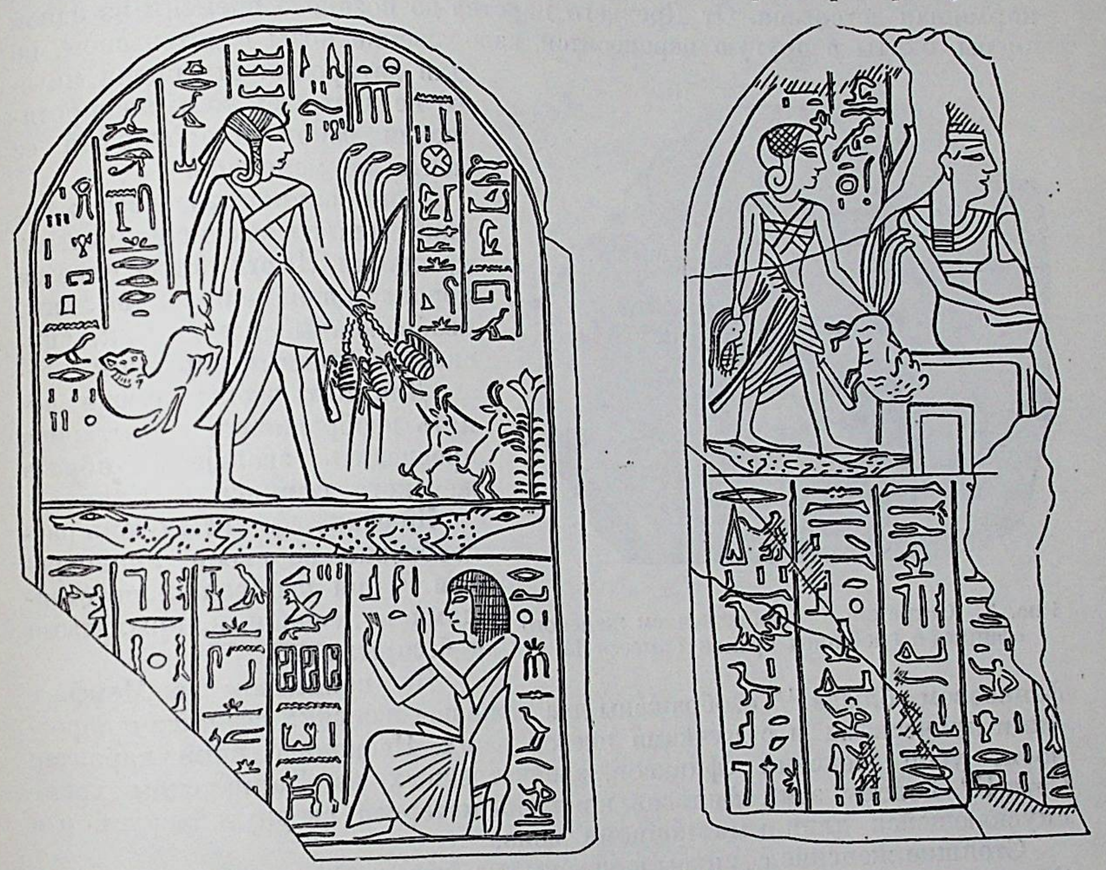

Рис. 2. Стелы из Дейр-эль-Медине

в искусстве Передней Азии; на шумерийских и аккадских цилиндрах-печатях часто встречается композиция, в центре которой стоит охотник, а по обе стороны от него расположены дикие звери[14]. От искусства Передней Азии II тысячелетия до н. э. дошло небольшое количество изображений борьбы охотника или гения с двумя зверями[15]. Этот пробел весьма затрудняет понимание эволюции интересующей нас сцены и не позволяет найти прототип изображения на сосуде 3634.

Единственной более или менее близкой аналогией могут служить египетские стелы времени Рамсеса III[16], найденные в Дейр-эль-Медине (рис. 2). На первой стеле изображен бог Гор; в одной руке он держит копье, которым пронзил льва (композиция, знакомая нам по переднеазиатским памятникам), в другой — скорпионов и змей и на привязи — козу.

[13] *W. Leer*, van. Ein leeuwinjacht scarabee van Amonhotep III. (Vooraziatisch-Egyptisch Gezelschap «Ex Oriente lux». Jaarbericht. Leiden, 1939, № 6, p. 278—280).
[14] *Н. Д. Флиттнер*. Охота и борьба с животным в искусстве Передней Азии и золотой перстень № 6652 Гос. Эрмитажа. Гос. Эрмитаж. «Труды отдела Востока», т. 3. Л., 1940, стр. 51.
[15] *G. Contenau*. Manuel d'archéologie orientale. vol. IV Paris, 1947, fig. 1218.
[16] *B. Bruyère*. Rapport sur les fouilles de Deir el Médineh (1935—1940). vol. III. Le Caire, 1952, fig. 18—19.

Коза щиплет кустарник (мотив, хорошо знакомый в искусстве Сирии). Таким образом, можно считать, что и это изображение и изображение на сосуде 3634 созданы под влиянием переднеазиатских образцов, но при переносе этих мотивов в другую среду они получили иную трактовку и иной смысл.

За охотником со львами на нашем сосуде помещена пасущаяся коза, кормящая детеныша. От Древнего царства до позднего времени из одной сцены охоты в другую переносится изображение козы с детенышем, но для датировки эта сцена ничего не дает, так как на протяжении веков иконография ее почти не менялась.

Рис. 3. Остракон с изображением женского сфинкса с гробницы времен Рамсеса IV

Композицию замыкает женский сфинкс с высоко поднятыми крыльями. На его голове имеется корона, с шеи на передние лапы, изображенные в виде рук, спускается длинный передник.

Для того чтобы лучше понять изображение, попытаемся проследить эволюцию образа женского сфинкса в Египте.

Женские сфинксы очень разнообразны по своей иконографии [17]: они изображались стоящими и лежащими, крылатыми и бескрылыми.

На найденном в Мемфисе фаянсовом блюде [18] изображены два лежащих женских сфинкса с короткими прическами и с пучками цветов в них. Несколько иной характер носит убор женских сфинксов, запечатленных на Карнакском храме Сети I [19]. Головы этих сфинксов повязаны материей, свернутой валиком и спускающейся длинными концами вниз.

Стоящие женские сфинксы высечены на храме Седеинга в Нубии [20]. Сфинксы расположены по обе стороны изображения богини Хатор. Возле них помещен картуш царицы Тии. Головы сфинксов украшены высокими коронами. Шеи повязаны лентами. Оба сфинкса лишены крыльев. Крылатый стоящий сфинкс нарисован на остраконе из гробницы Бибан-эль-Молюк времени Рамсеса IV [21]. Голова сфинкса покрыта сложным убором, состоящим из короны, поверх которой положена материя с воткнутыми в нее растениями. Этот сфинкс по своей иконографии является наиболее близкой аналогией сфинксу сосуда 3634.

Наряду с Египтом образ женского сфинкса был известен и в других странах древнего Востока. Два женских сфинкса фланкируют вход в хеттскую крепость Эюк [22]. Сфинксы стоят, головы их покрыты клавтами, ниспадающими на плечи закрученными концами. Эти величественные фи-

[17] *J. Leibovitch.* Quelques éléments de la décoration égyptienne sous le nouvel empire. «Bulletin de l'Institut d'Egypte», 1943, t. XXV, p. 245—267; 1947, t. XXVIII. p. 167—183.
[18] *Fl. Petrie.* The excavations of Memphis. London, 1911 pl. XV fig. 37.
[19] «Prisse d'Avennes Histoire de l'art egyptien», t. II. Paris, 1879, pl. 97, 98.
[20] *R. Lepsius.* Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien. Bd. III, Taf. 82.
[21] *G. Daressy.* Ostraca. Le Caire, 1901, pl. XVIII.
[22] *Th. Mureidy-Bey.* La porte des sphinx á Eykk. «Mitteilung der Vorderasiatischen Gesellschaft». Berlin, 1908, Jahrg. 13, S. 3, Z. I.



гуры, напоминающие египетских сфинксов, возникли под их влиянием. Оживленные торговые связи, установившиеся между хеттским государством и Египтом во второй половине II тысячелетия, способствовали культурному сближению этих стран. Но в то же время понимание образа сфинкса у хеттов и египтян различное. Египетское искусство не знало монументального воплощения женского сфинкса. Все известные нам женские сфинксы из Египта, изображенные либо на памятниках художественного ремесла, либо служившие архитектурными украшениями, очень декоративны и женственны, в то время как хеттские сфинксы величественны и монументальны; они выполняют функции охранителей входа и этим сближаются с переднеазиатским Шеду.

Египетское воздействие заметно и на сирийских женских сфинксах. Выгравированные на золотом блюде из Рас-Шамры [23] крылатые сфинксы, одетые в короткие передники и клавты, напоминают сфинксов, изображавшихся на тронах фараонов.

К несколько иному типу, но также испытавшему влияние египетского искусства, принадлежат вырезанные на слоновой кости сфинксы, происходящие из Аслан-Таш (Северная Сирия)[24]. Образ женского сфинкса был хорошо известен и финикийскому культурному кругу. На саркофаге Ахерама [25] из Библа изображен царь, сидящий на троне, украшенном крылатым женским сфинксом; крылья сфинкса высоко подняты, на голове — повязка, покрывающая уши. Аналогичного сфинкса можно видеть на троне царя, изображенного на пластинке из слоновой кости, найденной в Мегиддо (Палестина) [26]. Очень интересные женские сфинксы в головных уборах, украшенных рогами, помещены на рельефах дворца Тэль-Халафа [27] (Митанни). Женские сфинксы хорошо известны по памятникам, происходящим из Немруда (Ассирия), Сакыза (государство Манна), Топрак-Кале (Урарту) [28].

Особенно большую популярность получил этот образ в искусстве Средиземноморья; замечательный женский сфинкс имеется на стене Кносского дворца [29]. Сфинкс представлен в спокойной позе, передние лапы протянуты вперед, высоко поднятые крылья богато орнаментированы. На голове его надет тюрбан с огромным пером, волосы в виде локонов спадают на плечи.

Женский сфинкс, широко распространенный в эгейском искусстве, проникает затем в искусство древней Греции и на Черноморское побережье. Распространение изображения женского сфинкса в искусстве Египта и в искусстве стран Передней Азии и Средиземноморья свидетельствует о том, что в различных странах и в разные периоды этот образ имел свою специфическую иконографию и символический смысл. Но, к сожалению, эта сторона вопроса пока разработана недостаточно. Неизвестны ни символическое значение женского сфинкса, ни мифы, связанные с ним. Поэтому о причинах изображения этого персонажа в композиции на нашем сосуде можно говорить только предположительно. Вероятно, интересующий нас образ женского сфинкса в виде крылатой львицы с отвисшими сосками был связан с плодородием. В пользу такого понимания образа говорит наличие у большинства женских сфинксов головного убора из растений — признака плодородия.

[23] *C. Schaeffer.* Les Fouilles de Ras-Shamra, Syria, vol. XV. Paris, 1934, pl. XV.
[24] *M. Dunand.* Arslan-Tash. Paris, 1931, pl. XXXI.
[25] *P. Montet.* Byblos et l'Egypte. Paris, 1929, pl. CXXXI.
[26] *G. Loud.* The Megiddo Ivaries. Chicago, 1939.
[27] *F. Oppenheim.* Der Tell Halaf. Leipzig, 1931, Tb. 348.
[28] *Б. Пиотровский.* История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 225, рис. 67.
[29] *A. Evans.* The palace of Minos at Knossos, vol. II, part II. London, 1928, fig. 506.

Вместе с тем изображение женского сфинкса часто встречается в сценах охоты. Мы уже видели его на золотом блюде из Рас-Шамры[30], на финикийском сосуде[31], на тунике Тутанхамона[32]. Последнее изображение по своей трактовке образа наиболее близко к изображению на сосуде из Государственного музея изобразительных искусств. Крылатые женские сфинксы, вытканные на тунике, спокойно лежат по бокам священного древа, молитвенно простирая руки, в то время как возле них идет жестокая борьба: собаки преследуют львов, грифоны рвут упавшую лань (рис. 4). Участие грифона в охоте понятно, так как, по представлению

Рис. 4. Фрагмент туники Тутанхамона

египтян, это мифологическое существо было связано с охотой. Грифон, изображенный в сцене охоты на гробнице в Бени-Хасане, называется tš-tš[33], что значит «крошить», «рвать на части». Столь же воинственный характер присущ некоторым сфинксам, поэтому становится понятным присутствие сфинкса в сценах охоты и войны. Но у женского сфинкса была еще функция, связанная с плодородием, и здесь он также может быть сближен с грифоном: на гробнице в Бени-Хасане[34] сохранилось изображение грифона в виде львицы с птичьим клювом, ее крылья опущены, хвост заканчивается цветком лотоса, на животе показаны соски. Повидимому, женский сфинкс наделен был аналогичными функциями, т. е. был связан с охотой и плодородием. Таким образом, становится понятным наличие женского сфинкса в композиции на сосуде 3634.

Все это позволяет считать, что помещенные на нашем сосуде персонажи выбраны не случайно, а изображают охоту на львов. В охоте принимает участие, наряду с едущим в колеснице, пеший охотник. Действие происходит в пустыне. Об этом говорит изображение пасущейся козы. Здесь же присутствует крылатый женский сфинкс. Изображение охоты на львов известно в Египте со времени первых династий[35]. В более ранний период охота трактовалась как сцена единоборства. Для Древнего и Среднего царства[36] характерно изображение охотника, стоящего сбоку композиции и стреляющего из лука в убегающих зверей.

В период Нового царства, наряду с изображением пешей охоты, получило большое распространение изображение охоты на колеснице.

На замечательном ларце Тутанхамона[37] нарисован стоящий в колеснице фараон, стреляющий на полном скаку в львов; одни из них уже

[30] *C. Schaeffer.* Указ. соч., табл. XV.
[31] *G. Contenau.* La civilisation Phénicienne. Paris, 1949, p. 150. fig. 34.
[32] *G. Growfoot* and *N. Davies.* The tunic of Tutankhamum. «The Journal of Egyptian Archaeology». London, 1941, vol. 27, pl. XX.
[33] *F. L. Griffith, E. Newberry.* El Bersheh. London, pl. XVI.
[34] *E. Newberry.* Beni Hasan, vol. IV. London, 1894, pl. XVI.
[35] *W. Wreszinski.* Указ. соч., табл. II, фиг. 3, 5.
[36] *М. Э. Матье.* Искусство Среднего царства. Л., 1941, стр. 46—55.
[37] *G. Carter.* Указ. соч., т. I, табл. XLI.



убиты, другие смертельно ранены, третьи пытаются спастись бегством. За фараоном следуют пешком его слуги и приближенные на колесницах.

Несколько иначе передана охота на львов в рельефе на храме Рамсеса III в Мединет-Абу[38]. Здесь фараон изображен поражающим копьем льва, нападающего на колесницу. В остальном установившаяся в Египте схема композиции охоты с помещенной в центре фигурой стоящего в колеснице фараона остается прежней.

Каково же решение этого сюжета в искусстве Передней Азии? К сожалению, недостаточное количество сохранившихся памятников переднеазиатского искусства с изображениями львиной охоты не позволяет полностью проследить развитие этой темы.

Наиболее интересным образцом может служить рельеф на ортостатах дворца Капара в Тель-Халафе[39] (Северная Месопотамия, область распространения метаннийской культуры). Там высечена запряженная лошадью колесница, в которой стоят стреляющий из лука охотник и возничий. Фигуры людей, имеющие короткое туловище и большую голову, приземисты, фигура лошади непропорциональна, всему изображению свойственна некоторая примитивность и грубость. Так же трактована львиная охота на хеттском рельефе из Малатия[40], где, несмотря на некоторые правильно подмеченные и живо переданные детали (собака, убегающий раненый лев, внезапно поднявшийся на задние лапы и с ревом повернувшийся в сторону охотника), композиция остается статичной.

Сцена охоты на львов изображена на рельефах Ассурназирпала I, датируемых приблизительно 1050 г. до н. э.[41].

Рассмотрение ряда памятников с изображением сцены охоты свидетельствует о том, что во второй половине II тысячелетия изображение охоты на колеснице получило широкое распространение как в искусстве Египта, так и в искусстве стран Передней Азии[42].

Своеобразие композиции на сосуде 3634 заключается в том, что сцена охоты на колеснице соединена с изображением пешего охотника, пронзившего двух львов. Подобное оригинальное решение темы очень интересно для древневосточного искусства, в котором канон и традиции играли в большинстве случаев решающую роль.

Для завершения анализа сцены, изображенной на сосуде 3634, необходимо остановиться на орнаменте из лепестков лотоса, идущем по верху сосуда.

Орнамент из лепестков лотоса был широко распространен в Египте в период XVIII династии[43], особенно в период Амарны[44]. Сосуды, предметы туалета, мебель украшались этим орнаментом. Лепестки лотоса на амарнских памятниках выполнены очень естественно.

Во время Рамессидов орнамент из лепестков лотоса уже не изображается как гирлянда живых цветов, а становится условным и геометризированным[45]. Условно и стилизовано переданы лепестки лотоса и на сосуде 3634, что свидетельствует об их позднем происхождении.

Характер рассмотренной композиции в целом и отдельных ее элементов (в частности, женского сфинкса, ближайшей аналогией которому является сфинкс на остраконе из гробницы времени Рамсеса IV, и лепесткового ор-

[38] *L. Curtius.* Die Antike Kunst. Berlin, 1913, Fig. 152.
[39] *A. Mortgat.* Bilderwerk und Volkstum. «Vorderasien zur Hotiterzeit». Leipzig, 1934, S. 32, Fig. 89.
[40] *L. Delaport.* Mémoires de l'Institut Francais d'archéologie de Stamboul Malatya. Paris, 1940, p. XXXII.
[41] *A. Mortgat.* Die bildende Kunst des alten Orients, T. XXVII—XXIX.
[42] *Н. Д. Флиттнер.* Указ. соч., стр. 57.
[43] *E. Schiaparelli.* Le tomba della architetto Cha. Milano, 1927, p. 141.
[44] *E. Peet* and *L. Woolley.* The city of Akhenaten, part. I. London, 1923, pl. 64, p. 2.
[45] *Fr. W. Bissing.* Fayencegefässe. Viene, 1909, No. 3795, S. 61.

намента, приближающегося по форме к орнаменту на предметах периода Рамессидов), наконец, некоторая графичность изображения, характерная для искусства XX—XXI династии, дает основание считать, что памятник был создан не ранее последней четверти II тысячелетия до н. э.

Остается невыясненным, где был сделан сосуд.

Фризообразная композиция, характерная для египетского искусства, манера изображения фигур на плоскости, иконография женского сфинкса, наконец, известный только в Египте орнамент из лепестков лотоса позволяют предположить, что памятник был создан в Египте[46]. Вместе с тем, как свидетельствует центральная группа охотника со львами, мастер использовал отдельные образцы искусства Передней Азии, по-своему осмыслив их.

К периоду Рамессидов относится второе после XVIII династии тесное сближение культуры Египта и стран Передней Азии. Раскопки в Финикии, Палестине и Сирии дали обильный материал, говорящий об экономическом и культурном обмене между этими странами.

Замечательная слоновая кость из Мегиддо[47], имеющая свои ярко выраженные художественные особенности, в то же время свидетельствует о сильном воздействии мифологии и искусства Египта. На саркофаге Ахерама из Библа также видно влияние египетских образцов. Раскопки в Угарите[48], особенно последних двух лет[49], открыли замечательные, судя по описанию, памятники резной кости, несущие на себе следы египетского искусства. Даже, когда политический авторитет Египта во время Рамсеса XII ослаб, правитель Библа вынужден был признать, как об этом свидетельствует папирус Уну-Амона[50], что мастерства (искусства и ремесла) вышли из земли египетской.

Искусство Египта также испытывало сильное воздействие соседних с ним стран, об этом свидетельствуют как подлинные предметы, так и изображения их на стенах гробниц. Что касается нашего сосуда, то он мог быть сделан где-нибудь на севере Египта, связь с Передней Азией которого была особенно сильной.

---

[46] Не исключена мысль о переднеазиатском происхождении мастера, создавшего сосуд, так как известно, что в Египте во второй половине II тысячелетия жили ремесленники-чужеземцы.

[47] *G. Loud.* Указ. соч., табл. III.

[48] *C. Schaeffer.* Указ. соч., стр. 105—131.

[49] «Archeologya», 1954, March.

[50] «Хрестоматия по истории древнего мира. Древний Восток», т. I. Под. ред. В. В. Струве. М., 1950, стр. 117.

# СООБЩЕНИЯ

## ЕГИПЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА НА ПУТИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

*М. Ф. ГАТАУЛЛИН и М. В. МАЛЮКОВСКИЙ*

В результате длительной борьбы египетского народа против иностранных угнетателей, превративших эту страну в свою полуколонию, Египет стал независимой республикой.

После второй мировой войны, в условиях начавшегося распада колониальной системы империализма, под непосредственным воздействием общего мощного подъема борьбы народов Азии и Африки против колониализма национально-освободительная борьба египетского народа поднялась на новую, более высокую ступень. Неудачи египетских войск во время вооруженного конфликта в Палестине (1948 г.) обнаружили всю глубину разложения и продажности бюрократического аппарата монархии и усилили антиимпериалистические, антифеодальные и антимонархические чувства египетского народа. Народ стал понимать, что значительную долю ответственности за то, что страна находилась на положении полуколонии, несут монархия и египетские феодальные круги. Участились забастовки, широко развернулось движение за мир, за освобождение страны от иностранного гнета. В октябре 1951 г. под давлением народа правительство Египта было вынуждено отвергнуть предложение империалистических держав принять участие в агрессивном блоке «Средневосточное командование», а вслед за этим расторгло кабальный договор 1936 г. и конвенцию 1899 г. об англо-египетском кондоминиуме в Судане, навязанные колонизаторами. В ответ на это английские империалисты начали колониальную войну, используя против египетского народа парашютные десанты и танки.

Агрессивные действия колонизаторов вызвали всенародное движение. 13 ноября 1951 г. на улицы Александрии вышло свыше 200 тыс. человек. В демонстрации в Каире 14 ноября участвовало более миллиона человек. Демонстранты требовали вывода иностранных войск из Египта, установления прочного мира, развития дружественных отношений с СССР и странами народной демократии. В первой половине 1952 г. в этом движении, которое приобрело ярко выраженный антиимпериалистический и антифеодальный характер, приняли участие самые широкие слои египетского народа — рабочие и феллахи, прогрессивно настроенная интеллигенция и представители национальной буржуазии. Возникшие в Египте комитеты феллахов выдвинули требование раздела помещичьих земель.

Король Фарук и его правительство не оказали поддержки борьбе народа против интервентов, более того, они всячески препятствовали росту антиимпериалистического движения в стране. В этой обстановке в ночь на 23 июля 1952 г. группа офицеров египетской армии во главе с Гамаль Абд-аль-Нáсером свергла короля Фарука. Вся власть перешла в руки Руководящего революционного совета. 18 июня 1953 г. Египет был провозглашен республикой.

Руководители молодой республики поставили перед собой цель уничтожить иностранное господство в Египте, ликвидировать старые феодальные институты и создать

независимое национальное государство. Стремясь к этой цели, новое правительство Египта начало переговоры с Англией, которые завершились 19 октября 1954 г. подписанием соглашения об эвакуации в течение 20 месяцев английских войск из зоны Суэцкого канала. 13 июля 1956 г. последний английский солдат покинул египетскую землю.

Республиканское правительство Египта решительно выступает против колониализма. Премьер-министр Абд-аль-Насер был одним из активных участников Бандунгской конференции. Египет в своей внешней политике руководствуется пятью принципами мирного сосуществования стран, одобренными этой конференцией. Вместе с Сирийской республикой Египет идет в авангарде арабских стран, борющихся против Багдадского пакта, за независимость, за мирное разрешение спорных международных проблем.

* * *

Важнейшей задачей, вставшей перед египетским народом после свержения монархии и провозглашения республики, является завоевание экономической независимости путем уничтожения остатков колониализма и пережитков феодализма, подъем сельскохозяйственного производства и создание современной национальной промышленности.

Семидесятилетнее хозяйничание английских колонизаторов оставило молодой Египетской Республике тяжелое наследство.

Египет — аграрная страна. Продукция сельского хозяйства составляет около 95% экспорта страны. Производством монокультуры — хлопчатника — занято 70—75% сельскохозяйственного населения.

До принятия в 1952 г. закона о земельной реформе более 50% всех возделываемых земель Египта принадлежало 12 тыс. помещикам. Кроме того, значительные земельные массивы принадлежали иностранным компаниям (7% обрабатываемой площади), а также религиозным учреждениям. Многомиллионное египетское крестьянство владело всего лишь 35% возделываемых земель. Подавляющее большинство крестьян было безземельными и малоземельными. Основной формой крестьянского землепользования являлась аренда земли у государства, помещиков, иностранных компаний, религиозных учреждений и деревенских богатеев. Арендная плата нередко поглощала до 80% урожая крестьянина, а из оставшейся части он должен был выплачивать ростовщические проценты по долгам. Жестокая феодально-помещичья и империалистическая эксплуатация и вызванный ею упадок сельского хозяйства создали невыносимые условия жизни крестьянства в монархическом полуколониальном Египте.

За 1905—1952 гг. площадь обрабатываемых земель была расширена с 5220 тыс. до 5959 тыс. федданов [1], т. е. всего на 14%. За этот же период число крестьянских хозяйств увеличилось с 1073 тыс. до 2770 тыс., т. е. более чем в два с половиной раза, а средний размер участка крестьянского хозяйства сократился с 2,8 до 1,7 феддана. С другой стороны, в 1952 г. насчитывалось 2 тыс. крупных земельных собственников, владевших в среднем по 607 федданов, и 22 иностранные компании, которые имели в среднем по 8 тыс. федданов [2].

Король Фарук владел земельной площадью в 28 тыс. федданов и получал доход с 126 тыс. федданов вакфных земель, а также от зданий в центре Каира. Принц Юсеф-Камаль владел 16 тыс. федданов обрабатываемых земель, принц Мухаммед Али — 7 тыс. федданов, Сами Аль-Бадрави — 18 тыс. федданов. Эти крупные землевладельцы проматывали в один вечер столько денег, сколько хватило бы на жизнь их феллахам в течение года [3].

---

[1] Феддан равен 0,42 га.

[2] «Journal du commerce et de la marine», 22 апреля 1953 г.

[3] *А. Айру.* Феллахи Египта. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, стр. 36.



Согласно данным Министерства сельского хозяйства, в июне 1950 г. заработок феллаха-поденщика в имениях крупных землевладельцев составлял 8—15 пиастров, в то время как пачка сигарет низшего сорта стоила 3—5 пиастров, ротль (449 граммов) баранины — 15 пиастров [4]. Законопроект, предусматривающий увеличение заработной платы сельскохозяйственных рабочих до 20 пиастров, в 1951 г. был отвергнут египетским парламентом [5].

Требование аграрной реформы стало одним из основных лозунгов национально-освободительного движения. Поэтому после свержения короля Фарука, в сентябре 1952 г. новое египетское правительство приняло «Закон об ограничении землевладения и упорядочении арендных отношений» [6]. Согласно закону, размер арендной платы не должен превышать 17,5 е. ф. с феддана, или же 50% урожая, а максимальный размер земельного владения установлен в 200 федданов. Кроме того, землевладелец имеет право распределить между своими сыновьями еще до 100 федданов своей земли [7]. Земля сверх установленной законом нормы подлежит изъятию в течение пятилетнего срока. Однако закон предоставляет право крупным землевладельцам в течение этого же времени продавать земельные излишки отдельными участками до 5 федданов крестьянам, имеющим не более 10 федданов. Земли акционерных обществ (преимущественно иностранных), а также земли религиозных учреждений изъятию не подлежат.

В законе предусматривается, что изъятые земли подлежат распределению в течение пяти лет среди безземельных, а также малоземельных крестьян, владеющих участками размером менее 5 федданов. Крестьянин, получивший землю, должен выплатить сумму, равную компенсации, выплачиваемой государством помещику, а также основные расходы, связанные с проведением аграрной реформы, всего приблизительно 230 е. ф. за феддан [8]. Выкуп за землю крестьяне обязаны выплатить в течение тридцати лет равными взносами.

Закон предусматривает создание в деревнях сельскохозяйственных кооперативов крестьян, получивших земли по данному закону. Назначение кооперативов — помощь его членам в приобретении сортовых семян, удобрений, племенного скота, сельскохозяйственных машин, организация борьбы против сельскохозяйственных вредителей. Но главная задача кооперативов состоит в получении и распределении сельскохозяйственного кредита, в ведении расчетов по платежам за распределенные земли.

Кроме того, закон обеспечивает некоторое повышение заработной платы сельскохозяйственным рабочим и предоставляет им право организации в профсоюзы, находящиеся под контролем правительства.

К январю 1956 г. у крупных помещиков было изъято 323 тыс. федданов, из которых около 261 тыс. уже было распределено среди 38 тыс. крестьянских хозяйств. Кроме того, 145 тыс. федданов земли было продано крестьянам самими помещиками [9]. Общая сумма арендной платы, вносимой земледельцами, по данным Министерства сельского хозяйства, сократилась на 40 млн. е. ф. [10].

Намеченная египетским правительством программа изъятия у помещиков земельных излишков (в общей сложности около 560 тыс. федданов), по заявлению члена Комитета по проведению аграрной реформы, будет выполнена в текущем году.

---

[4] *А. Айру.* Указ. соч., стр. 70, 117.

[5] Там же, стр. 70.

[6] «Аль-Ахрам», 10 сентября 1952 г.

[7] В условиях Египта 200—300 федданов являются крупным владением, ибо ежегодно удобряемая наносами нильского ила земля дает возможность снимать два-три урожая в год.

[8] «Аль-Ахрам», 6 марта 1956 г.

[9] «Аль-Ахрам», 16 января 1956 г.

[10] Там же.

т. е. досрочно на один год [11]. После завершения этой реформы около 150 тыс. крестьянских семей получат примерно 10% возделываемых в стране земель.

Другим важным мероприятием египетского правительства в области сельского хозяйства является освоение новых земель. Почти все 23 млн. населения страны сосредоточены в долине Нила на площади 32 тыс. км², т. е. на 3% территории республики; остальная часть Египта представляет собой необитаемую, выжженную солнцем пустыню и полупустыню.

В 1953 г. на северо-западе Египта образована новая провинция Тахрир. В этой провинции намечается освоить и оросить в течение пятнадцати лет 1,2 млн. федданов земли, что на 20% увеличит обрабатываемые земли Египта. Освоенные земли предполагается роздать малоземельным и безземельным феллахам, переселяемым в эту провинцию [12]. В октябре 1955 г. первая группа переселенцев прибыла в провинцию Тахрир.

По заявлению Насера, в освоении новых земель участвует Министерство вакфов. К середине 1955 г. им было поднято 2800 федданов и намечено в ближайшие годы освоить еще 10 тыс. федданов невозделываемых земель в районе Тель-аль-Кебира.

Кроме того, ввод в строй электростанции на базе существующей Асуанской плотины и строительство выше Асуана новой плотины дадут возможность оросить значительные земельные массивы. В течение четырех лет предполагается также освоить 250 тыс. федданов земли в районе Суэцкого канала. На расширение возделываемых площадей и на ирригационное дело с середины 1952 г. до середины 1955 г. египетское правительство ассигновало 13 млн. е. ф.

Все эти мероприятия, в особенности освоение земель в провинции Тахрир, позволят наделить землей 600—700 тыс. крестьянских семей, которые, как предполагается, в течение пятнадцати лет заселят осваиваемые земли в этой провинции и в других районах страны. Эти мероприятия, несомненно, улучшат положение крестьянства, но не решат полностью земельного вопроса в стране, где до начала проведения аграрной реформы было свыше 2 млн. безземельных и малоземельных крестьянских семей.

До провозглашения Египта республикой почти ничего не делалось для облегчения положения крестьян[13]. Поэтому проведение указанных мероприятий, в особенности земельной реформы, является серьезным шагом по пути экономического прогресса страны. Оно создает перспективы для подъема производительных сил в сельском хозяйстве Египта. Так, согласно заявлению Насера, на землях, ранее принадлежавших помещикам, а ныне розданных феллахам, урожайность повысилась на 15% [14].

Узкая специализация сельскохозяйственного производства еще более усугубляла зависимость благосостояния страны от внешнего рынка. Эта зависимость использовалась империалистическими державами для нажима на Египет и подчинения его внутренней и внешней политики чужеземному диктату. Непрерывное расширение посевов под хлопчатником привело к тому, что посевные площади под зерновыми сократились ниже допустимого минимума. Египет, из страны, ранее вывозившей продукты питания, превратился в импортера зерна. Так, до 1952 г. Египет ежегодно ввозил до 1 млн. тонн пшеницы; он ввозил также сахар и другие продукты питания, расходуя на это дефицитную валюту.

Сельскохозяйственные мероприятия республиканского правительства направлены на ликвидацию узкой специализации сельского хозяйства и на создание в стране собственной продовольственной базы с расчетом на прекращение ввоза продовольственных товаров. С этой целью с 1953 г. правительство Египта осуществляет ряд мероприятий: расширяются посевные площади под зерновыми культурами, вводятся высокоурожайные сорта возделываемых культур, увеличивается ввоз, а также отечественное производство сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений.

[11] «Аль-Ахрам», 23 июля и 20 августа 1955 г.
[12] «The Egyptian revolution in three years, 1952—1955». Cairo, 1955, p. 28—31.
[13] *А. Айру*. Указ. соч., стр. 45.
[14] «Аль-Ахрам», 23 июля 1955 г.



Тракторный парк Египта к 1956 г. значительно увеличился и достиг 15 тыс. С целью существенного увеличения сборов зерна Министерство сельского хозяйства распределило в 1953 г. 269 тыс. ардебов [15], а в 1954 г. 411 тыс. ардебов семян высокоурожайных сортов пшеницы. В 1955 г. для распределения было заготовлено 800 тыс. ардебов.

Министерство сельского хозяйства распределяет семена нового сорта риса, урожайность которого на 20% выше урожайности обычных сортов. В 1954 г. высокоурожайными сортами риса было засеяно 105 тыс., а в 1955 г.— 406 тыс. федданов, т. е. более чем $^2/_3$ посевных площадей под этой культурой.

За период с 1952 г. по 1955 г. посевные площади под зерновыми культурами увеличились на 16%. В октябре 1955 г. Совет министров Республики принял постановление, по которому минимум посевных площадей под пшеницу определен в 33% ко всей площади посевов (против 26% в 1954—1955 гг.), а максимум площадей под хлопчатником установлен в 34% (против 30% в 1954—1955 гг.).

Эти мероприятия молодой Египетской Республики привели к значительному росту сельскохозяйственного производства. В 1954 г. индекс производства сельскохозяйственных продуктов на 10% превышал средний индекс за 1948—1952 гг. Урожайность пшеницы поднялась на 25%, риса — на 16%, хлопка—на 10%. Количество производимого в стране продовольствия на душу населения возросло за этот период на 4%. В 1954 г. импорт продовольствия сократился на 75%. Высокий урожай пшеницы в Египте в 1953 и 1954 гг. позволил сократить расходы на импорт пшеницы до 2,5 млн. е. ф. в 1954 г. против 23 млн. е.ф. в среднем за 1948—1952 гг. [16].

В связи с улучшением перспектив сбыта египетского хлопка в 1955 г. посевные площади под хлопчатником расширились на 15% по сравнению с 1954 г. и достигли 760 тыс. га, а сбор хлопка составил 382 тыс. тонн (в 1953 г.—318 тыс. тонн)[17]. Посевные площади под пшеницей в том же году были на 7% ниже среднего уровня 1950—1952 гг., но благодаря повышению урожайности валовый сбор пшеницы в 1955 г. на 500 тыс. тонн, или на треть, превышал средние сборы за 1950—1952 гг. [18]. Однако в 1955 г. Египет не смог покрыть своих потребностей в пшенице, и правительство наметило ввезти около 360 тыс. тонн зерна [19].

Вместе с тем валовой сбор риса в Египте в 1955 г. составил 1268 тыс. тонн против 1118 тыс. тонн в 1954 г. и 500—650 тыс. тонн в 1951—1953 гг., т. е. за период 1951—1955 гг. производство этой культуры возросло более чем в два раза. Увеличение сбора риса в 1955 г. позволило не только покрыть внутренние потребности, но и создать значительные ресурсы для экспорта, которые оцениваются в 150 тыс. тонн [20].

В Египетской Республике значительно расширились посевные площади и сбор других важнейших культур — кукурузы, ячменя, бобовых, лука. В последние четыре года потребности в зерновых, за исключением пшеницы, в основном удовлетворяются за счет местного производства, и Египет, таким образом, освободился от необходимости импортировать их в значительных количествах. Убедительным свидетельством успехов республиканского правительства в укреплении продовольственной базы страны является уменьшение в 1955 г. доли зерновых в импорте Египта до 1% против 14% в 1953 г.

[15] Ардеб пшеницы равен 150 кг.
[16] «Аль-Ахрам», 20 сентября 1955 г.
[17] «The economic development in the Middle East 1954—1955», p. 31; «Economic bulletin. National Bank of Egypt», 1955, № 4, p. 314—315.
[18] «Аль-Ахрам», 22 сентября 1955 г.
[19] «Аль-Ахрам», 26 февраля 1956 г.
[20] «Аль-Ахрам», 29 января 1956 г.

* * *

Первые успехи достигнуты молодой республикой и в развитии национальной промышленности. Засилие иностранного капитала в экономике монархического Египта, господство феодальных пережитков, узость внутреннего рынка задерживали рост промышленности страны. Лишь в годы первой и особенно второй мировых войн ввиду ослабления иностранной конкуренции египетская национальная промышленность получила некоторое развитие. Однако иностранный капитал, сохранивший господство в египетской экономике, не допустил создания основы экономической независимости — тяжелой промышленности и прежде всего машиностроения. Относительно развиты были лишь некоторые отрасли легкой и пищевой промышленности. Добывающая промышленность в основном возникла только после второй мировой войны; однако она почти целиком находилась в руках иностранцев, а продукция ее шла на экспорт (фосфаты, марганцевая и хромовая руды и др.).

Характерной особенностью египетской промышленности, как и во всех колониальных и зависимых странах, были односторонность развития, низкий органический состав капитала и высокий удельный вес ручного труда. В 1952 г. капиталовложения в промышленность были в 10 раз меньше, чем в сельское хозяйство [21].

Египетская промышленность не могла удовлетворить потребности страны в промышленной продукции, и они в большей части покрывались путем ввоза, а машины, станки и все виды оборудования полностью поступали из-за границы. Отсюда возникала исключительная зависимость Египта от внешнего рынка и торговой политики империалистических держав. Поэтому важнейшей задачей, от разрешения которой зависит обеспечение полной самостоятельности молодой республики, является создание национальной промышленности, способной удовлетворить потребности страны в основных видах промышленных товаров.

Правительство Египетской Республики сразу же стало проводить политику, направленную на всемерное поощрение развития национальной промышленности. Были введены высокие протекционистские пошлины на ввоз товаров, производство которых уже освоено египетской промышленностью. Наряду с этим были отменены таможенные пошлины на ввоз ряда сырьевых товаров, полуфабрикатов, машин и оборудования. Важным фактором, способствовавшим росту промышленного производства Египта за последние годы, явилась также политика дальнейшего поощрения экспорта египетских товаров.

В конце 1955 г. был создан Египетский национальный комитет по планированию. Задача Комитета состоит в разработке общенационального плана экономического и социального развития Египта на определенный период. Комитет должен, в частности, разрабатывать проекты в области развития промышленности, сельского хозяйства и торговли [22]. Общая сумма расходов на осуществление проектов развития национальной экономики на ближайшие пять лет оценивается в 200 млн. е. ф.[23]. Египетское правительство всячески поощряет вложение национального капитала в развитие национальной промышленности. Вновь строящиеся промышленные предприятия на семь лет освобождаются от ряда налогов.

Правительство, прилагая усилия к изысканию необходимых денежных средств у себя в стране, в частности путем выпуска внутренних займов и увеличения ассигнований по государственному бюджету для реализации экономических проектов, одновременно добивается новых вложений иностранного капитала в народное хозяйство Египта. В последние годы правительство сделало ряд уступок иностранным вкладчикам капиталов — разрешило им приобретение контрольного пакета акций египетских предприятий, частично освободило от налогов, предоставило льготы в отношении вывоза инвестированного капитала и прибылей.

[21] «Аль-Ахрам», 23 июля 1955 г.
[22] «Аль-Ахрам», 3 ноября 1955 г.
[23] «The Middle East journal». 1955, vol. 9, № 4, p 382.



Так, например, в Египте был издан закон «Об анонимных обществах», в соответствии с которым иностранцам было разрешено иметь 51% акций вновь создаваемых компаний; если оставшаяся часть акций не найдет спроса на местной фондовой бирже, иностранцы могут пополнить свой портфель за счет нереализованных акций. Кроме того, правительство согласилось увеличить размер переводимых за границу прибылей компаний. В целях привлечения иностранного капитала египетское правительство приняло 2 сентября 1954 г. закон об иностранных капиталовложениях в Египте, предусматривающий льготные условия для вложения иностранного капитала в те отрасли экономики Египта, которые способствуют развитию национального производства [24]. Все эти мероприятия привели к тому, что в последнее время, наряду с укреплением позиций национального капитала, наблюдается увеличение иностранных капиталовложений в народное хозяйство Египта.

Египетское правительство стремится контролировать и направлять иностранные капиталовложения в интересах развития национальной экономики. В условиях укрепления экономических связей Египта с СССР, а также с КНР и другими странами народной демократии Европы и Азии иностранные монополии вынуждены вкладывать свои капиталы на более выгодных для Египта условиях.

Одним из главных условий развития промышленности Египетской Республики является создание прочной энергетической базы. Производство гидроэлектроэнергии имеет особенно большое значение для Египта, так как страна не располагает никаким другим видом топлива, кроме нефти. Во время и после войны те электростанции, которые работали на привозном угле, были переоборудованы для работы на жидком топливе. Выработка электроэнергии в Египте в 1955 г. составила 1,4 млрд. против 0,6 млрд. квт-ч в 1948 г. и 0,3 млрд. квт-ч в 1938 г. [25].

Увеличение производства электроэнергии за последние годы произошло главным образом за счет ввода в строй новых, а также увеличения производственных мощностей действующих электростанций. Только в 1954 г. вступили в строй три новые теплоэлектростанции: в Талха мощностью 42,5 тыс. квт, Идфу — 7,2 тыс. квт и Наг-Хаммади — 4 тыс. квт.

В конце 1955 г. Совет развития национального производства одобрил проект электрификации Египта, предусматривающий увеличение мощностей существующих и строительство новых тепловых электростанций в Каире и во всех больших городах провинций Бехейра, Дакахлия, Шаркия, а также в зоне Суэцкого канала. В этом проекте большое значение придается строительству гидроэлектростанций.

В настоящее время в центре внимания египетской общественности находится строительство крупной электростанции на базе существующей Асуанской плотины. Работы начались в августе 1953 г. Расходы на сооружение электростанции оцениваются в 27,5 млн. е. ф. Пуск Асуанской гидростанции намечается в 1958 г. [26]. Общая мощность девяти генераторов составит 345 тыс. квт, и гидростанция будет производить 1,8 млрд. квт-ч в год [27]. На энергии этой станции будет работать строящийся в этом районе завод по производству минеральных удобрений, а также Хельванский металлургический завод; часть энергии предполагается использовать для орошения вновь осваиваемых здесь земель площадью в 466 тыс. федданов. Это даст возможность снизить стоимость орошения одного феддана с 13 до 4 е. ф. [28].

Другой проект в области электрификации Египта — проект «Ас-садд аль-али» (Высокая плотина) — предусматривает строительство в течение девяти-десяти лет новой крупнейшей плотины и гидростанции на Ниле к югу от Асуанской плотины. Высота предполагаемой плотины — 196 м, длина — 1300 м, емкость водохранилища —

[24] «The economic development in the Middle East, 1945—1954». New York, 1955, p. 52—53.
[25] Там же, стр. 38.
[26] «The Egyptian revolution in three years, 1952—1955», p. 53.
[27] «Аль-Ахрам», 17 февраля 1956 г.
[28] «Аль-Ахрам», 23 июля 1955 г.

120 млрд. куб. м. Гидростанция будет оборудована 16 генераторами мощностью 60 тыс. квт каждый. Общая выработка электроэнергии составит 6 млрд. квт-ч в год. Основная часть энергии будет передаваться в северные районы, а также использоваться для орошения новых земель. С сооружением плотины возделываемые площади Египта расширятся на 2 млн. федданов, т. е. на $^1/_3$. Стоимость сооружения «Ас-садд аль-али» оценивается в 110 млн. е. ф.[29].

Строительство предполагается производить с привлечением иностранных капиталов. С 1955 г. ведутся переговоры о предоставлении займа Международным банком реконструкции и развития, Международным валютным фондом и рядом иностранных банков. Однако до сих пор этот вопрос еще не решен.

Для развития народного хозяйства Египта большое значение имеет нефтяная промышленность. К 1955 г. разведанные запасы нефти Египта оценивались в 13 239 тыс. тонн. Основными нефтепромыслами являются Рас-Гариб, Хургада (на побережье Красного моря), Судр и Асль (на Синайском полуострове). Добыча нефти производится двумя компаниями: английской «Англо-Иджипшн ойл филдс» и американской «Сокони вакуум». В 1950—1953 гг. в Египте добывалось в среднем 2317 тыс. тонн нефти в год. В 1954 г. произошло резкое падение добычи нефти (до 1972 тыс. тонн), что объясняется истощением нефтяных запасов в районе Асль. Однако в 1955 г. в связи с вводом в эксплуатацию нового месторождения Балаим на Синайском полуострове падение добычи было приостановлено. Число продуктивных скважин в Египте к концу 1955 г. было 162 против 131 в 1954 г. [30].

В 1955 г. в Египте потреблялось 3,5 млн. тонн нефтепродуктов против 850 тыс. тонн в 1940 г. и 2,9 млн. тонн в 1950 г.[31]. Египет вынужден ежегодно ввозить 1,8 млн. тонн нефти и нефтепродуктов. Переработка нефти производится на двух нефтеперегонных заводах в Суэце — на принадлежащем «Англо-Иджипшн ойл филдс» заводе мощностью 2 млн. тонн в год и на государственном заводе, мощность которого с 300 тыс. тонн была в 1954 г. увеличена до 1300 тыс. Это дало возможность Египту сократить в 1955 г. импорт готовых нефтепродуктов за счет ввоза сырой нефти и переработки ее в стране [32]. В 1955 г. в районе Александрии закончилось строительство нового нефтеочистительного завода мощностью в 200—500 тыс. тонн в год, пуск которого предполагается в текущем году. В местечке Мостород около Каира также намечается строительство нефтеперегонного завода производительностью 2 млн. тонн [33].

После ввода в эксплуатацию этих предприятий, по словам Насера, Египет будет удовлетворять свои потребности в нефтепродуктах и прекратит их ввоз из-за границы. С целью сокращения расходов на транспортировку нефти из Суэца в Каир в 1954 г. было начато строительство нефтепровода пропускной способностью в 2,3 млн. тонн тяжелых нефтепродуктов [34].

Египетское правительство стремится обеспечить национальную промышленность сырьем и материалами, для чего оно расширяет геолого-разведочные работы, на которые в 1955 г. было ассигновано в семь раз больше средств, чем в 1951 г. [35]. Недра Египта, за исключением долины Нила, мало исследованы. В 1955 г. площадь, на которой производились геолого-разведочные работы, значительно увеличилась. Произведенные в последнее время разведывательные работы выявили большие запасы разнообразных минеральных богатств. Были открыты новые месторождения магнезита, меди, железа, хрома, извести и других полезных ископаемых.

В Египетской Республике большое внимание уделяется созданию собственной

[29] «The Egyptain revolution in three years, 1952—1955», p. 45—52.
[30] «Economic bulletin. National Bank of Egypt», 1955, № 4, p. 314—315.
[31] Там же.
[32] «Аль-Ахрам», 23 июля 1955 г.
[33] «The Egyptian revolution in three years, 1952—1955», p 57; «Аль-Ахрам», 23 июля и 9 октября 1955 г.
[34] «Аль-Ахрам», 23 июля 1955 г.
[35] Там же.



металлургической промышленности, которая до сих пор была представлена лишь небольшими заводами вторичной переработки металла. Месторождения железных руд в Египте имеются в районе Асуана, в Аравийской пустыне и у оазиса Бахрия. Общие запасы железных руд определяются приблизительно в 300 млн. тонн. В 1955 г. в Египте было произведено 90 тыс. тонн стали против 50 тыс. тонн в 1952 г.

Египетское правительство намерено создать в районе строительства Асуанской электростанции несколько предприятий тяжелой и легкой промышленности. Наиболее значительным из них является металлургический комбинат в Хельване. Первая очередь этого комбината производственной мощностью в 220 тыс. тонн стали в год войдет в строй в 1957 г. [36]. Полная мощность завода составит около 500 тыс. тонн стали в год [37].

Химическая промышленность Египта производит главным образом минеральные удобрения. По приблизительному подсчету, сельскому хозяйству Египта необходимо ежегодно получать около 1250 тыс. тонн азотных удобрений и 142 тыс. тонн суперфосфата [38]. Однако химическая промышленность страны не обеспечивает этих потребностей. Так, в 1954 г. было выработано около 160 тыс. тонн азотных удобрений, в то время как потребление их в стране составило 696 тыс. тонн [39]. Суэцкий завод азотных удобрений работает не на полную мощность из-за нехватки сырья — нефтяного газа. В 1955 г. в результате увеличения мощностей государственного нефтеочистительного завода в Суэце несколько улучшилось снабжение газом завода азотных удобрений, в связи с этим его производительность возросла. В Хатаре на базе Асуанской электростанции намечено построить завод по производству нитрата аммония мощностью в 370 тыс. тонн в год [40]. Лучше обстоит дело с производством суперфосфатов. В 1954 г. было произведено около 100 тыс. тонн суперфосфатов, что в основном покрыло потребности страны [41].

Большие строительные работы, осуществляемые в Египетской Республике, стимулировали рост цементной промышленности. Продукция цементных заводов составила в 1955 г. 1,4 млн. тонн против 947 тыс. тонн в 1952 г. [42]. Несмотря на увеличение выпуска цемента и на решение Министерства снабжения о запрете экспорта цемента без специального на то разрешения, производство его еще не удовлетворяет возрастающий спрос.

Текстильная промышленность является наиболее развитой отраслью египетской промышленности. Значительное количество хлопчатобумажной пряжи вывозится за границу. Потребность населения в тканях обеспечивается, в основном, за счет отечественного производства. Производительность хлопчатобумажной промышленности Египта характеризуется следующими данными [43]:

| Вид продукции | 1952 г. | 1953 г. | 1954 г. | 1955 г * |
|---|---|---|---|---|
| Пряжа (в тыс. тонн) | 55,7 | 59,4 | 64,3 | 70,0 |
| Ткани (млн. м) | 219,8 | 233,4 | 240,9 | 242 |

* Оценка.

[36] «The Egyptian revolution in three years, 1952—1955», p. 68.
[37] «Аль-Ахбар», 19 июля 1955 г.
[38] «Аль-Ахрам», 4 июня 1955 г.
[39] «Аль-Ахрам», 22 октября 1955 г.
[40] «The Egyptian revolution in three years, 1952—1955», p. 53,71.
[41] «Economic bulletin. National Bank of Egypt», 1955, № 1, p. 24—25.
[42] Там же, №. 4, p. 314—315.
[43] Там же, № 1, стр. 40; № 4, стр. 314—315.

В хлопчатобумажной промышленности Египта в 1955 г. действовало 25—30 предприятий, на которых к началу года было занято 150 тыс. человек, насчитывалось 14 тыс. ткацких станков и 616 тыс. веретен [44]. К концу 1955 г. в стране было уже 700 тыс. веретен против 600 тыс. в 1952 г.; предполагается в течение двух лет увеличить число веретен на 200 тыс. [45]. Промышленность перерабатывает исключительно египетский хлопок, поскольку импорт хлопка в Египет запрещен. В сезон 1954/55 г. (с 1 сентября по 31 августа) хлопчатобумажная промышленность Египта переработала 80,3 тыс. тонн хлопка против 73,3 тыс. тонн за соответствующий период 1953/54 г., что составляет около 20% валового сбора хлопка в стране. В 1955 г. наблюдалась заметная тенденция к увеличению производства тканей из искусственного шелка, а также трикотажно-чулочных изделий. В Египетской Республике уделяется большое внимание развитию текстильной промышленности с тем чтобы не только удовлетворить потребности населения, но и увеличить экспорт. Вместе с тем следует отметить, что развитию текстильной промышленности препятствует узость внутреннего рынка.

В последние четыре года больших успехов добилась пищевкусовая промышленность Египта. Производство сахара, составлявшее 188,5 тыс. тонн в 1951 г., в 1955 г. превысило 300 тыс. тонн, что с избытком удовлетворило потребности Египта в этом продукте. Египет превращается из импортера в экспортера сахара [46]. В Египте успешно развиваются рисоочистительная, мукомольная, табачная, мыловаренная, кожевенная и другие отрасли национальной промышленности.

Следует также отметить, что в последние три года в Египте возник ряд новых небольших промышленных предприятий: заводы—электрокабельный, автомобильных покрышек и камер, глюкозы, деревообрабатывающий, цементных водопроводных труб; строятся и намечены к строительству заводы: вагоностроительный, аккумуляторов, железобетонных конструкций, фармацевтический, запасных частей для автомашин, джутовая и писчебумажная фабрики и другие. В стране создается новый промышленный район в Вади-ан-Натрун; здесь работают содовый завод, завод радиоприборов, консервные заводы, обувная и текстильная фабрики; строятся мыловаренный завод и завод красителей.

О заметном росте промышленного производства в Египетской Республике свидетельствуют также следующие данные: количество предприятий, на которых занято десять человек и более, возросло с 3262 в 1950 г. до 4 тыс. к началу 1956 г. Число рабочих и служащих, занятых на этих предприятиях, с 243 тыс. человек в 1950 г. увеличилось до 272 тыс. в 1954 г., т. е. более чем на 12%. Валовая продукция этих предприятий за 1950—1954 гг. в стоимостном выражении возросла на одну треть (с 245,7 млн. е. ф. до 327,9 млн. е. ф.) [47].

Большую помощь Египту в развитии национальной экономики оказывают страны социалистического лагеря. Египетская Республика заключила на взаимовыгодных условиях торговые и платежные соглашения почти со всеми странами социалистического лагеря. Эти страны продают Египту самые необходимые для развития его экономики товары, в поставках которых капиталистические страны Запада намеренно отказывают: машины, станки, промышленное оборудование, включая комплектное оборудование для предприятий, металлы, лесоматериалы, химикаты, нефть, удобрения, оказывают научно-техническую помощь. Например, чешские специалисты строят в провинции Тахрир обувную фабрику, которая оборудуется чехословацкими машинами. Во второй половине 1956 г. эта фабрика вступит в число действующих[48]. Кроме того, Чехословакия строит в Египте и оборудует фарфоровый завод. Польша обязалась оборудовать и пустить в ход завод по изготовлению эмалированных изделий в Александрии, а также подготовить египетских специалистов для его обслуживания. Строительство обоих заводов завершится в начале 1957 г. [49].

[44] «Economic bulletin. National Bank of Egypt», 1955, № 1, p. 18.
[45] «Quarterly economic review of Egypt and Sudan». London, January, 1956, № 12.
[46] «Аль-Ахрам», 3 августа 1955 г., 25 и 26 февраля 1956 г.
[47] «Аль-Гумхурия», 26 августа 1955 г.; «Аль-Ахрам», 2 марта 1956 г.
[48] «Аль-Ахрам», 3 августа 1955 г.



В условиях торговых соглашений, которые заключены Египетской Республикой с Советским Союзом и странами народной демократии Европы и Азии, последовательно воплощены принципы взаимной выгоды, равноправия и уважения суверенитета сторон. Министр торговли и промышленности Египта Нусейр, подписавший от имени своего правительства соглашение с Китайской Народной Республикой, указывал, что египетское правительство и в дальнейшем при заключении торговых соглашений с другими государствами будет брать за основу китайско-египетское соглашение.

Соглашения предусматривают, что торговые операции будут производиться в соответствии с действующим в каждой из стран торговым режимом. Выражая готовность всячески содействовать выдаче лицензий на импортные и экспортные операции, стороны придерживаются принципа наибольшего благоприятствования. В духе строгого соблюдения интересов каждой из сторон решаются вопросы расчетов, что позволяет устранить платежные затруднения и тем самым расширить рамки взаимной торговли. Длительные сроки соглашений обеспечивают устойчивую основу для взаимной торговли.

Заключение этих соглашений было не только крупным успехом внешнеторговой политики Египта, но и важным вкладом в дело борьбы стран Арабского Востока за экономическую самостоятельность. Указывая на выгодность торговли со странами демократического лагеря, руководители Египетской Республики особо подчеркивают, что эта торговля происходит на основе равенства и взаимной выгоды и не обусловлена кабальными условиями, ущемляющими суверенитет Египта. Вместе с тем указывается, что эти торговые соглашения заключены с правительствами, а не с частными фирмами и компаниями. Особая важность торговли Египта со странами демократического лагеря заключается в том, что последние вывозят из Египта главным образом хлопок; тем самым ликвидируется серьезное положение, в котором оказался Египет из-за осуществляемой иностранными монополиями политики цен на хлопок. Доля Советского Союза и стран народной демократии Европы и Азии в египетском экспорте 1955 г. составила 27,8% против 15,2% в 1954 г. и в импорте соответственно 7,5% против 6,1% в 1954 г. Доля стран социалистического лагеря во всем внешнем товарообороте Египта достигла в 1955 г. 16,5%, а эти страны в совокупности стали самым крупным контрагентом во внешней торговле Египта [50].

Огромную роль в развитии экономики Египта должно сыграть использование в мирных целях атомной энергии, которая с успехом может восполнить отсутствие угля и недостаток нефти. В настоящее время в Египте образована специальная комиссия при Совете министров по использованию атомной энергии в мирных целях. В 1955 г. правительство ассигновало 1 млн. е. ф. на создание центра изучения и использования атомной энергии в Египте и на подготовку египтян-специалистов в этой области. Вместе с тем ведутся поиски радиоактивных элементов на территории Египта. Газета «Аль-Гумхурия» сообщала 27 октября 1955 г. об открытии радиоактивных руд в песках Розетты, а также о разработке проекта строительства атомного реактора.

В феврале 1956 г. в Москве было подписано соглашение между СССР и Египетской Республикой об оказании Советским Союзом научно-технической помощи в проектировании и строительстве лаборатории ядерной физики в Каире и проведении других работ в области мирного использования атомной энергии. Кроме того, Советский Союз поставит необходимое оборудование и приборы для этой лаборатории и для проведения геолого-разведочных работ. Советский Союз согласился, чтобы египетские ученые повышали свою квалификацию в соответствующих научно-исследовательских учреждениях СССР.

Факты свидетельствуют о том, что молодая Египетская Республика, ликвидировав политическую зависимость от империализма, встала на путь экономической самостоятельности и уже сделала первые успешные шаги в этом направлении.

[49] «Аль-Ахрам», 1 января 1956 г.
[50] «Journal de commerce et de la marine», 20 февраля 1956 г.

# ОМАР ФАХУРИ — ВЫДАЮЩИЙСЯ АРАБСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

*Д. И. ЮСУПОВ*

В апреле текущего года исполнилось десять лет со дня смерти крупнейшего арабского писателя и критика, выдающегося общественного деятеля Сирии и Ливана — Омара Фахури.

Омар Фахури был основателем и руководителем Антифашистской лиги Ливана, основателем печатного органа этой лиги — журнала «Ат-Тарик», удостоенного в 1950 г. золотой медали мира. Искренний друг Советского Союза, Фахури в самый тяжелый для нас период войны — в 1942 г., организовал Ливанское общество друзей Советского Союза и оставался председателем этого Общества до конца своей жизни.

* * *

Омар Фахури родился в 1896 г. в Бейруте в семье мелкого торговца. К тому времени, когда Фахури окончил курс учебы в турецкой школе, в стране усилилось движение за национальное освобождение. Полный патриотических чувств, Фахури не остался в стороне; в 1913 г. он вступает в Общество младоарабов и пишет свою первую книгу «Как пробуждаются арабы». Книга не успела еще выйти в свет, когда началась первая мировая война. Боясь нарастания национального движения арабов, турки стали преследовать сторонников этого движения. Многие близкие товарищи Фахури были повешены, а автору «Как пробуждаются арабы» грозила смертная казнь. С большим трудом его отцу удалось убедить турецкие власти, что эта книга — всего лишь фантазия несовершеннолетнего юноши.

В 1914 г. было открыто медицинское высшее учебное заведение, студенты которого освобождались от службы в армии, и хотя Фахури не имел никаких наклонностей ни к фармакологии, ни к врачеванию, он поступает туда только для того, чтобы избежать военной службы у турок, угнетавших его народ.

В результате первой мировой войны османская империя оказалась разбитой. Арабы, освобожденные от многовекового господства турок, были полны надежд на свободное будущее. Так, по крайней мере, обещали им Англия и Франция. После того как была объявлена независимость Сирии, Фахури поспешил в Дамаск. Многие патриоты, и в том числе Фахури, искренне верили в независимость, объявленную Сирийским конгрессом. Однако империалистические государства втайне готовили заговоры с целью лишить арабов добытых завоеваний. В апреле 1920 г. Англия и Франция договорились о разделе арабских стран. Франция получила мандаты на Сирию и Ливан, Англия — на Месопотамию.

Сирийский народ потерял независимость и был порабощен французским империализмом. Захватив Дамаск и другие районы, французские власти приступили к расправе с деятелями национального движения. Начались аресты, ссылки, казни. На страну была наложена тяжелая контрибуция.

Молодой Фахури, вкусивший горечь разочарования и обманутых надежд, покидает



родину. В течение трех лет, проведенных Фахури в Париже, он занимается юриспруденцией, регулярно посещает столичные библиотеки, много читает, многое узнает. Рассказывая о себе, Фахури говорил: «Во всякой стране больше всего меня интересуют ее библиотеки».

В 1925 г. Омар Фахури возвращается в родной Бейрут, а отсюда едет в Дамаск. С этого времени мысли о литературе и искусстве не покидают его. Он пишет много статей, которые печатаются большей частью в журнале «Аль-Мизан» и в газете «Аль-Муфид». Одновременно Фахури уделяет много времени переводческой деятельности. В эти годы он переводит с французского языка книгу об Анатоле Франсе и сборник статей западноевропейских востоковедов «Взгляды западников на проблемы Востока». Фахури глубоко сознавал необходимость обогащения арабской литературы переводами зарубежной, западной, литературы. Он мечтал об организации издательства, которое занималось бы только переводами.

В 1926 г. Фахури из Дамаска переезжает в Бейрут, на этот раз навсегда. И хотя он открывает здесь бюро юридической консультации, литература увлекает его значительно сильнее. Он принимает участие в издании журнала «Аль-Кашшаф», пишет статьи в газету «Аль-Хакыка», избрав для себя псевдоним «Демократический мусульманин». В это же время выходит из печати его перевод книги Ромена Роллана «Махатма Ганди».

Вскоре Фахури избирают в действительные члены Дамасской академии наук. Необходимо отметить, что с этого момента периодический журнал академии стал значительно лучше редактироваться и аккуратнее издаваться. Немалая заслуга в этом принадлежала Фахури.

Если молодой Фахури был полон оптимизма и веры в победу и освобождение своего народа от иностранной кабалы, то 20—30-е годы были годами глубокого разочарования и безнадежности. Поражение большого сирийского восстания 1925—1927 гг., неверие в освобождение от французского мандата — все это вызвало глубокий перелом в жизни Фахури. К этому надо добавить большое личное горе — смерть жены.

Пессимистические настроения накладывают отпечаток на творчество писателя этого периода. Фахури начинает проповедовать уход из реального мира, воспевает мир грез и сновидений [рассказы «Заколдованная дверь» (الباب المرصود), «Сокровищницах» (كنوز الفقراء), «Грезы» (الاحلام), «Умерший Ханна» (حنا الميت) и др.]. Он писал: «Чего же от нас хотят и есть ли смысл в нашем существовании? Этот вопрос я часто задаю себе, тяготясь вчерашним, сегодняшним и завтрашним днем, не находя ответа и даже подобия на ответ. Этот вопрос вызывается отвращением к существованию и к жизни» [1].

В рассказе «Заколдованная дверь»[2] (1926 г.) автор утверждает идею о назначении всякого искусства переносить человека из одного состояния в другое, из одного мира в другой. Автор считает, что такой переход является естественной потребностью человека.

«Люди в этой жизни напоминают нескольких друзей, которые, внезапно проснувшись в комнате с душным воздухом и тусклым светом, полной голосов и страшных призраков, бросились, тяжело дыша, с ищущими глазами, к окну, чтобы открыть и увидеть из него волшебный мир, где вечная радость и полный покой.

Вот почему одни пьют вино, поклоняясь Бахусу, или нюхают кокаин, другие принимают хашиш или опиум, который, по выражению английского писателя Диккенса, способен создавать города и храмы, превосходящие по своей красоте и величию Вавилонскую башню. Люди на всех концах земли стремятся к опьянению или к бессознательному состоянию для того, чтобы забыть каждодневные заботы» [3].

Сам Омар Фахури находил утешение в книге, способной переносить его из этого

---

[1] Сб. «Заколдованная дверь». Бейрут, 1938, стр. 12.

[2] Там же, стр. 19.

[3] Там же, стр. 20.

мира в мир иной. Казалось, он никогда не смог бы пресытиться поэзией средневековых поэтов Аль-Мутанабби, Абу-Новаса, рассказами басрийца Аль-Джахиза, особенно его книгами «О скупцах» (كتاب البخلاء) и «О животных» (كتاب الحيوان), которые оказали, по словам Фахури, большое влияние на его писательское мастерство. Из современной поэзии его больше всего привлекали стихи египетского поэта Халила Мутрана и ливанского поэта Юсуфа Гасуба, из прозаиков он особенно ценил Амина Рейхани (последний оставил глубокий след в творчестве Омара Фахури).

В рассказе «Сокровище нищих»[4] (1926 г.) заключена мысль, что устное народное творчество — всякого рода сказки и небылицы, так широко распространенные в народе, необходимы человеку, ибо, слушая их, он забывает о своей бедности, мысленно переносясь в сказочный мир, полный богатства и вечной сытости. Некоторые статьи о сборнике стихов поэта Шафика аль-Маалуфа «Грезы», написанные Фахури в этот период, проникнуты все той же идеей: назначение искусства — переносить человека в идеальный мир.

Автору стихов «Грезы» Фахури советует: «О, поэт меланхолического настроения, отчаявшийся в этой жизни мрачным отчаянием, ответь им (литературным критикам.— *Д. Ю.*): „Я нуждаюсь в своем искусстве, ибо в искусстве успокоение и утешение"»[5].

Ярче всего чувство одиночества, бесцельности существования нашло отражение в рассказе «Умерший Ханна». Ханна, получивший при жизни кличку «умерший», прожив бесцельно до сорока лет и не найдя ни интереса, ни смысла в дальнейшем существовании, начинает верить в то, что он мертв.

«Тот, кто встретит его на грязной дороге, медленно бредущего, как будто чем-то напуганного, непременно спросит себя: „Что это с ним? Может быть он потому так двигается, что боится потерять башмаки в этой пепельно-черного цвета массе, которой покрываются переулки после дождя, а может быть он потерял что-либо и теперь старается найти"? С согнутой спиной и наклоненной на бок головой, он идет размеренным шагом так, как идут в похоронных процессиях.

Лицо его не выражает страдания, которое обычно сразу бросается в глаза, как бы раскрывая внезапно тайну большой печали или великого несчастья. Но, вглядевшись, можно заметить в смутных морщинках его лица знаки усталости и отвращения к жизни, которые как бы говорят: „Какова же будет награда мне и моим ногам за то, что я их волочу вот уже сорок лет с лишним по этой заклятой земле? Что же мне и телу моему, что я несу его беспрестанно, не зная, получу ли я за это вознаграждение, или мой труд пойдет прахом? И когда же я, наконец, положу эту тяжелую ношу и дам отдых своей душе"»[6].

Образ Ханна умершего — это образ маленького человека, жертвы капиталистического мира. И хотя он изображен сугубо индивидуально, в своей основе это глубоко реалистический образ.

Реализм рассказа ярко отражает то мировоззрение, те идеи, которые так отчетливо были высказаны Фахури в замечательных литературно-критических статьях двадцатых годов, на которых воспитывалось целое поколение прогрессивных арабских писателей. В этих статьях писатель выдвигает требование борьбы в литературе со всем отсталым, косным и лицемерным, что мешает обществу жить и развиваться. По его выражению, «лицемерие и ложный стыд схватили искусство сильными руками за горло

[4] «Заколдованная дверь», стр. 27.

[5] Там же, стр. 73.

[6] «Маншурат шахрезад», 1947, № 11, стр. 25. Не случайно в этот период из огромного количества произведений Анатоля Франса Омар Фахури выбирает для перевода на арабский язык его рассказ «Кренкебиль». Фахури был захвачен темой этого рассказа, целиком обращенной к драме маленького человека, низведенного буржуазным судебно-административным аппаратом до нуля, судебной несправедливостью, которая так знакома арабскому рабочему и феллаху.



и душат его». И не случайно Омар Фахури по праву считается основоположником прогрессивной реалистической литературно-критической мысли Сирии и Ливана.

Как литературовед, он впервые обратил на себя внимание в 1924 г. предисловием к «Шкатулке чудес» — сборнику стихов своего друга Омара аз-Зи'ни, написанных на смешанном полулитературном-полународном языке.

В этом предисловии Фахури восхищается дерзновением поэта, который, вопреки установившейся традиции, осмелился использовать народный язык и отошел от традиционной касыдной формы.

«Твоим касыдам, их форме и содержанию никогда не повредит этот смешанный литературный и народный язык,— писал Фахури.— Больше того, в этом многоцветном великолепном наряде они полностью удовлетворяют правилам красноречия как по содержанию, так и по форме, и значительно лучше творений многих писателей современности, которые сочиняют в отрыве от жизни, так что в конечном счете их литература оказывается выброшенной, подобно трупу, из правдивой литературы, которая имеет всего лишь один источник»[7].

Сравнивая свою родину с опустошенным раем, жизнь, полную разбитых надежд и горьких печалей, с плачущей невестой; сравнивая народный язык, полный редкого остроумия, мудрости, разящей прямоты, с покинутой красавицей, не знавшей кокетства, Фахури говорит, что все они были источником, который бил сильным ключом и пополнял поэзию Омара аз-Зи'ни.

Большой интерес представляют статьи Фахури о литературе, помещенные в сборнике «Заколдованная дверь» под заголовком «Открытая женщина (без чадры) и тусклое, кривое зеркало». В этих статьях Фахури рассматривает причины отставания современной арабской литературы от литературы Запада. Основной причиной он считает раболепие писателей перед приемами и методами средневековой литературы, которое часто приводит даже к плагиату.

Еще в юношеские годы Фахури понял, что некоторые современные поэты производят внезапные нападения на древних поэтов и без боя берут «в плен» их лучшие идеи. О них он говорил, что в действительности это не поэты. Позже Фахури узнал, что имеются писатели, не занимающиеся плагиатом сознательно, но лишенные всякой индивидуальности. Поэзию и прозу таких литераторов он уподоблял волне, которая, не успев вспениться, разлетается в брызги[8].

Вместе с тем Фахури выступал против модернизации, советовал писателям учиться у классиков средневековья, призывал к творческому обогащению из сокровищницы средневековой литературы. Фахури считает, что писатели могут находиться под сильным воздействием той или иной литературы, но это не значит, что они должны подражать. По мнению Фахури, всякое подражание невозможно хотя бы из-за различия условий отражаемой жизни.

«Возьмем, к примеру, европейскую, в частности, русскую литературу,—писал Фахури.— В девятнадцатом веке русская литература находилась под влиянием западноевропейской литературы, особенно под влиянием французской и английской. Несмотря на это мы не замечаем никакого подражания в произведениях русских писателей, ибо условия жизни в России совершенно отличны от условий жизни во Франции и Англии»[9].

Не менее серьезной причиной, тормозящей развитие современной арабской литературы и мешающей ей отображать жизнь без прикрас и извращений, Фахури видит в зависимости писателей от классовых и сословных интересов и предрассудков. Арабскую литературу он сравнивает с обманчивым зеркалом, искажающим лица.

В качестве примера беззаветного служения своему делу Фахури приводит великих русских писателей-реалистов, которые, по его выражению, «всеми силами добивались правды». «Все, что пишет русский писатель, исходит из его натуры. Она у него не

[7] «Заколдованная дверь», стр. 35.

[8] См. там же, стр. 67.

[9] Там же, стр. 68.

запятнана условностями общества, или лицемерием господствующих нравов и установившихся привычек» [10].

Для подтверждения всего сказанного о русских писателях Фахури приводит слова Л. Н. Толстого: «Замалчивать порок — значит прикрывать его».

Эти и многие другие высказывания писателя позволяют сделать вывод, что Фахури был хорошо знаком с русской классической литературой XIX в.

Серьезное место в своей книге Фахури уделяет женскому вопросу. Говоря о том, что женщина изолирована от литературы так же, как изолирована от участия в общественной жизни, Фахури пишет, что чадра, которая прикрывает женщину в литературе, на несколько сантиметров толще и плотнее чадры, которая прикрывает женщину в жизни.

«Если в нашем дважды дряхлом восточном мире,— говорит Фахури,— женщина считается какой-то легкой незримой тенью или убегающим призраком, неуловимым даже во сне, то в этой „мужской" литературе женщина является тенью теней, призраком призраков»[11].

Глубоко понимая силу воздействия литературы на развитие общества, он призывает писателей смелее ставить вопросы о бесправном положении женщины, с тем чтобы помочь ей раскрепоститься и занять достойное место в общественной жизни страны.

Таким образом, еще в середине 20-х годов Фахури первым среди писателей Сирии и Ливана стал призывать к реалистическому отображению действительности и освобождению от всякого рода классовых предрассудков, к выявлению общественных недугов, к разоблачению пороков общества.

В 1941 г. вышла из печати книга Омара Фахури «Четыре части» (الفصول الاربعة)[12], посвященная вопросам литературоведения. Она полностью отразила литературное кредо писателя того периода. В главе «Основы творения» Фахури пишет о необходимости сближения писателя с жизнью. По его мнению, основная задача подлинного художника состоит в том, чтобы черпать элементы для своего искусства и литературного творчества из источников бытия, из жизни, вечно развивающейся, изменяющейся, как бы постоянно воскрешающейся в новом создании [13]. Фахури доказывает, что правда легче дается в искусстве, чем «захватывающая и очаровывающая сердца красивая ложь». «Разве мастеру слова не легче описать существующий в действительности сад и разрешить нам гулять в нем каждый вечер, чем нарисовать рай, обещанный праведным» [14].

Другим не менее важным фактором для писательского мастерства Фахури считает любовь писателя к своему делу. Он рассказывает, что в глубокую старину арабские литераторы жаловались на свое ремесло, приносившее скудный доход, недостаточный для пропитания. Однако как ни тяжела была их участь, они продолжали оставаться поэтами, ибо в литературной деятельности черпали жизненные силы.

Фахури резко выступает против формализма в литературе, против тех писателей, которые целиком заняты приукрашиванием, причесыванием и прилизыванием формы, мало интересуясь содержанием произведений, а иногда и просто забывая о нем.

В то же время Фахури противник натурализма. Он с сожалением говорит о том, что публика еще недостаточно хорошо разбирается в искусстве и не всегда может отличить фотографическое отражение действительности от художественного воспроизведения ее.

Произведения Фахури «Заколдованная дверь» и «Четыре части» принесли ему широкую известность. Перед читателем предстал глубокий критик, большой знаток классической арабской и западной литературы.

[10] «Заколдованная дверь», стр. 69.
[11] Там же, стр. 74.
[12] *Омар Фахури.* Четыре части. Бейрут, 1941.
[13] См. там же, стр. 16.
[14] Там же, стр. 36.



«Обе книги показали Омара Фахури,— писал известный ливанский писатель Марон Абуд,— проницательным критиком, пронизывающим глубины глазами, подобными рентгеновским лучам... Сопоставляя арабскую литературу с западной литературой, он сталкивает нас то с Мутанабби, Абу-Новасом, Аль-Джахизом, Аль-Джирхани, Аль-Бахтори, то с Франсом, Ренаном, Достоевским, Бальзаком, Флобером, Диккенсом...»[15].

Мы видим, как глубоко противоречиво творчество Омара Фахури первого периода. Проповеди о назначении искусства переносить человека в идеальный мир, воспевание сказочных миров сменяются восхищением поэзией Аз-Зи'ни, ее реалистичностью, призывами к смелому, правдивому показу социальных проблем общества. Нужно полагать, что корни всех этих противоречий в его творчестве лежали прежде всего в непонимании Омаром Фахури в тот период социально-экономических отношений, в противоречиях его миросозерцания.

* * *

Вторая мировая война, нависшая угрозой бессмысленной гибели миллионов человеческих жизней, вырвала Фахури из «башни одиночества». Он понял, что путь разгрома фашизма лежит через сотрудничество народов, которое в свою очередь поможет делу национального освобождения его родины.

Фахури целиком отдается этой борьбе с фашизмом и как общественный деятель и как писатель-трибун.

В этот период он знакомится с сотрудником подпольной коммунистической газеты «Саут аш-шааб» Эдвардом аш-Шартуни (убит в ноябре 1945 г. фашистскими бандитами из «Сирийской народной партии»), а с лета 1940 г. начинает получать эту нелегальную газету. Фахури называет «Саут аш-шааб» своей последней школой, в которой он научился ненавидеть нацизм и защищать интересы народа, его свободу и благополучие [16].

Коммунистическая партия Сирии и Ливана и ее руководители сыграли огромную роль в формировании взглядов писателя.

Когда Халед Багдаш, Фараджалла аль-Хильв, Никола Шави и некоторые их товарищи были заключены в тюрьму, Фахури писал, что, изолировав их от мира, невозможно было заключить в тюрьму их голоса: «Свет, исходивший от них, был неугасим; эхо их голосов и лучи света заполняли мой дом, проникали в мое сердце, давали свет моим очам» [17].

В 1941 г. Омар Фахури основывает журнал «Ат-Тарик». Журнал установил тесные связи со всеми странами Арабского Востока, живо откликался на вопросы политической и общественной жизни этих стран. Всем этим он быстро завоевал симпатии трудового народа и интеллигенции арабских стран.

Основанный первоначально как орган Антифашистской лиги Сирии и Ливана, журнал с первых номеров развернул борьбу за разоблачение нацизма, его человеконенавистнической расистской идеологии.

Почти в каждом номере этого боевого журнала военных лет можно встретить статьи Омара Фахури. В ряде статей [«Камень преступления» (حجر الجريمة), «От литературы к политике» (من السياسة الى الادب), «Немного о политике» (قليلا عن السياسة), «Знак вопроса» (علامة الاستفهام)], опубликованных в журнале в 1941—1942 гг., Фахури призывает к сплочению демократических сил против фашизма.

Подобные статьи раскрывали глаза тем, кто еще верил в геббельсовскую пропаганду, укрепляли и множили ряды антифашистских борцов, способствовали борьбе с гитлеровской агентурой в странах Арабского Востока. Большую помощь оказал жур-

[15] *Марон Абуд.* Омар Фахури. «Ас-сакафа аль-ватания», май 1953 г. (специальный номер, посвященный Омару Фахури).
[16] «Ат-Тарик», 1945, № 17, стр. 3.
[17] عمر فاخورى الحقيقة اللبنانية (*Омар Фахури.* Ливанская действительность). Бейрут, 1943, стр. 36.

нал в разоблачении фашистской агентуры в странах Леванта. Он, в частности, призывал к решительной борьбе с гитлеровскими агентами из «Сирийской народной партии», члены которой вели в стране пропаганду против Советского Союза.

В 1942 г. выходит из печати книга Омара Фахури «Нет пощады» [18]. Надо сказать, что появление этой книги было весьма своевременным не только потому, что многие ливанцы и сирийцы не знали, что такое нацизм, но и потому, что успехи немецкой военной машины в первый период войны в Европе и Африке способствовали распространению гитлеровской пропаганды в арабских странах, утверждавшей, что фашизм якобы несет с собой национальное возрождение, стимул для развития нации, ее экономического процветания и т. д. В главе «Двуличная пропаганда» Фахури убедительно доказывает лживость и лицемерие этих заявлений.

Фахури был глубоко убежден в том, что будущее его страны зависит от исхода второй мировой войны и от участия его народа в войне против фашизма.

В главе «Изоляция писателя» Омар Фахури обращается непосредственно к писателям, занявшим в этой войне нейтральную позицию и отказывающимся хотя бы в какой-либо мере откликнуться на международные политические события. Фахури считает, что писатели уже потому не могут быть в стороне, что это война не только материальных сил на суше, воде и в воздухе, но и идеологическая: война одного принципа с другим, одних убеждений с другими. И от исхода этой войны зависит судьба мира и его поколений.

Пожалуй, самое большое достоинство книги Омара Фахури «Нет пощады» состояло в том, что, написанная и опубликованная летом 1942 г., еще задолго до Сталинградского сражения, она всем своим содержанием убеждала в неизбежном поражении фашистских полчищ.

После смерти Омара Фахури некоторые его «доброжелатели» в посвященных ему некрологах всячески старались воздвигнуть искусственный барьер в творческой биографии писателя: Омар Фахури до начала второй мировой войны — писатель и литературовед, Омар Фахури в период войны — общественный и политический деятель. Из анализа произведений второго периода жизни Фахури мы видим, что такое разделение неверно. Перед нами предстает писатель-борец, писатель-патриот, целиком обратившийся к публицистике — этому наиболее боевому жанру литературы. Вместе с тем верно, и это подтверждают даже недруги писателя, что общественная деятельность Фахури в период второй мировой войны была огромна. Из всего написанного Фахури в период войны книга «Ливанская действительность»[19] дает наиболее полное представление о его большой общественной деятельности человека-борца, писателя-патриота. Эта книга проникнута страстным желанием Фахури видеть свою родину независимой.

«Мы хотим,—писал Фахури,—иметь настоящую родину, а не тень. Мы хотим иметь родину, которая уважала бы себя и которую уважали бы другие — родину, умеющую уважать себя и заставляющую других уважать себя» [20].

Фахури глубоко сознавал, что пока существует национальная и религиозная рознь, невозможно будет добиться независимости страны. Свою мечту видеть родину единой, свободной от религиозной вражды Фахури воплощает в образе многовекового, седого дерева. «Это дерево братства черпает своими корнями силу из прошлого для того, чтобы его ветви поднялись ввысь, приветствуя светлое будущее. Это дерево растет для того, чтобы в его тени могло найти отдых будущее, которого так сильно жаждет наша душа и наши устремления...» [21].

Книга «Ливанская действительность», появившаяся в период оккупации страны французскими и английскими войсками, имела огромное значение в деле борьбы ливанского народа за независимость. Призывая ливанцев положить конец религиозной вражде, которую так усердно разжигали французские колонизаторы, Фахури с большой страстью писателя-патриота убеждал народ в необходимости единства и сплочения.

[18] عمر فاخورى لا هوادة (*Омар Фахури*. Нет пощады). Бейрут, 1942.
[19] *Омар Фахури*. Ливанская действительность. Бейрут, 1943.
[20] Там же, стр. 30, 31.
[21] Там же, стр. 26.



Омар Фахури был большим другом Советского Союза. Первые статьи о Советском Союзе в журнале «Ат-Тарик» были написаны Омаром Фахури. Одной из лучших является статья «Советский Союз — краеугольный камень в строительстве нового мира» (... الاتحاد السوفياتى حجر الزاوية)[22].

«Если спросишь кого-либо из тех, кто любит Советский Союз,— пишет он в этой статье,— за что ты любишь эту далекую страну? То он тебе незамедлительно ответит: „За то, что советский народ проявил в этой войне чудеса геройства"». «Несомненно,— говорит Фахури,— героизм советских людей вызвал симпатии у многих людей к Советскому Союзу, но это только один из факторов. Нужно прямо сказать, что Советскому Союзу принадлежит главная роль в нашем спасении от ужасов войны, в нашем спасении от самого страшного: ужасов нацистской оккупации... И чтобы нас никто злонамеренно не обвинил в том, что мы забыли или игнорируем усилия союзников в войне с фашизмом, мы скажем: нет, мы помним. Но как река не может затопить море, так и дерево не может поглотить лес» [23].

Возвращаясь к довоенному периоду жизни в СССР, он увлекательно рассказывает об экономических успехах Советского государства, о возникавших, как в сказке, новых крупных промышленных центрах, таких, как Магнитогорск, будто Октябрьская революция сказала им: „Появитесь!", и они появились».

Еще в самом разгаре второй мировой войны Фахури предвидел роль Советского Союза как защитника мира в послевоенный период. Ныне народы арабских стран лишний раз убеждаются в дальновидности своего писателя. Позиция, которую занял в 1946 г. Советский Союз в ООН при рассмотрении вопроса о выводе иностранных войск с территории Сирии и Ливана, еще раз убеждала в том, что внешняя политика Советского Союза основана на принципе уважения национального суверенитета больших и малых стран.

Трудно переоценить огромную писательскую и общественную деятельность Омара Фахури. Вот как говорит о Фахури секретарь ЦК компартии Сирии и Ливана Халед Багдаш: «Мы знали Максима Горького, Ромена Роллана, Бернарда Шоу, Анри Барбюса — имена, которыми гордились наши товарищи на Западе. Мы читали о них, и наши сердца наполнялись радостью. Но мы мечтали иметь, подобно им, арабское имя, которое укрепило бы веру в победу нашей борьбы за свободу и свет на арабском Востоке. И когда Фахури познакомился с нами, восхитился нами, полюбил нас и дал нам, народу, огромную силу, мы поняли, что можем гордиться им перед всем миром» [24].

Огромны заслуги Фахури-публициста в борьбе за независимость своей родины от империалистического закабаления, за укрепление дружбы и культурного сотрудничества между народами Советского Союза и арабским народом.

Народы арабских стран глубоко чтут память своего любимого писателя. Имя Омара Фахури стало национальной гордостью, символом борьбы арабского народа против колониализма, за свободу, независимость и мир между народами.

[22] «Ат-Тарик», 1943, № 3—4.
[23] Там же.
[24] *Халед Багдаш*. Оригинальный писатель. «Ат-Тарик», 1946, № 10.

# О ПЕРВОМ ПЕРЕВОДЕ КОМЕДИЙ М. Ф. АХУНДОВА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

*Б. Л. КАНДЕЛЬ*

В русской и советской литературе, а также в статьях зарубежных ученых об Ахундове указывается, что европейские востоковеды впервые познакомились с творчеством М. Ф. Ахундова по персидским переводам его пьес, опубликованным в 1874 г. в Тегеране Мирзой Джаффаром Карадаги, а переводы этих пьес на западноевропейские языки появляются якобы только в 80-х годах XIX в. К этому же времени относят и первые переводы комедий Ахундова на немецкий язык [1].

На самом деле одна из лучших комедий Ахундова «Мусье Жордан, ботаник, и дервиш Масталишах, знаменитый колдун» была опубликована в немецком переводе уже в 1852 г., через год после появления комедии на русском языке в газете «Кавказ» (1851, № 15, 16 и 17).

В берлинском журнале «Magazin für die Literatur des Auslandes», от 14 августа 1852 г., № 98 появилась анонимная статья об М. Ф. Ахундове, озаглавленная «Татарский комедиограф». Автор, ссылаясь на газету «Кавказ», пишет о завершении в Тифлисе нового великолепного здания театра и появлении «драматического гения, татарского Мольера, имя которого заслуживает упоминания также и за узкими пределами его родины. Это имя Мирза Фет-Али Ахундова, татарина по рождению и воспитанию, но знакомого также с европейской наукой и культурой, свидетельством чего является его избрание членом географического общества в Тифлисе, а еще больше — его произведения. Обе его комедии, с которыми мы познакомились по сделанному им самим русскому переводу, полны оригинальных черт, счастливого юмора и острой наблюдательности и развертывают перед нами такую живую картину своеобразных нравов и обычаев Востока, которые можно найти лишь в романах Морье и Фрезера».

---

[1] См., например: «Мирза Фатали Ахундов». БСЭ, изд. 2, т. 3, 1950, стр. 572; *М. Ф. Ахундов*. Сочинения. Тбилиси, 1938, стр. 313—314 (комментарий А. Шарифа); *А. Е. Кримський*. Перський театр, звидки вин узявсь и як розвивавсь. Київ, 1925, стр. 83—86; Рецензию В. А. Жуковского на издание «Neupersische Schauspiele von Muhaemmaed Gaefer Qaragadagi im persischen Texte». Hrsg. von Prof. Dr. Ad. Wahrmund. H. 1. Monsieur Jaurdan, der Pariser Botaniker, im Qarabag. Wien. A. Hölder, 1889. ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 129—132; рецензию за подписью Н. Е. на это же издание в «Literarisches Zentralblatt für Deutschland», 1890, № 15, S. 520—522; *C. Huart*. Fatḥ-ʿAlī Ākhun-zāde. Encyclopädie des Islam. 18 Lieferung, Leiden — Leipzig, 1913, S. 87; *h. Tağıev*. М. Ф. Ахундов һаггында библиографија (1847—1947-чи илләр). Бакы. 1948, 112 стр. *Г. Гусейнов*. Философские взгляды М. Ф. Ахундова (Баку, Азернешр, 1942, стр. 101—103). *F. Qasimzadə*. M. F. Axundov. həjat və jaradıçılıqı. Bakı, 1939.



Считая, что пьесы Ахундова нельзя измерять европейскими масштабами, автор статьи признает, что Ахундов, наряду с другими заслугами, обладает также известными познаниями о театральных эффектах: развязку одной из своих комедий он самым неожиданным образом связывает с французской февральской революцией, отголоски которой достигли даже самых отдаленных уголков Кавказа. После пересказа содержания пьесы «Мусье Жордан, ботаник, и дервиш Масталишах, знаменитый колдун» автор указывает, что полный перевод комедии должен в ближайшее время появиться в журнале «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», издаваемом Эрманом, к которому и отсылает читателей.

Эта статья привлекла внимание русской печати, и в 1853 г. в газете «Русский инвалид» № 8 от 11 января за подписью П. А. было напечатано краткое сообщение о ней под заглавием «Мнение иностранца о Закавказской литературе и разбор татарской комедии. „Г. Жордан, собиратель трав, и волшебник Масталихан"».

В берлинском журнале «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland» обещанный перевод комедии Ахундова появился в 1852 г. в томе 11. Переводу предшествует небольшая заметка, в которой автор, пожелавший остаться неизвестным, дает еще более высокую оценку творчеству Ахундова. Приведя взятые из газеты «Кавказ» сведения о том, что Ахундов — уважаемый татарский ученый и деятельный член Кавказского отделения Русского географического общества, автор статьи переходит к характеристике двух пьес, уже упомянутых в статье журнала «Magazin für die Literatur des Auslandes», и замечает, что обе комедии Ахундова «являются в высшей степени замечательным вкладом в историю нравов восточных народов».

После подробного пересказа комедии «Молла Ибрагим Халил, обладатель волшебного камня», автор статьи и переводчик пишет: «Если уже эта маленькая комедия проникнута истинно аристофановским юмором, то вторая пьеса, действие которой также происходит в Закавказье, еще более интересна, ибо в ней автор смело и оригинально использует парижскую февральскую революцию для построения развязки. Поэтому, учитывая совершенно новые черты, проявляемые здесь восточной литературой, мы не видим необходимости оправдываться в том, что полностью передаем комедию нашим читателям».

После вступительной статьи дается полный перевод комедии «Мусье Жордан, ботаник, и дервиш Масталишах, знаменитый колдун», причем на стр. 427 переводчик в примечании указывает, что он всюду давал «буквальный» перевод. Мы не ставим себе задачей исследование этого перевода, сделанного с русского языка. Следует лишь отметить, что перевод действительно точный, написанный хорошим литературным языком.

Журнал «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», в котором был напечатан перевод пьесы Ахундова, выходил с 1841 по 1865 г. в Берлине, по одному тому (по четыре выпуска) в год. Всего вышло 25 томов.

В «Архиве» помещались самые разнообразные сведения о России; в нем печатались оригинальные статьи, но главным образом переводы из русских литературно-художественных, общественно-политических и научных журналов, а также из некоторых газет. Материалы, публикуемые в журнале, подразделялись на четыре раздела: физико-математические и историко-лингвистические науки, промышленность и торговля, общелитературный отдел.

«Архив» живо интересовался литературой как русской, так и других народов населявших Россию, и поместил ряд обзорных статей, посвященных отдельным писателям, произведениям и журналам. В их числе можно указать статьи «Новейшая русская литература», о лекциях Греча по русской литературе, рассказах графа Сологуба, стихотворениях Лермонтова, Радищева, «Библиотеке для чтения» и т. д. Часть этих статей помещена без подписи; подписанные оригинальные статьи по литературе принадлежат двум авторам: Вильгельму Шотту (W. Schott) и Фредерику Лёве (F. Löwe)[2].

---

[2] Мы не берем в расчет единственную статью Варнгагена фон-Энзе «Новейшая русская литература», помещенную в первом томе «Архива».

Кем же написаны статьи об Ахундове и кто является переводчиком его пьесы? Наиболее вероятно, что автором статей и перевода является Вильгельм Шотт (1807—1889), выдающийся ориенталист, с 1838 г.— профессор восточноазиатских языков в Берлинском университете. Шотту принадлежит ряд работ по финским и тюркским языкам. Ему, знатоку также русского языка и литературы, принадлежит большинство подписанных в «Архиве» статей о русской литературе, фольклоре и этнографии народов России.

Естественно предположить, что именно такой выдающийся знаток России и восточных языков обратил внимание на опубликованные на русском языке пьесы Ахундова и занялся их пропагандой в Германии. Однако это только предположение, так как никаких указаний об авторстве Шотта нам не удалось найти.

Для интересующей нас цели даже не столь важно установить имя переводчика и автора заметки об Ахундове. Важно и несомненно, что одна из пьес Ахундова была переведена на немецкий язык еще в 1852 г., т. е. на 30 лет раньше того года, к которому обычно относились переводы. Вместе с тем этот перевод является не только первым немецким переводом, но и вообще первым переводом пьес Ахундова на западноевропейские языки.

Статьи об Ахундове и перевод его пьесы свидетельствуют о большом и давнишнем интересе к творчеству Ахундова далеко за пределами его родины.

# НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

## ДИСКУССИЯ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОКА

В ноябре 1955 — марте 1956 г. на заседаниях исторической секции Ученого совета Института востоковедения АН СССР происходила оживленная дискуссия по проблемам периодизации истории Востока. Доклад о периодизации новой истории стран зарубежного Востока в рамках всеобщей истории сделал д-р ист. наук И. М. Р е й с н е р. Содоклад о периодизации новой истории Японии в связи с периодизацией всеобщей истории сделал д-р ист. наук А. Л. Г а л ь п е р и н. В прениях выступило 15 человек. Итоги дискуссии подвел председатель исторической секции Ученого совета д-р ист. наук Б. Н. З а х о д е р.

В своем докладе И. М. Р е й с н е р подчеркнул большое теоретическое и практическое значение обсуждаемого вопроса в связи с предстоящей работой по написанию учебника новой истории стран зарубежного Востока. Период XVII—XVIII вв. для передовых стран Востока (Египет, Сирия, Индия, Китай, Япония) являлся, по мнению докладчика, периодом разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. В качестве основы для периодизации новой истории стран Востока И. М. Рейснер считает те рубежи, которые поставлены общим процессом всемирной истории, сменой феодализма капитализмом во всемирном масштабе. «И я считаю,— сказал он,— что с нашей точки зрения, с точки зрения людей, которые заняты историей большей части человечества, нам близка как всемирноисторический рубеж, как начало новой истории, не английская, а французская буржуазная революция, так как до 1789 г. лишь незначительная часть азиатских стран была насильственно вовлечена в орбиту мировой истории».

Докладчик утверждает, что капиталистический уклад на Востоке зарождается лишь в конце XIX — начале XX в., когда на Западе капитализм переходит в империализм, т. е. загнивающий капитализм, и что это создает затруднение и непримиримое, на первый взгляд, противоречие между существующей периодизацией истории капиталистического Запада и периодизацией Востока. Но в действительности капитализм появляется в Азии не только в результате внутреннего развития, но и в форме колониального грабежа, эксплуатации — неизбежного спутника всемирно-исторического развития капитализма. Страны Востока становятся составной частью мирового капиталистического хозяйства, развитие которого невозможно без эксплуатации огромной колониальной периферии. Для XVIII и начала XIX в. еще характерно вовлечение стран Востока в мировой товарооборот, а для эпохи империализма — вовлечение их в само капиталистическое производство и подчинение их экономики действию основного экономического закона современного капитализма. Отсюда докладчик делает вывод о необходимости начинать новую историю стран Востока со времени их насильственного открытия и колониального порабощения. Таким рубежом, совпадающим с завершением промышленной революции в Англии, докладчик считает французскую буржуазную революцию 1789 г.

Новую историю отдельных стран зарубежного Востока И. М. Рейснер предложил начинать со времени их колониального подчинения, например: Китая — с опиумных войн, Индии — со времени утверждения европейцев в Бенгалии и т. д.

Первым рубежом внутри новой истории стран Востока докладчик считает народные движения XIX в.: восстание бабидов в Иране, сипайское восстание в Индии, тайпинское — в Китае и т. д. Эти восстания, по мнению И. М. Рейснера, дали толчок для создания предпосылок или развития капиталистических отношений.

Вторым рубежом внутри новой истории стран Востока И. М. Рейснер считает франко-прусскую войну и Парижскую Коммуну, за которыми следует перерастание промышленного капитализма в империализм. В странах Азии в это время зарождается пролетариат, развивается буржуазия. Третьим рубежом докладчик считает русскую революцию 1905—1907 гг., с которой начинается эпоха пробуждения Азии. В период 1905—1914 гг. на Востоке, как и на Западе, по мнению И. М. Рейснера, созрели предпосылки общего кризиса капитализма.

И. М. Рейснеру было задано много вопросов для уточнения выдвинутых в его докладе положений.

Выступивший после И. М. Рейснера с содокладом А. Л. Гальперин отметил, что в имеющихся монографиях и учебных пособиях по всеобщей истории существует недопустимый разнобой в периодизации новой истории. Раньше в учебниках для вузов новая история начиналась с французской революции 1789 г., а теперь — с английской 1640 г., В первых томах БСЭ (статьи: «Великобритания», «Германия» и др.) термин «новая история» заменен термином «период утверждения, победы и разложения капитализма». Г. В. Ефимов начинает новую историю Китая с 1644 г., М. С. Иванов — новую историю Ирана с 1789 г., Х. Т. Эйдус — новую историю Японии с 1868 г. и т. д. А. Л. Гальперин призывает установить единую, строго научную периодизацию новой истории Востока, но отмечает такие трудности на этом пути, как недостаточная изученность каждой в отдельности страны Востока и особенно общих им закономерностей развития: прочность феодальных отношений, слабое развитие городов и буржуазии и т. д. Самым трудным при написании новой истории стран Востока, по мнению А. Л. Гальперина, является вопрос об изучении генезиса капитализма до прихода европейцев, об их влиянии на дальнейшее развитие капиталистических отношений на Востоке.

А. Л. Гальперин, в противовес И. М. Рейснеру, считает необходимым начинать новую историю стран Востока с английской буржуазной революции 1640 г.

Переходя к вопросу о периодизации новой истории Японии, А. Л. Гальперин отметил, что революция в Японии произошла на полсотни лет раньше, чем в других странах Востока, т. е. одновременно с переходом к капитализму таких европейских государств, как Германия, Россия, Италия и другие. Он отметил существующие разногласия по вопросу о начале новой истории Японии, имеющие место в японском секторе института. Только он и д-р эконом. наук М. И. Лукьянова считают исходной датой новой истории Японии 1640 г. (объединение страны и реставрация феодальных порядков), остальные датируют новую историю Японии с революции Мэйдзи— 1868 г. Для обоснования защищаемой им периодизации А. Л. Гальперин подчеркнул, что она основана на принципе победы и утверждения новой общественно-экономической формации в наиболее передовой на данном этапе стране. Началом новой истории во всемирном масштабе и для каждой отдельной страны он считает английскую буржуазную революцию 1640 г., хотя и в самой Англии в это время еще существовала мануфактурная стадия капитализма. Точно так же и новейшую историю мы начинаем с Великой Октябрьской социалистической революции, мы говорим о социалистической эре, хотя в 1917 г. социализм победил только в одной стране.

Выступивший в прениях канд. ист. наук Г. Г. Котовский поддержал позицию А. Л. Гальперина в вопросе об исходной дате новой истории Востока и отметил, что И. М. Рейснер не аргументировал свою точку зрения по этому вопросу. Ссылаясь на недостаточную изученность отдельных стран Востока и отсутствие в монографиях по их истории терминов «древняя», «средневековая», «новая история» такой-то страны, Г. Г. Котовский предложил монографии по истории отдельных стран Востока озаглавливать: «История Китая в новое время», «История Индии в новое время» и т. д.



В качестве доводов против периодизации новой истории стран Востока с французской буржуазной революции 1789 г. Г. Г. Котовский указал, что в Индии, например, даже в первой половине XIX в. еще не было капиталистического уклада и зачатки его были незначительны. Индия в то время, по мнению Г. Г. Котовского, пребывала еще в стадии позднего феодализма. Г. Г. Котовский не согласен также начинать новую историю отдельных стран Востока с момента их насильственного открытия и колониального порабощения.

Канд. ист. наук И. Я. Златкин, как и Г. Г. Котовский, признает неубедительной аргументацию И. М. Рейснера в защиту 1789 г. как даты начала новой истории Востока. К этому времени лишь немногие страны Азии были насильственно включены в орбиту мирового рынка. Остальные народы Востока, где капиталистический уклад еще не сложился, по концепции И. М. Рейснера, вовсе миновали период новой истории. Таким образом, получается, что одна группа стран Востока прошла через период новой истории, другая, минуя этот период, из средних веков сразу перешла в новейшую историю.

Рубежом новой истории И. Я. Златкин считает 1640 г.— начало эпохи капитализма во всем мире, хотя для каждой в отдельности страны Востока степень развития его различна. По мнению И. Я. Златкина, недостаток периодизации И. М. Рейснера заключается также в том, что критерием для Запада он признает коренное изменение в базисе, повлекшее за собой классовый конфликт, революцию, утверждение нового, капиталистического строя, а для Востока—фактор внешнего порядка, порабощение его капиталистическим Западом.

Канд. ист. наук П. П. Топеха охарактеризовал периодизацию И. М. Рейснера как попытку перекинуть мост между периодизацией всемирной истории и периодизацией истории стран Востока, как стремление подстегнуть развитие капиталистических отношений на Востоке вовлечением его в сферу мирового рынка. Считая периодизацию И. М. Рейснера в научном отношении несостоятельной, П. П. Топеха поддержал предложение датировать начало новой истории Востока 1640 годом. Он аргументировал свою позицию ссылкой на периодизацию, принятую японскими историками-марксистами: с XII до середины XVI в.— средние века, или ранний феодализм; с середины XVI в. до середины XIX в.— новое время, или поздний феодализм, его разложение и вызревание капиталистического уклада.

Канд. ист. наук А. Т. Якимов присоединился к мнению большинства участников дискуссии, считающих, что английская буржуазная революция открывает период новой истории и для стран Запада и для стран Востока. Вместе с тем он поддержал тезис И. М. Рейснера о том, что насильственное открытие и подчинение стран Востока явились важной вехой в их истории. А. Т. Якимов считает, что вовлечение стран Востока в орбиту мирового капиталистического рынка, эксплуатация их капиталистической метрополией явились важным моментом в развитии классовой борьбы колониальных народов. В качестве примера он сослался на Монголию, где капиталистические отношения отсутствовали, но которая в последней четверти XIX в. была вовлечена в орбиту капиталистического рынка. С этого момента монгольские скотоводы стали подвергаться не только гнету своих феодалов, но и капиталистической эксплуатации при посредстве иностранных торговых фирм и китайской компрадорской буржуазии. Классовая борьба скотоводов Монголии приняла с этого времени уже другую форму: они боролись и против феодалов и против капиталистов. Это, по мнению А. Т. Якимова, знаменовало новый период в истории Монголии.

Канд. ист. наук Н. М. Гольдберг выступил в защиту и с обоснованием даты 1789 г. для начала новой истории стран Востока. По его мнению, последствия английской революции (как и нидерландской) сказались на Востоке в полной мере к концу XVIII в., т. е. ко времени французской буржуазной революции, когда завершился промышленный переворот в Англии, образовалась буржуазная республика — США. Капитализм стал силой, оказывающей решающее влияние на ход мировой истории.

Канд. ист. наук С. В. Горелик отметила, что установление единого рубежа новой истории Востока и всемирной истории имеет большое значение для научной ра-

боты и преподавания истории Востока в вузах. Это даст возможность обобщать материал, раскрывать историю данной страны в свете общих закономерностей. С. В. Горелик подчеркнула важность предложений И. М. Рейснера относительно внутренних факторов новой истории Востока (крестьянские восстания XIX в., пробуждение Азии в начале XX в.) как определенных закономерностей, отражающих особенности развития колониальных и полуколониальных стран.

Канд. ист. наук Лю Юн-ань отметил отсутствие единой точки зрения по вопросам периодизации истории как в СССР, так и в других странах. Он рассказал о дискуссии, которую ведут китайские историки по вопросам периодизации древней и средневековой истории Китая. Однако, подчеркнул Лю Юн-ань, они пришли к единодушному мнению, что новую историю Китая надо начинать с 1840 г. По мнению Лю Юн-аня, 1644 г. не может быть датой начала новой истории Китая потому, что тогда произошла лишь смена одной феодальной династии — Мин другой династией — Цин, без каких-либо изменений в социально-экономическом строе Китая. В 1840 г., с вторжением в Китай иностранных колонизаторов, произошли серьезные изменения в области экономики, классов и культуры Китая. Усилились разложение феодализма и развитие капитализма, Китай начал превращаться в полуколониальную страну.

В вопросе о периодизации всемирной истории Лю Юн-ань присоединяется к тем, кто считает началом новой истории английскую революцию 1640 г. Для установления внутренней периодизации новой истории он предлагает разбить все страны на две группы: 1) Англия, США, Франция, Германия, Япония и другие более развитые капиталистические страны; 2) Китай, Индия, Индонезия, Бирма, Афганистан и другие страны, где преобладали феодальные отношения и которые впоследствии превратились в зависимые страны. Началом новой истории в первой группе стран он предлагает считать победу капитализма (1640 г. в Англии, 1789 г. во Франции, 1848 г. в Германии и т. д.), а во второй группе — развитие капитализма или их колониальное подчинение. Лю Юн-ань предусматривает возможность создания, для удобства периодизации, еще одной или нескольких групп государств, объединенных общими или сходными условиями их развития.

Канд ист. наук А. И. Левковский тоже считает, что новую историю во всемирном масштабе надо начинать с английской революции 1640 г. Периодизацию новой истории отдельных стран Востока А. И. Левковский предлагает проводить в соответствии с воздействием на них законов развития капитализма, наряду с анализом социально-экономического положения данной страны в определенную историческую эпоху: первый период — эпоха первоначального накопления капитала от английской революции 1640 г. до французской революции 1789 г., еще лучше, до окончания наполеоновских войн; второй период— превращение стран Востока в рынки сбыта и источники сырья—от французской революции 1789 г. до конца XIX в.; третий период—эпоха империализма, когда почти все страны мира становятся звеньями единой капиталистической системы, с конца XIX — начала XX в. до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Канд. эконом. наук Г. В. Астафьев считает, что рубежом новой истории для стран Востока скорее может быть не английская, а французская буржуазная революция, так как капитализм стал оказывать значительное влияние на страны Востока лишь после завершения промышленной революции в Англии, т. е. во второй половине XVIII в. Вместе с тем Г. В. Астафьев оспаривал тезис И. М. Рейснера, считающего, что новую историю каждой в отдельности страны Востока надо начинать с ее насильственного открытия и втягивания в сферу мирового капиталистического рынка. По мнению Г. В. Астафьева, термины «открытие», «подчинение», «порабощение» не идентичны, они не охватывают внутренних процессов развития стран Востока и целиком подчиняют вопросы периодизации внешнему фактору. Г. В. Астафьев подвергает сомнению обоснованность 1840 г., т. е. даты первой опиумной войны, как начало новой истории Китая, так как при этом не учитывается внутренний фактор — развитие капиталистических отношений в Китае, начавшееся еще в эпоху Мин, задержанное маньчжурскими



завоеваниями и возобновившееся с XVIII в. Отмечая, что антифеодальная крестьянская революция в Китае (Тайпинское восстание) в большой степени дала толчок развитию капитализма в Китае (появление машинной промышленности и бюрократического капитала), Г. В. Астафьев выдвигает вопрос о том, что, возможно, закономернее считать именно это событие началом новой истории Китая.

Чл.-корр. АН СССР А. А. Губер отметил в качестве положительного результата дискуссии сближение точек зрения в вопросе о дате начала новой истории во всемирном масштабе.

Критикуя высказывания в пользу французской революции, как даты начала новой истории, А. А. Губер напомнил, что новейшая история всеми датируется с Великой Октябрьской социалистической революции, хотя она победила в одной стране мира и сейчас еще имеются страны, где существуют не только феодальные, но и дофеодальные отношения. Вместе с тем теперь даже движение отсталых племен против империализма рассматривается как составная часть мировой социалистической революции. Считая правильным новую историю стран Востока начинать с английской революции 1640 г., А. А. Губер сказал, что при глубоком изучении стран Востока в это время, т. е. до прихода европейцев, мы обнаружим в некоторых из них элементы разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. Если же начинать новую историю Востока от французской революции, то страны Востока, в которых к этому времени уже начался процесс внутреннего развития капиталистических отношений и которые уже подверглись воздействию внешних факторов, оказываются в известной мере более отсталыми, чем они были за сто лет до французской революции. И тогда у нас европейский капитализм невольно превращается в ту магическую палочку, которая помогла этому, задержавшемуся в своем развитии, обреченному на вечный феодализм Востоку перейти на путь капиталистического развития со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими последствиями. Если же мы начнем новую историю стран Востока с английской революции, мы покажем внутренний процесс их развития и воздействие капиталистических стран.

А. А. Губер подверг критике также предложение начинать периодизацию новой истории с великих географических открытий.

Д-р ист. наук К. А. Антонова полемизировала с И. М. Рейснером по вопросу о развитии капитализма в Индии до прихода англичан. Она сказала, что до сих пор не знает фактов, подтверждающих наличие капиталистических отношений в Индии того времени, что этот вопрос еще требует глубокого исследования. К. А. Антонова подвергла критике утверждение И. М. Рейснера о том, что в Индии, накануне прихода англичан, происходило разложение феодализма, но еще не было ростков капитализма, что между этими двумя процессами существует какой-то промежуток во времени. В то же время К. А. Антонова присоединилась к мнению И. М. Рейснера, что французская революция 1789 г. положила начало новой истории стран Востока и назвала несостоятельными возражения против этой даты, мотивируемые тем, что Индия якобы уже в XVII в. была вовлечена в мировой рынок.

Отвергая эту аргументацию, К. А. Антонова кратко охарактеризовала англо-индийскую торговлю до и после французской буржуазной революции конца XVIII в. Вначале корабли английской Ост-Индской компании собирались от путешествия к путешествию. После продажи привезенных из Индии товаров компания часто распадалась и создавалась в новом составе. Каждое такое путешествие было связано с огромным риском. Недаром английские купцы сами называли себя купцами-авантюристами. Факторий вначале не было, и поэтому закупался только тот товар, который был в данный момент в наличии.

В конце XVIII в. англичане имели многочисленные фактории в Индии; установилось регулярное сообщение с Англией, а самое главное, Англия сама стала выступать в качестве продавца своих товаров на индийском рынке, а не только в качестве покупателя индийских товаров. С этого времени, т. е. с конца XVIII — начала XIX в., можно говорить о вовлечении Индии в мировой рынок.

К. А. Антонова поддержала также тезис И. М. Рейснера о том, что при написании

истории каждой отдельной страны надо исходить из переломного момента для данной страны. Таким переломным моментом для Индии К. А. Антонова, как и И. М. Рейснер, считает завоевание ее англичанами.

Д-р ист. наук Х. Т. Эйдус присоединился к мнению, что начинать новую историю во всемирном масштабе следует с английской революции. Но он возражал против предложения А. Л. Гальперина начинать новую историю всех стран Востока с общей даты. Для таких стран, как Индия, Китай, Иран и другие, новая история начинается, по мнению Х. Т. Эйдуса, с момента их включения в орбиту мирового капиталистического рынка.

Кандидаты ист. наук Э. Н. Комаров, Л. Р. Гордон и А. И. Валуйский в своих выступлениях тоже поддержали основные положения периодизации, высказанные А. Л. Гальпериным.

В заключительном слове А. Л. Гальперин выразил удовлетворение, что большинство участников дискуссии высказались за то, чтобы исходной датой периодизации всемирной истории была принята английская революция 1640 г. Он предложил принять идею Г. Г. Котовского — называть монографии по новой истории стран Востока: «История Китая в новое время», «История Индии в новое время» и т. д. Недостаток дискуссии А. Л. Гальперин видит в том, что никто, кроме индоведов, не касался или мало касался, вопросов генезиса капитализма в странах Востока в связи с периодизацией. Однако он подверг сомнению правильность высказывания некоторых индоведов, будто капиталистический уклад в Индии даже в середине XIX в. еще не сложился, и сослался в подтверждение на работу чл.-корр. АН СССР Н. И. Конрада «Средние века в исторической науке» (в сборнике в честь акад. В. П. Волгина), где говорится, что элементы капитализма зарождались на Востоке раньше, чем на Западе, а также на работы китайских ученых. Основной вывод, который сделал А. Л. Гальперин, сводится к тому, что для разработки правильной периодизации необходимо еще серьезное изучение экономической истории стран Востока.

И. М. Рейснер в заключительном слове отстаивал основные, выдвинутые им в докладе положения и привел в защиту их новые аргументы. Он отвергал в качестве рубежа для новой истории английскую революцию 1640 г. из тех соображений, что эта революция не была классической, в ней буржуазия выступала в блоке с обуржуазившимся дворянством; революция привела к торжеству лишь ранних форм капитализма мануфактурного типа; только через 120—150 лет после революции в Англии завершился промышленный переворот, а в большинстве стран феодализм еще развивался; в области идеологии революция выступала в религиозной, а не в светской, рационалистической, атеистической форме. Французская революция проходила на более высокой ступени развития капитализма — в период промышленного переворота в Англии. Она закончилась полным уничтожением феодализма; она проходила, когда кризис феодальной системы уже наступил в большинстве стран Европы; она воплотила идеи нарождающейся буржуазии.

Английская революция, по мнению И. М. Рейснера, неприемлема в качестве рубежа для периодизации истории стран Востока, так как период первоначального накопления длился с эпохи географических открытий до конца XVIII в. Введение в периодизацию английской революции необоснованно разрывает целую эпоху определенных форм колониальной эксплуатации.

Полемизируя с участниками дискуссии, которые упрекали его в том, что в основу периодизации он берет внешний фактор — колониальную политику, И. М. Рейснер сказал, что колониальная политика может в какой-то мере считаться внешним фактором в эпоху первоначального накопления капитала. Но в эпоху промышленного капитализма, а тем более империализма все эти явления глубоко проникли в экономику колониальных и зависимых стран, определяют в значительной мере характер классовой борьбы, главную задачу этих народов — борьбу за национальную независимость. В подтверждение своей точки зрения И. М. Рейснер напомнил, что все китайские историки-марксисты признают началом новой истории Китая опиумные войны, положившие начало порабощению Китая иностранным империализмом.



Итоги дискуссии подвел д-р ист. наук. Б. Н. Заходер. Он отметил положительное значение обмена мнениями по вопросам периодизации истории Востока и высокий идейный уровень выступлений. Недостатком дискуссии Б. Н. Заходер считает, что не все секторы приняли в ней участие (не выступали арабисты, кореисты и т. д.), что выступавшие приводили мало нового фактического материала, а поэтому и выводы дискуссии не могут быть достаточно убедительными и конкретными.

Спорным на дискуссии оказался вопрос о начале новой истории стран Востока. Большинство участников не согласились принять такой датой 1789 год (французская буржуазная революция), а приняли 1640 г. (английская буржуазная революция).

Б. Н. Заходер считает правильным высказывание И. М. Рейснера, что к началу проникновения европейцев в Азию в некоторых азиатских странах начался процесс разложения феодализма и становления ранних капиталистических отношений.

Менее убедительным Б. Н. Заходер считает периодизацию И. М. Рейснером новой истории стран Востока со времени их колониального порабощения или насильственного открытия. Б. Н. Заходер считает более правильным в основу периодизации истории страны брать внутренние процессы и события.

«Вывод из всего сказанного может быть только один,— резюмировал Б. Н. Заходер.— Понятие новой истории включает как главный и определяющий признак начало капиталистического способа производства, распространившегося территориально за пределами тех стран, где он возник первоначально и где первоначально страны перешли к капиталистическому способу производства». Отметив далее наше отставание в изучении раннего влияния капиталистического способа производства на страны Востока, Б. Н. Заходер обратил внимание на необходимость учитывать также и это влияние при разработке периодизации истории Востока.

Б. Н. Заходер считает, что предстоит еще большая работа по установлению начального периода новой истории каждой страны Востока.

Вопрос о внутренней периодизации новой истории стран Востока, сказал Б. Н. Заходер, оказался наименее разработанным на дискуссии. При разработке его следует учитывать не только экономическую историю стран Востока, но и социально-политическую, особенно освободительную борьбу.

Дискуссия выявила необходимость глубокой работы по изучению истории стран Востока и тщательного рассмотрения вопросов периодизации.

*Д. Р. Вобликов*

---

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК[1]

Институт востоковедения Чехословацкой Академии наук состоит из четырех основных отделений: Ближнего Востока в древнее время; Ближнего Востока в средние века и новое время; Индии и Средней Азии; Дальнего Востока.

Отделение Ближнего Востока в древнее время в 1955 г. было занято исследованием общественных отношений в странах Ближнего Востока в древние века. Этой тематике посвящены двухтомный труд акад. Франтишека Лексы «Общественная жизнь в древнем Египте» и исследование И. Клима о наследстве в эламском и угаритском праве, ныне законченное и подготовленное к опубликованию. Л. Черный подготовил издание кли-

[1] Данное сообщение о научной работе Института востоковедения Чехословацкой Академии наук в 1955 г. и о тематике научных исследований в 1956 г. написано заместителем директора института Ладиславом Згуста и любезно прислано для опубликования в нашем журнале (*Ред.*).

нописных таблиц третьей династии Ур, хранящихся в Праге. Издание состоит из автографированных копий, транскрипции, переводов и комментариев.

В области лингвистики Ближнего Востока в древнее время также появилось несколько трудов. В журнале «Архив Ориентальни» публикуются исследования В. Чигаржа о хеттском синтаксисе (синтаксис междометий и падежей). С. Сегерт произвел подробный анализ рукописи Хабакука, найденной недавно в Палестине. Л. Згуста напечатал исследование о собственных именах из надписей греческих городов Северного Черноморья. К тематике Малой Азии относится его статья о толковании лидийских надписей в Малой Азии.

В отделении Ближнего Востока в средние века и новое время под руководством Яна Рипки подготавливается коллективный труд по вопросам истории персидской и таджикской литератур. В книге, кроме исследования Яна Рипки по персидской и таджикской литературе, будут помещены работы: О. Клима—история древнеперсидской и авестийской литературы; В. Кубичковой — история персидской литературы 20-х годов и исследование И. Цейпека об устном народном творчестве в Иране. О. Клима подготовил к изданию монографию о жизни и творчестве персидского общественного реформатора Маздака, а также грамматику еврейского языка. С. Сегерт написал грамматику древнеарамейского языка. И. Грбек готовит свод арабских источников о славянах и славянских странах с подробными комментариями. М. Шаки подготовил работу по фразеологии и идиоматике новоперсидского языка. Ц. Горачек занимался исследованием вопроса об экономическом ущербе, нанесенном Чехии и Моравии во время турецкого нашествия 1529 г.

На этом же отделении изучаются также языки народов Африки. К. Ружичкой подготовлена для издания обширная статья о морфологии и синтаксисе инфинитива в языках банту.

В отделении Индии и Средней Азии П. Поуха работает над трудом «Institutiones linguae tocharicae», первый том которого — «Thesaurus linguae tocharicae, Dialectia» уже опубликован. Кроме того, он издал перевод монгольской хроники «Сокровенное сказание». Э. Геролд подготовил работу о древнеиндийском обществе. К. Звелебил, изучающий дравидийские языки, напечатал совместно с О. Шварны статью о так называемых церебральных согласных в тамильском языке. М. Оплт составил учебник индонезийского языка.

Большим успехом отделения Дальнего Востока является издание книги акад. Ярослава Прушека «Literature osvobozené Číny a její lidové tradice» (Литература освобожденного Китая и ее народные традиции). Книга переведена на немецкий язык. Исследование Ярослава Прушека о народных повестях и романах времен Сунской и Юаньской династий опубликовано в журнале «Архив Ориентальни». Акад. Прушек опубликовал также перевод повестей Пу Сун-лина. Историей китайской литературы занимается и Б. Кребсова: она подготовила статью об исторических повестях Лу Синя и Го Мо-жо. Кроме того, Б. Кребсова перевела повести Лу Синя, которые были затем изданы в двух сборниках. Я. Калоускова занимается исследованием китайского языка. Первая ее работа касается китайских глаголов-предлогов. О. Шварны занимается исследованием музыкального ударения в китайском языке. И. Бартушек собирал во Вьетнаме материал по лексике вьетнамского языка.

В настоящем обозрении мы ограничились главными научными работами сотрудников Института востоковедения. Много изданий вышло также из-под пера работников соответствующих факультетов Карлова университета. Деятельность института была направлена, кроме того, на популяризацию научных знаний путем публичных лекций.

В 1955 г. успешно развивались научные связи института со странами Востока. Сотрудники института выезжали в длительные научные командировки в Китайскую Народную Республику, Монгольскую Народную Республику и Демократическую Республику Вьетнам. Кроме того, было организовано несколько научных командировок в Польшу, Венгрию, Францию и другие страны.

План института на 1956 г. заключается в следующем.

В отделении Ближнего Востока в древнее время будут изучаться наследственные





отношения в Вавилонии, экономические тексты периода третьей династии Ур и угаритская литература, в первую очередь стихи об Ахате и Керете. Будет также продолжено исследование хеттского синтаксиса и лексических напластований в языках древней Малой Азии, преимущественно на основании свода собственных имен.

Отделение Ближнего Востока в средние века и новое время должно закончить работу над арабскими источниками о славянах. Будут исследованы жизнь и деятельность Мани, на основании всех доступных источников. Начнется работа над второй частью истории турецких войн в Средней Европе, т. е. после 1566 г.

Готовится к печати критическое издание труда Низами «Mahzanu-l asrár'», а также идиоматический и фразеологический словарь персидского языка. В области африканистики продолжится исследование синтаксиса языков банту.

Строением древнеиндийского общества и анализом вопросов вины и наказания в буддизме займется отделение Индии и Средней Азии. В плане синтаксического анализа древнетамильских текстов начнется работа над эпосом Нарринаи. Из работ по индонезийской филологии ведется синтаксический анализ Седяран Малаю. Будет подготовлен к изданию второй том «Institutiones linguae tocharicae». На основании материалов, собранных в Монгольской Народной Республике, начнется разработка исторической и сравнительной грамматики монгольского языка.

Главной рабочей темой в отделении Дальнего Востока является разработка, под руководством акад. Прушека, истории китайской литературы периода 1919—1937 гг. Для этого изучаются работы китайских ученых и писателей — Ван Яо, Фэн Сюэ-фэна, Хуа Гана, Лу Синя, Мао Дуня, Го Мо-жо и других. Вместе с тем будет продолжена разработка лингвистических проблем (глагольное сказуемое, дальнейшее исследование ударения) и закончен учебник разговорного китайского языка. Акад. Прушек готовит исследование по древней истории Китая и несколько статей по истории литературы.

Поставлена задача изучения слов китайского происхождения в разговорном вьетнамском языке. Намечается исследование бирманского языка, в первую очередь анализ тонов и долгих гласных, а также изучение морфологии глагола.

Следует упомянуть о подсобных отделах института.

В фундаментальной библиотеке к концу 1955 г. имелось 36 тыс. томов, в среднем за год в библиотеку прибывает около 4 тыс. томов. Кроме того, в институте имеется библиотека имени Лу Синя, в основание которой легли книги, подаренные китайским правительством Чехословацкой республике в 1951 г. во время посещения КНР чехословацкой правительственной делегацией. В настоящее время библиотека насчитывает 33 тыс. томов китайских книг. С каждым годом ее фонд увеличивается на 3 тыс. томов.

В нашем институте существует также отдел библиографии. Сотрудники отдела систематически прочитывают и расписывают на карточки 214 востоковедных журналов. Сейчас имеется более 45 тыс. карточек библиографических выписок.

Таковы основные итоги, направление и перспективы научной работы Института востоковедения Чехословацкой Академии наук.

*Л. Згуста*

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

*Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья*, т. I, Наири-Урарту. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1954, 446 стр., II; *Урартские клинообразные надписи*. «Вестник древней истории», 1953, № 1—4, 1954, № 1, приложение; 340 стр., 10 илл.

Один из древнейших центров развитой культуры возник на территории Закавказья еще во втором тысячелетии до н. э. Интерес в нашей стране к изучению истории и цивилизации этого района, неразрывно связанного с цивилизациями Востока и, в частности, с ассиро-вавилонской и малоазиатской, возник уже в середине XIX в.

Открытие архивов клинообразных документов в Двуречье Тигра и Евфрата и их дешифровка дали серьезный толчок поискам и детальным исследованиям материалов на территории нашей родины.

Большой вклад в изучение истории и культуры Урарту внес родоначальник русской ассириологии и урартоведения М. В. Никольский. Работы М. В. Никольского [1] составили эпоху в деле ознакомления с языком, историей и культурой Закавказья. М. В. Никольский предпринял также первую удачную попытку включить Урарту в историю древнего Востока и тем самым — во всеобщую историю[2].

Наиболее полную сводку достигнутого в урартоведении за XIX в. и за первые четыре десятилетия XX в. дал Б. Б. Пиотровский [3].

Значительный вклад в урартоведческую науку сделали также К. П. Патканов и Г. А. Капанцян. Рецензируемый труд Г. А. Меликишвили — видного современного урартоведа — новый шаг вперед по систематизации и критическому освоению обширного материала, накопленного более чем за столетие.

В первом томе автор дает исследование, основанное на тщательном изучении всего накопленного урартского эпиграфического материала, многочисленных ассирийских надписей, имеющих отношение к Урарту, а также археологических данных, пополняющихся из года в год благодаря систематическим и успешным раскопкам, проводимым под руководством Б. Б. Пиотровского.

Первый том содержит «Введение» (стр. 5—12), шесть глав и заключение. Первая глава — «Страны Наири-Урарту (к вопросу о локализации отдельных областей и пунктов Наири-Урарту)» (стр. 13—69); вторая — «К вопросу об этническом составе

[1] См. *М. В. Никольский*. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. «Труды Восточной комиссии Московского археологического общества», т. I, вып. 3. М., 1893, стр. 375—453; *его же*. Клинообразные надписи Закавказья. «Материалы по археологии Кавказа», т. V., М., 1896.

[2] Подробнее о деятельности М. В. Никольского см. *Б. А. Тураев*. Ученые заслуги М. В. Никольского; см. также *Л. А. Липин*. М. В. Никольский — отец русской ассириологической науки. «Ученые записки ЛГУ», сер. востоковед. наук, вып. 4, № 179, 1954.

[3] *Б. Б. Пиотровский*. История и культура Урарту. Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1944.



населения Наири-Урарту и соседних с ним областей» (стр. 70—148), третья — «Наири-Урарту до возникновения урартского царства» (стр. 148—179), четвертая — «Наири-Урарту в эпоху Урартского царства» (стр. 180—321), пятая — «Материалы по социально-экономической истории Наири-Урарту» (стр. 322—364) и шестая — «Материалы по истории религии и культуры Наири-Урарту» (стр. 365—397). К первому тому приложен указатель собственных имен и географических названий (стр. 422—442), а также схематическая карта Наири-Урарту.

Перечень наименований глав свидетельствует о широте интересов автора и о большом охвате им наличных материалов. Известная неравномерность глав по объему может найти оправдание в самом материале источников. Если по политической истории Урартского царства в эпоху его расцвета сравнительно много памятников — местных, урартских и ассирийских, то по проблемам социально-экономического характера источников намного меньше, а по вопросам культуры и религии — еще меньше. Однако следует сразу же заметить, что социально-экономическим вопросам автор недостаточно уделил внимания, так как и из тех 42 страниц, которые он отвел социально-экономической проблематике, половина имеет отношение к другим вопросам.

Конечно, историки располагают главным образом официальными царскими надписями, которые имеют более или менее однообразный характер. В надписях, как правило, сообщается о военных походах урартийцев или о строительстве храмов, дворцов, каналов и т. д. Законов, юридических документов, частных писем пока не найдено. А извлечь данные по социально-экономической истории из официальных царских летописей крайне трудно. Однако то, что автор извлек из них, далеко не предел.

Очевидную ценность представляют для историков первая глава, посвященная локализации стран Наири-Урарту и установлению конкретного значения этого термина, и вторая, в которой характеризуется этнический состав населения Наири-Урарту и соседних областей.

Как известно, урартские и ассирийские источники, в которых описываются многочисленные грабительские набеги урартских и ассирийских полчищ на районы и области соседних стран, дают огромное количество древних географических названий, местоположение которых до сих пор полностью не выяснено [4]. Поэтому попытка Г. А. Меликишвили локализовать многие из этих названий является крайне важной, тем более, что он затрагивает не только Закавказье, но и более обширный район — Малую Азию, вплоть до южного побережья Черного моря, Сирию, северную Месопотамию, области Загра и даже западные районы Иранского нагорья. Установление местоположения многих пунктов, упомянутых в клинообразных источниках Урарту или Ассирии, помогает лучше разобраться в политической обстановке на древнем Востоке, а также в причинах ее напряженности в те или иные периоды.

В большинстве случаев отождествления Г. А. Меликишвили, построенные на умелом комбинированном сопоставлении данных различных источников, не вызывают возражений. Однако, слишком увлекаясь, автор иногда прибегает к натяжкам, как, например, в интерпретации географического термина «ХАБ-ХИ» . Ссылаясь на Форрера, автор отвергает прежнее чтение этих двух знаков как «Кил-хи», предпочитая новое чтение — «Хаб-хи», поскольку написание первого из них встречается раздельно в виде «ХА-АБ» Г. А. Меликишвили утверждает, что «„страна Хабхи“ ассирийских источников локализируется между Тигром и Ванским озером; простиралась она на запад вплоть до современного города Диярбекир, на востоке же она включала некоторую часть нагорного Загра, расположенную к северу от Ниневии» (т. I, стр. 25). Но в дальнейшем, пытаясь доказать, что область интересов Ассирии в XII—XI вв. до н. э. распространялась до южного побережья Черного моря, строит аргументацию и на том, что те же самые знаки из надписи Тиглатпаласара I (1115—1077), найденной в Юнджалу (возле Мелазгирта), к северу от озера Ван, следует читать не «Хаб-хи», а «Кил-хи». При

[4] Географии Ассирии и районов, в которые она проникала, посвятил свою работу Э. Форрер (*E. Forrer*. Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches. Berlin, 1920).

этом «Кил-хи» автор сопоставляет с Колхидой позднейших источников, делая вывод, будто Тиглатпаласар I дошел до Черного моря, поскольку такое чтение этих знаков позволяет автору отождествить ассирийские термины «Великое море» и «Верхнее море» с Черным морем.

К этому вопросу Г. А. Меликишвили возвращается и в третьей главе, где, однако, уже сам сомневается в возможности столь далекого похода ассирийского царя в ту раннюю эпоху. «Черное море,— пишет он,— а не Ванское озеро, хотя, как нам кажется, здесь скорее указывается направление преследования, чем то, что ассирийцы в преследовании побежденного врага дошли до самого моря — достичь из района Мелазгирта Черного моря — предприятие нелегкое и если ассирийцы на самом деле прошли бы этот путь и достигли берега моря, несомненно, об этом в надписи говорилось бы подробнее» (т. I, стр. 171). Очевидно, что Г. А. Меликишвили впадает в противоречие с самим собой.

Что касается текста, на который он опирается, то едва ли позволительно видеть в Черном море (если бы речь шла действительно о нем) лишь направление удара. Дело в том, что фразу «I šu-ši šarrâni$^{pl}$-ni mâtâti$^{pl}$ Na-i-ri—a-di ša a-na ni-ra-ru—ti-šu-nu il-li--ku-ni-na mul-mul-li-ja a-di tâmti e-li-ni-ti lû ar-di-šu-nu-ti» следовало бы перевести не «60 царей страны Напри и тех, кто пришел к ним на помощь, *я прогнал* [5] моим дротиком до Верхнего моря» (т. I, стр. 25), а «60 царей страны Наири вместе с теми, кто пришел к ним на помощь, я воистину преследовал своими стрелами вплоть до Верхнего моря».

Поскольку возможность появления ассирийских войск Тиглатпаласара I на черноморском побережье отвергается самим автором, а наш перевод предполагает, что ассирийский царь доходил до побережья какого-то крупного водного бассейна (моря или озера), то очевидно, как это делает без достаточных оснований Г. А. Меликишвили, в терминах «Великое море» и «Верхнее море», встречающихся в летописях Тиглатпаласара I, усматривать Черное моря нельзя.

Весьма важной, но запутанной проблеме посвящена вторая глава. Автор пытается установить этническую принадлежность населения древнего Закавказья и соседних областей. Знание урартского, ассирийского и кавказских языков в ряде случаев помогли Г. А. Меликишвили блестяще решить поставленную задачу. Он умело использовал лингвистические и ономастические данные.

Но иногда Г. А. Меликишвили грешит против истины, увлекаясь маловероятными гипотезами, на которые он опирается в дальнейшем как на установленные факты. Не вполне убедительной, например, кажется его попытка отождествить кашкайцев с абешлайцами (т. I, стр. 73 сл.). Сама методика исследования в данном случае нам представляется неправильной, так как предположение не есть доказательство.

Автор начинает свою аргументацию с предположения, что «кашки по своей этнической принадлежности, *по всей вероятности*, отличались от населения остальной, более значительной части Малой Азии, которая к этому времени была в основном уже занята племенами индоевропейского происхождения. Некоторые исследователи *считают*, что кашки говорили на протохеттском языке» (т. I, стр. 73). Г. А. Меликишвили рассуждает далее так: «Протохеттское население Малой Азии сохранилось во II тысячелетии, *очевидно*, главным образом на северо-восточной и вообще северной окраине Малой Азии, в прилегающих к Черному морю и Закавказью областях, и племена кашков, *как предполагают*, на самом деле, *возможно*, принадлежат к этому протохеттскому населению Малой Азии» (т. I, стр. 74).

Затем Г. А. Меликишвили пишет о близости кашков и северокавказского племени черкезов, которых древнегрузинские источники именуют «кашагами», а древнерусские — «косогами» и т. д.

Но особое удивление вызывает утверждение автора будто в ассирийских источниках засвидетельствован факт «употребления синонимами друг друга названий «kaš-

[5] Курсив всюду, где это не оговорено, наш. — *Л. Л.*



ka» и «abešla» (т. I, стр. 75). Это категорическое утверждение основано лишь на том, что в «надписи на призме» ассирийского царя Тиглатпаласара I говорится: «4000 *кашкайцев* (mâtKaš-ka-a-ja$^{meš}$) (и) урумейцев, непокорных людей хеттской страны, которые силой своей захватили поселения страны шубарту.» (курсив *Г. М.*), а в других надписях кашка не упоминаются, но зато упоминаются племена абешла. Например, «[...] урумейцев (и) *абешлайцев* mât a-bi-eš-la-a i-a$^{meš}$) непокорных людей страны хеттской, я схватил...» и т. д. На том основании, что рядом с урумейцами один раз упомянуты кашки, а в других случаях — абешлайцы [6], автор категорически заявляет: «Таким образом выясняется, что ассирийские источники употребляют вариантами друг друга названия «Кашка» (Kaška) и «Абешла» (abešla), название abešla является синонимом племенного названия kaška» (т. I, стр. 76).

Отождествив таким образом кашков с абешлайцами, автор отождествляет далее абешлайцев ассирийских источников с апсилами (апшилами) античных авторов, делая окончательный вывод, что в лице кашков мы «имеем дело с племенами северо-кавказского происхождения» (стр. 77). Все это недостаточно аргументировано, а потому неубедительно.

Важное значение имеет то, что Г. А. Меликишвили удалось доказать наличие хурритского населения в северной Месопотамии еще в VII в. до н. э. (при Асархаддоне, 681—668 гг. до н. э.). Население это отличалось от других этнических групп и, в частности, от семитических, причем хурритское население с ассирийцами не смешалось (стр. 90). Это положение автора тем более важно, что в литературе высказывалось противоположное мнение [7].

В связи с этим следует отметить заявление автора о том, что со времени образования Митаннийского государства начался процесс хурризации семитов (стр. 104). Предположение автора маловероятно, так как культурное превосходство семитов над хуррита ми во втором тысячелетии до н. э. — давно установленный факт.

Достойно сожаления, что Г. А. Меликишвили порой высказывает всякого рода предположения, не имея возможности убедительно их аргументировать за отсутствием подтверждающего материала.

Так, например, во второй главе мы читаем: «С севера к жившим в этих местах Южного Закавказья хурритским и урартским племенам примыкали грузинские племена. «Линия Эрзерум — Карс — Ленинакан — Севанское озеро, до которой дошло владычество урартийцев, в то же время в эту эпоху, *очевидно*, являлась южной границей распространения грузинских племен. Севернее этой линии урартийцам не удалось распространить свою власть, *очевидно*, вследствие энергичного сопротивления, оказываемого существовавшими тогда крупными объединениями грузинских племен» (т. I, стр. 115).

Какими же аргументами располагает автор, чтобы прийти к такому заключению?

Оказывается, его высказывание базируется на том, что на линии Эрзерум — Карс— Ленинакан «...урартские надписи называют названия отдельных населенных пунктов или областей явно грузинского облика». К такого рода названиям он относит Цудала, Диди, Шешети.

Но на основании более или менее случайных упоминаний этих трех названий «явно грузинского облика» едва ли правомерно сделать вывод о наличии в рассматриваемую эпоху крупных объединений грузинских племен, южная граница расселения которых якобы доходила до линии Эрзерум — Карс — Ленинакан — Севанское озеро.

[6] В текстах, правда, слово «kaška» *предшествует* слову «урумейцы», а слово «abešla» *следует* за последним. Это свидетельствует о том, что ассирийский царь в описании своих военных походов перечислял покоренные области и племена в определенной последовательности. Но такое обстоятельство, однако, не смущает автора.

[7] См. *И. М. Дьяконов*. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., изд. ЛГУ, 1949, стр. 8. По вопросу о хурритском населении Ассирии см. также *Л. А. Липин*. О значении термина aššurâju. Доклад, читанный в НИИ при Восточном факультете ЛГУ в 1949 г.

Таких высказываний тем более не следовало бы делать, что и сам автор далеко не убежден в их непогрешимости. Последнее вытекает из того, что он дважды употребляет здесь слово «очевидно».

Этого не следовало делать еще и потому, что такое, по существу ничем не доказанное, предположение дает возможность недостаточно компетентному или недостаточно объективному читателю обвинять Г. А. Меликишвили в тенденциозности. К сожалению, стр. 115 не единственная. Автор возвращается к этим необоснованным предположениям и в некоторых других местах (т. I, стр. 249—250, 407 и др.).

Небольшая третья глава посвящена истории Наири-Урарту до возникновения урартского царства. На основании ассирийских эпиграфических памятников автор приходит к выводу, что термином Уруатри (это название тождественно позднейшему Урарту ассирийских же и других древневосточных источников) ассирийцы обозначали крупный племенной союз, образовавшийся не в районе озера Ван, а в области верхнего или среднего течения Верхнего Заба. При этом Г. А. Меликишвили устанавливает, что консолидация указанных племен началась еще во второй половине второго тысячелетия до н. э. после ослабления, а затем и гибели Митаннийского царства.

Трудно возразить по существу выводов, к которым автор приходит в этой главе. Такая точка зрения уже высказывалась в литературе и раньше [8]. Но решение ряда частных вопросов, затронутых в главе, не всегда достаточно убедительно.

Автор утверждает, что слово «лулубиец» было синонимом слова «враг». Но ни один из приведенных Г. А. Меликишвили аргументов не является бесспорным (т. I, стр. 155—156). Можно было бы согласиться с таким решением автора, если бы термин «лулубиец» применялся как синоним слова «враг» хотя бы к одной нелулубийской народности. Тогда можно было бы с достаточным основанием утверждать, что урартские племена, которые вели многочисленные войны с лулубийцами, стали обозначать этим словом понятие «враг» вообще. Таких примеров автор, однако, не приводит,— да их и нет.

То, что урартские источники иногда называют своих недружественных соседей их собственным именем — «лулубийцы», а иногда нарицательным именем — «враг», отнюдь не подтверждает категорического утверждения автора о синонимии этих слов.

Столь же сомнительна тождественность имен Русы и Урзаны, на чем настаивает автор в данной главе. Не отрицая наличия диалектных различий в языке отдельных областей Урарту и, в частности, в области Мусасира, нельзя согласиться с мнением Г. А. Меликишвили, что имя Руса в мусасирском говоре звучало как Урзана. Имя Русы передавалось как Урса лишь в ассирийских текстах, так же как имя Сардури по-ассирийски передавалось как Иштардури. Но ассирийская передача в данном случае не может служить доказательством. Ассирийцы явно различали эти имена. Имя урартского царя времен Саргона II у них звучало как Урса, а имя мусасирского правителя — Урзана. Саргон II один раз ставит даже оба эти имени рядом. В его реляции к богу Ашшуру говорится: «С высокими силами Ашшура, моего владыки, ... из области Сумби, между Никиппа и Упа, крутыми горами, я вступил в Урарту; по Урарту, Зикирту, стране маннеев, Наири и Мусасиру я победоносно прошел, распространяя ужас, точно оскаленный пес, и не видел того, кто укротил [меня]. Многочисленные войска Русы (Урсы) урартского и Метатти зикиртийского я поверг в полевом бою. 430 поселений семи областей Русы (Урсы) урартского я целиком покорил и опустошил его страну. У Урзаны мусасирского я захватил Халда, его бога, Багмашту, его богиню, вместе с многочисленным имуществом его храма и с 6110 людьми, 12 мулами, 380 ослами, 1285 овцами, с его женой, сыновьями и дочерьми» [9].

Как видно из приведенного отрывка, Саргон II различает как двух правителей —

[8] См. *В. Б. Пиотровский*. Указ. соч.

[9] Перевод отрывка дан по клинописному тексту, опубликованному Ф. Тюро-Данженом. См. *F. Thureau-Dangin*. Une relation de la huitième campagne de Sargon. Paris, 1912, строки 415—424.



урартского и мусасирского, так и два имени: Урса [Руса] и Урзана. Ясно, что Саргон II хорошо знал имена царей и правителей, против которых он воевал.

Весьма аргументированным представляется вывод Г. А. Меликишвили о сильном влиянии Мусасира на центральную часть Урарту в древнюю эпоху. Влияние это отчасти сохранилось и в позднее время, что сказывалось в культурной и особенно религиозной областях.

Центральное место в книге занимает четвертая глава, посвященная эпохе урартского царства (IX—VI вв.). Автор прослеживает историю урартского царства в целом — от его зарождения до его гибели, основываясь на тщательном анализе источников. Г. А. Меликишвили восстановил, в частности, хронологию царствования Аргишти I (стр. 205—210), но восстановление им хронологии царствования Сардури II кажется менее убедительным (стр. 210—214). Подробно в главе освещается и завоевательная политика урартских царей и направления этой политики.

Весьма интересен вывод автора о том, что Ирпуни — а не Аргиштихинили — был военно-административным центром Урарту и Араратской долины. Все же этот вопрос требует, видимо, дальнейших исследований и окончательно должен быть решен лишь после завершения раскопок обеих крепостей.

Правдоподобным выглядит и предположение Г. А. Меликишвили, что носители теофорных имен, включающих в свой состав имя верховного бога Урарту — Халди (центр культа которого был Мусасир), были выходцами из Мусасира, жившими в Ассирии и применявшими ассирийскую клинопись. Прав автор, когда он отклоняет мнение И. М. Дьяконова, что будто наличие теофорных имен, среди которых имеется и имя Халди, указывает на почитание Халди и в самой Ассирии [10]. В действительности же все эти имена упоминаются лишь в документах, датированных временем после завоевания Мусасира Саргоном II (т. е. после 714 г. до н. э.), что подтверждает правильность мнения Г. А. Меликишвили.

Весьма убедительно автор увязывает указания ассирийских и урартских источников с данными греческих, делая вывод о наличии немалых контингентов киммерийских наемников в войске Русы II и, в частности, во время походов Русы II против мушков и других племен южной Малой Азии (стр. 312—316).

Пятая глава книги посвящена социально-экономической истории Урарту. В ней всего лишь 42 страницы, что говорит о недостаточном внимании Г. А. Меликишвили к этому важнейшему разделу истории Урарту. Правда, в нашем распоряжении имеются главным образом официальные надписи царей Урарту и некоторые немногочисленные данные ассирийских источников. Поэтому извлечь из них большой материал по социально-экономической истории Урарту было бы чрезвычайно трудно. Однако то, что сделано в этом направлении Г. А. Меликишвили, — не предел.

Что же касается выводов автора, к которым он приходит в этой главе, то, к сожалению, согласиться с ними трудно.

Весьма сомнительно, что мусасирский храм бога Халди имел свои собственные мастерские, в которых якобы изготовлялось в больших количествах оружие (т. I, стр. 333). Захват Саргоном II оружия в этом храме не доказывает, что оно изготовлялось в храме. Наличие посвятительных надписей на вооружении свидетельствует скорее о том, что это оружие было посвящено богу, а не о том, что оно производилось в храмовых мастерских.

Неубедительным является также утверждение Г. А. Меликишвили будто хозяйство городов Ульху и Сангибуту являлось царским или государственным (т. I, стр. 340—341). Из того факта, что Руса провел в Ульху и Сангибуту ирригационные работы, не вытекает вывод о том, что хозяйство было в этих городах царским или государственным. Такой вывод нельзя делать и из фразы Саргона в его реляции богу Ашшуру о походе в Урарту: «Его пышные сады я посек, лозы его во множестве я посек, прекратил его питье». В ассирийских летописях часто можно встретить трафаретную фразу «столько-то его сильных городов, крепостей, и столько-то его мелких поселений я окружил, покорил,

[10] «Вестник древней истории», 1951, № 3, стр. 244.

сокрушил, разрушил, превратил в холмы и руины». Поэтому не следует понимать подобные фразы в буквальном смысле, т. е. в смысле личной, частной собственности царя на эти «города» и «поселения». Речь идет лишь о номинальной принадлежности этих земель царю, государству. Царским виноградник можно считать только тогда, когда он прямо называется «Виноградником Менуа».

Трудно согласиться с Г. А. Меликишвили также и в том, что переселенцы, угнанные царями Урарту (если урартские цари действительно практиковали переселение покоренного населения, подобно тому как это делали ассирийцы, что, однако, автором не доказано), превращались в «самостоятельно хозяйствующих государственных рабов» (т. I, стр. 346). Как уже говорилось, автор часто злоупотребляет различными гипотезами, на основе которых он в дальнейшем строит свои выводы, опираясь на них, как на твердо установленные факты. Если «часто, *вероятно*, угонялось в плен все население того или иного пункта или области», то в следующем абзаце нельзя категорически утверждать: «Таким образом, выясняется, что, как и ассирийские цари, урартийцы тоже прибегали к массовому переселению населения завоеванных областей». Если «этих переселенцев урартские цари, *по всей вероятности*, сажали главным образом на государственные земли, налагая на них разные повинности (налоги, воинская повинность и т. д.)», то невозможно оправдать окончательный вывод автора: «Таким образом, эти переселенцы превращались в „самостоятельно хозяйствующих государственных рабов"».

Кстати, ссылка на то, что «в ассирийских источниках мы, во всяком случае, часто встречаем в отношении таких переселенцев указание, что ассирийский царь причислил их к ассирийцам — к „людям своей страны" и наложил на них ассирийские повинности» как на своих подданных — ассирийцев, не дает основания для вывода о превращении угнанных в «самостоятельно хозяйствующих государственных рабов». Вряд ли можно настаивать на том, что ассирийское население состояло из «самостоятельно хозяйствующих государственных рабов». Этот вывод несостоятелен.

Следовательно, пятая глава, в которой освещаются социально-экономические отношения в Урарту, наиболее слабая. Задачу, которую автор ставил перед собой, ему удовлетворительно разрешить не удалось. Надо надеяться, что Г. А. Меликишвили продолжит свои исследования в этом направлении и решит в дальнейшем стоящую перед ним задачу.

Шестая глава также невелика: в ней всего 32 страницы. Она посвящена культуре и религии Урарту. По этим вопросам мы располагаем недостаточными данными, и Г. А. Меликишвили извлек из источников максимум материала, особенно в отношении религии Урарту. Выводы автора при современном состоянии источников неоспоримы. Однако второй раздел этой главы «Урартская письменность (о стиле урартских надписей)» написан несколько слабее, чем можно было ожидать.

Неверно, например, утверждение Г. А. Меликишвили, что стиль ассирийских анналов заимствован ассирийцами у хеттов через хурритов (т. I, стр. 396). Ссылка автора на Гоетце не спасает положения. Ассирийские надписи, как известно, появились тогда, когда хеттских анналов еще не было, как не было и хеттского государства. Поэтому,несомненно, что появление клинообразного письма у хеттов было результатом влияния ассирийских колонистов в Малой Азии (при Саргоне Аккадском и позднее). Факт этот никогда не оспаривался.

Сведения о хурритском языке, которыми располагает наука в настоящее время, не подтверждают предположения Г. А. Меликишвили о посредничестве хурритов.

Высказав утверждение, «что стиль ассирийских царских надписей оказал огромное влияние на формирование стиля урартских надписей», автор решил на этом основании, что «основной поток ассирийского влияния относится к эпохе возникновения письменности на урартском языке». В действительности урартийцы заимствовали стиль ассирийских надписей вместе с письмом. При составлении первых урартских царских надписей, как это хорошо известно, применялось не только ассирийское клинообразное письмо, но использовался и ассирийский язык, вместе с которым появился и ассирийский стиль.



Предположение Г. А. Меликишвили о влиянии стиля урартских надписей на стиль клинописных персидских царских летописей правильно. Но это влияние Урарту сказалось прежде всего не только на стиле, а заключалось в том, что сама-то клинопись в Иране появилась из Урарту, а не из Двуречья или Элама. Это соображение, впервые высказанное акад. В. В. Струве, кажется весьма убедительным.

В этой части рассуждений Г. А. Меликишвили имеются и противоречия. Вначале он утверждает, что установленные трафаретные формулы сохраняются навсегда, а затем пишет, что чуть ли не каждая надпись имеет свою особую формулу (т. I, стр. 375—378).

Не свободна первая часть книги и от более мелких погрешностей. URU — не урартское слово, а шумерийское. По-урартски, как сообщает сам автор, оно звучит как tari (т. I, стр. 333).

Едва ли когда-нибудь киммерийцев называли уманмандами (т. I, стр. 317, прим. 2). Под термином «уманманда» обычно понимали мидян, иногда и персов.

Хальпу — скорее Алеппо, чем Хальфати (т. I, стр. 275, прим. 3). mât mannâi rabûti означает скорее «наместники великой Маннаи», чем «великие наместники манейского царя» (т. I, стр. 284). Правда, можно было бы еще перевести: «великие наместники Маннаи», но никак не «манейского царя». i-na 2 sisê$^{meš}$-ja ù išten amêl narkabti-ja šarrut$^{ut}$ mat$_{ur}$-ar-ti ik-šu-du qa-ti значит «двумя своими конями и одним колесничим царство Урарту захватили мои руки», а не «с моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской властью Урарту» (т. I, стр. 276—277). ikšudu в данном случае стоит во множественном числе, а не в субъюнктиве, который здесь не требуется.

Анубанини — семитическое имя, означающее «[бог] Ану создал меня». Второе— ni в этом слове (Anu-ba-ni-ni) местоименный суффикс 1-го лица ед. числа винит. падежа, и нет оснований принимать его за местный суффикс, ибо вся надпись произведена на семитическом языке. А этот факт достаточен сам по себе, ибо он указывает на семитическое влияние (т. I, стр. 129).

Неудачно применение Г. А. Меликишвили устаревшей транскрипции «Набукаднезар» (т. I, стр. 135, 139). В данном случае было бы лучше — Навуходоносор или Набу-кудурри-усур.

Автор неправильно датирует царствование Дария I. Дарий I царствовал с 522 по 486 г. до н. э., а не с 521 по 494 г. до н. э. (т. I, стр. 22).

aštі — «женщина» — скорее вавилонского происхождения, чем хурритского (т. I, стр. 98). Семитического происхождения также и термин ḫalzuḫlu (начальник поселения); ср. $^{al}$ḫalṣu (крепость, укрепленный район) ассирийских источников.

В исследовании Г. А. Меликишвили имеются и другие неточности. Книга плохо отредактирована. В ней часто встречаются неудачные стилистические словосочетания и обороты, орфографические ошибки, а также опечатки. Это до некоторой степени снижает ценность хорошей работы Г. А. Меликишвили, столь нужной и необходимой для историков.

Лучше обстоит дело со вторым томом исследования, напечатанным в качестве приложения к журналу «Вестник древней истории». Второй том состоит из трех частей: краткого грамматического очерка урартского языка, транскрипции и перевода всех известных урартских клинообразных надписей с подробными комментариями и, наконец, указателя, представляющего собой полный словарь известных в настоящее время урартских слов с указанием номеров и строк документов.

Краткий грамматический очерк урартского языка, написанный Г. А. Меликишвили, является последним словом урартоведения. Поскольку же здесь приведена также таблица урартских клинообразных знаков с их фонетическими значениями, а также все встречающиеся в урартских надписях детерминативы и идеограммы, очерк Г. А. Меликишвили вполне может служить учебным пособием для студентов, изучающих урартский язык.

Необходимо выразить пожелание, чтобы очерк Г. А. Меликишвили по грамматике урартского языка был издан отдельной книжкой. Он тогда был бы более доступен

нашим студентам. То же самое можно сказать и о Словаре урартского языка. Как грамматика, так и словарь урартского языка стали бы первыми пособиями на русском языке для студентов.

Большое значение для урартоведения имеет второй раздел второго тома. Здесь приведены в латинской транскрипции и русском переводе все известные урартские клинообразные надписи — от крупнейшей Хорхорской летописи до маленьких, сделанных на различных предметах и обнаруженных при раскопках за последние годы.

Урартские надписи до сих пор были разбросаны по многочисленным, порой малодоступным изданиям. Большая часть этих изданий уже устарела, а переводы надписей стали частично уже непригодными. Приведенные Г. А. Меликишвили обширные комментарии в его исследовании во многом улучшили издания надписей.

Потребность в сборнике, в котором были бы сосредоточены все урартские надписи с русским переводом и комментариями, назрела давно. Такой сборник с благодарностью встретили бы не только специалисты-древневосточники, но и историки народов СССР, занимающиеся древней историей нашей родины.

Г. А. Меликишвили проделал огромную работу по сбору, изучению, переводу и комментированию важных памятников по истории древнейшего классового общества на территории нашей родины. Поэтому инициативу Г. А. Меликишвили следует всячески приветствовать. Надо лишь пожелать, чтобы материалы по истории и культуре стран древнего Востока, разбросанные по многим сотням изданий, время от времени переиздавались, предварительно будучи собраны из изданий, ставших уже библиографической редкостью.

Работа Г. А. Меликишвили—большой шаг вперед в области урартоведческой науки, несмотря на те недочеты, которые были отмечены.

*Л. А. Липин*

---

*ФАНЬ ВЭНЬ-ЛАНЬ. Новая история Китая,* т. I, 1840—1901. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 600 стр. с илл. и карт.

Государственное издательство иностранной литературы выпустило в переводе на русский язык труд известного китайского историка Фань Вэнь-ланя «Новая история Китая». Издание этой работы — знаменательный факт, способствующий углубленному изучению советскими людьми исторического прошлого великого китайского народа, его героической борьбы за свою свободу и независимость. Издание труда Фань Вэнь-ланя — еще одно звено в развитии культурных связей с нашим великим другом — Китайской Народной Республикой.

Рецензируемый труд охватывает историю Китая за сравнительно небольшой период: с 1840 по 1901 г.; он является первой частью первого тома задуманной автором большой работы, которая должна охватить всю новую и новейшую историю Китая. То шестидесятилетие, истории которого посвящена книга, было весьма важным этапом в истории Китая. В эти годы Китай превратился в полуфеодальную и полуколониальную страну. Именно в эти годы развернулась столетняя борьба китайского народа против внешних и внутренних угнетателей, завершившаяся великой победой в 1949 г. Поэтому глубокое исследование этого периода постоянно занимает внимание историков.

Книга Фань Вэнь-ланя была написана в Яньани в 1945 г., первое ее издание появилось в 1947 г. в освобожденных районах. Книга написана в ответ на призыв ЦК Коммунистической партии Китая к ученым о создании полноценных трудов в области истории, экономики, культуры, которые вооружали бы народ и партию в их практической деятельности, способствовали теоретическому осмысливанию пути, пройденного китайским народом. Одним из первых трудов по истории, появившихся в ответ на призыв партии, и явился труд Фань Вэнь-ланя.



Появление работы Фань Вэнь-ланя было ударом по официальной гоминьдановской историографии, многим представителям которой свойственно низкопоклонство перед Западом и пренебрежение к своему народу. Фань Вэнь-лань, равно как и другие историки нового Китая, в центре своего исследования поставил народ и его героическую борьбу против угнетателей. В книге, на основе огромного фактического материала, прослеживается роль народных масс в истории Китая. Фань Вэнь-лань стремится привлечь необходимые экономические данные, характеризующие развитие производительных сил страны и роль иностранного капитала как фактора, тормозящего этот процесс.

С большой силой и непримиримостью Фань Вэнь-лань разоблачает политику колонизаторов и антинародную, антинациональную политику цинского правительства.

Фань Вэнь-лань использует в своей работе большое количество китайских источников, что придает ей в ряде разделов исследовательский характер. Широко использует автор «Хронику дел и событий династии Цин» («Дунхуалу»), «Летопись военных событий династии Цин» («Шэнцзун»), «Летопись истории внешних сношений» («Чоубань иву шимо»), сборник опубликованных документов «ихэтуань», вышедший уже в Китайской Народной Республике, и многие другие. Автор привлекает произведения и официальные документы крупных государственных деятелей Китая: Линь Цзэсюя, Цзэн Го-фаня, Цзо Цзун-тана, Ли Хун-чжана, Вэн Тун-хэ. При изложении истории Тайпинского восстания автор пользовался таким первоклассным источником, как «Автобиография Ли Сю-чэна», а также «Историческими материалами по тайпинской революции», «Неофициальной историей Тайпинского государства» («Тайпин тяньго ешн»). В главе, посвященной реформаторскому движению, автор опирается на произведения Кан Ю-вэя, Тань Сы-туна и других реформаторов. Использует автор и некоторые (правда, в очень ограниченных масштабах) труды зарубежных ученых, в том числе работу русского ученого Рудакова об «ихэтуанях».

Круг источников по истории Китая XIX в. настолько обширен, литература так велика, что, конечно, использовать все весьма затруднительно. Хотелось бы все же выразить пожелание, чтобы автор в процессе дальнейшей работы над книгой шире осветил вопросы международных отношений Китая в 1896—1898 гг. Этому, бесспорно, могло бы способствовать использование достижений советской исторической науки в данной области и таких китайских публикаций, как «Исторические материалы по внешним сношениям последних Цинов» («Цинцзи вайцзяо ши ляо»). Заслуживают более обстоятельного освещения такие крупные народные движения, как восстание «нянь-цзюней», мусульманские восстания 50—70 годов XIX в. Издание в Китайской Народной Республике многотомных публикаций, посвященных этим движениям, облегчает их изучение. Но и сейчас книга Фань Вэнь-ланя содержит огромный фактический материал; значительное количество фактов впервые используется в исторической литературе.

В 1955 г. труд Фань Вэнь-ланя вышел девятым изданием. Перевод на русский язык сделан с этого издания.

Не только широкий круг советских читателей, интересующихся Китаем, но и специалисты-историки найдут много новых научных положений и фактических данных, позволяющих глубже и полнее представить историю Китая. Вполне естественно, что такой серьезный научный труд, каким является работа Фань Вэнь-ланя, где ряд проблем ставится по-новому, не может не дать материала для споров и обсуждений.

Отметим некоторые, принципиально важные положения автора, в том числе и те из них, которые требуют, на наш взгляд, своего дальнейшего обсуждения.

Фань Вэнь-лань, так же как и другие китайские историки, первую войну Англии против Китая и массовое движение сопротивления иностранной агрессии, возникшее в ходе этой войны, считает началом новой истории Китая. Этому важному рубежу китайской истории в книге предшествует характеристика социально-экономического

и политического положения Китая под властью маньчжурской династии Цин в последние десятилетия XVIII — первые десятилетия XIX в.

Маньчжурская династия Цин была глубоко враждебна китайскому народу и держалась поддержкой китайских феодалов и феодалов других народностей «против китайского народа и других народов Китая» (стр. 13).

Правительство Цинов проводило политику изоляции Китая от внешнего мира. Эта политика диктовалась не столько желанием защитить страну от иностранной агрессии, сколько стремлением сохранить незыблемым консервативный феодальный строй. Эта политика закрепляла «отсталость и застойность феодального общества» (21 стр.). В то же время, как убедительно показывает Фань Вэнь-лань, Цины втихомолку разрешили торговлю опиумом и предоставили английским купцам эту монополию. В ряде разделов первой главы автор вскрывает причины бесплодности борьбы против торговли опиумом и показывает, что эта «гнусная торговля» обогащала не только английских купцов, но и многих маньчжурских чиновников, включая высших сановников вплоть до императора. Страницы, посвященные борьбе группировок при дворе по вопросу об отношении к торговле опиумом, принадлежат к числу наиболее ценных.

Большой интерес представляют те разделы книги, в которых обрисована яркая фигура последовательного борца против торговли опиумом, патриота и передового деятеля того времени Линь Цзэ-сюя — одного из предшественников реформаторского движения в стране. Уничтожение запасов опиума 3 июня 1839 г. по приказу Линь Цзэ-сюя оценивается Фань Вэнь-ланем как «великий акт», который «продемонстрировал перед всем миром чистоту нравственных принципов китайского народа и его решимость сопротивляться агрессии, он сразу смыл столетний позор, который нанесли Китаю алчные, грязные и глупые чиновники» (стр. 46).

Фань Вэнь-лань показывает усилия патриотических элементов во главе с Линь Цзэ-сюем, направленные на повышение крайне низкой боеспособности маньчжуро-китайских войск. Эта большая работа принесла известные результаты: захватчикам пришлось столкнуться с новыми трудностями в своих агрессивных действиях. Но деятельность патриотических элементов наталкивалась на многочисленные препятствия, чинимые капитулянтской группировкой при дворе, противодействовавшей подлинной мобилизации страны. Автор пригвождает к позорному столбу клику предателей, своей подрывной деятельностью помогавших врагу.

Вторжение английских колонизаторов положило начало многолетней борьбе китайского народа против иностранной агрессии. Фань Вэнь-лань впервые в исторической литературе Китая дает краткий очерк истории борьбы «отрядов усмирения англичан» (пинингуаней), начало которой было положено выступлением крестьян деревни Саньюаньли в 1841 г., деятельностью общества Шэнпин, многочисленными патриотическими выступлениями населения приморских провинций против английских войск. Значение этих народных выступлений было поистине велико: «Народ почувствовал свою силу, понял, что он в состоянии устрашить тех, кого боятся чиновники (т. е. иностранцев.— *Г. Е.*), и могущество цинских правителей, подобно „бумажному тигру", оказалось клочком бумажки» (стр. 133). Антианглийская вооруженная борьба переросла в дальнейшем в национально-освободительное движение.

Одновременно с борьбой против английских колонизаторов в стране развернулась борьба и против маньчжурского режима. В хронике «Дунхуалу» за девять лет (1841—1849) отмечено 110 восстаний и волнений, бывших предвестниками великой революционной крестьянской войны, начавшейся в 1850 г. Тем самым антиманьчжурская борьба переросла в борьбу антифеодальную. Борьба китайского народа становилась борьбой сил демократии против феодализма и иностранной агрессии.

Вполне закономерно, что самая обширная глава книги, третья, посвящена Тайпинскому восстанию, этой выдающейся в истории Китая революционной эпопее. Особенно ценны и важны те страницы, в которых автор рассматривает теоретические взгляды и практическую деятельность тайпинов в области социально-экономического устройства.

На конкретном историческом материале Фань Вэнь-лань показывает, что революционное движение тайпинов было наивысшим достижением, кульминационным пунктом в истории великих крестьянских движений в Китае: «революционная армия тайпинов не была похожа на другие восставшие части. Она обладала крепкой военной организацией, единой верой, ясной политической программой, твердым национальным сознанием...» (стр. 149).



Наиболее важное заключение Фань Вэнь-ланя, подтвержденное фактами, сводится к тому, что тайпины на управляемой ими территории подорвали феодальную систему помещичьего землевладения: «... крестьяне-арендаторы не вносили аренды, а рассматривали землю, которую они некогда арендовали, фактически как свою собственность... хотя существование помещичьего класса и допускалось, однако крестьяне были ограждены от жестокой эксплуатации со стороны помещиков» (стр. 200). Великое историческое значение Тайпинского восстания заключалось именно в могучем ударе по системе помещичьего землевладения.

Материал, сосредоточенный в книге Фань Вэнь-ланя, целиком опровергает высказывания [1], что якобы не аграрный закон тайпинов и их революционная аграрная политика являются высшим достижением Тайпинского восстания, а «Новое рассуждение в помощь правлению» Хун Жэнь-гана — произведение либеральной мысли, порожденное влиянием западной буржуазной идеологии, выдвигавшее утопический план строительства в Китае железных дорог, заводов и отбрасывающее самое главное— аграрную антифеодальную революцию. Появление «Нового рассуждения в помощь правлению» Хун Жэнь-гана (1859 г.) свидетельствовало об отказе некоторых руководителей Тайпинского восстания от революционных принципов первых лет восстания.

Фань Вэнь-лань немало внимания уделил важному вопросу о причинах конфликта 1856 г., положившему начало быстро прогрессировавшему упадку Тайпинского восстания. Автор придает большое значение личным качествам Ян Сю-цина, Хун Сюцюаня, Вэй Чан-хуэя и других участников конфликта, их разногласиям, их борьбе за власть. В меньшей степени освещаются социальные предпосылки, их роль в конфликте различных политических линий. Фань Вэнь-лань убедительно показал, что именно Ян Сю-цин был руководителем масс, что вся революционная политика в 1851—1856 гг. была связана с его именем, а Хун Сю-цюань фактически устранился от практических дел. Все это позволяет предполагать, что ненависть Вэй Чан-хуэя — этого представителя помещичье-шэньшийских кругов в движении — к Ян Сю-цину была вызвана не личными недостатками и ошибками его, а борьбой за власть правых элементов в движении, стремлением ограничить размах революционных преобразований в Китае.

Фань Вэнь-лань правильно оценивает причины поражения Тайпинского восстания. Он видит их в том, что союз реакционных сил феодального Китая (правящей маньчжурской верхушки и класса феодалов-помещиков в лице Цзэн Го-фаня и Ли Хунчжана) и европейско-американской реакции, противостоявшей революционному лагерю Китая, оказался сильнее крестьянской организации. Крестьянство, не будучи носителем нового способа производства, не могло завоевать победу, которая повела бы к становлению нового Китая.

Разногласия, консерватизм, стремление к роскоши некоторой части руководителей движения также сыграли свою отрицательную роль в судьбе движения и способствовали его поражению.

В главе о второй «опиумной» войне автор с большой силой показывает героическое сопротивление китайского народа колонизаторам и преступную антинародную и капитулянтскую политику правителей. Мужественная борьба народа против колонизаторов с беспощадной жестокостью подавлялась местными властями. Фань Вэнь-лань рисует потрясающую картину расправы с движением тайпинов, предпринятую губернатором Гуандуна Е Мин-шэнем. Цинских правителей больше всего интересовала защита не подлинно государственных интересов страны, а поддержание старых, давно отживших норм дипломатического церемониала. В конечном же итоге

[1] См. «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 133.

Цины приняли все требования иностранных держав, и это было вполне закономерно: внутри страны они не имели сил для подавления крестьянского восстания. «С помощью какой силы,— пишет Фань Вэнь-лань,— подавить движение тайпинов, сохранить господство внутри страны? Оставалось лишь искать опору в поддержке иностранных агрессоров» (стр. 293).

Много внимания в этой главе Фань Вэнь-лань уделил возникшим к 60-м годам при дворе двум группировкам и их борьбе — теме, в литературе почти не изученной. Главным вопросом, разделившим эти группировки, было отношение к иностранным державам. Автор так характеризует позиции этих групп: «...У консерваторов осторожность превалировала над стремлением опереться на иностранцев, а у западников это стремление преобладало над осторожностью» (стр. 261). Но страх перед народными движениями привел к тому, что часть консерваторов во главе с князем Гуном перешла в клику «западников», провозгласив так называемую политику «самоусиления». Главным стержнем этой политики было привлечение иностранных офицеров для обучения армии, закупка судов и оружия для армии, а также создание первых военных предприятий капиталистического типа. Все эти мероприятия предпринимались для одной и той же цели — усиления монархии. Именно в эти годы большое влияние приобрели Цзэн Го-фань и Ли Хун-чжан — китайские сановники, своей ненавистью к народу и тактикой прислужничества Западу завоевавшие доверие династии и иностранных держав.

Фань Вэнь-лань приводит большой фактический материал, характеризующий строительство промышленных предприятий в Китае в 60—80 гг., инициатива сооружения которых связана с именами известных деятелей «проиностранной группировки», особенно Ли Хун-чжана и Чжан Чжи-дуна. Анализ материала позволяет Фань Вэнь-ланю сделать некоторые важные выводы. Отметить среди них можно следующие: а) военные предприятия «использовались главным образом для защиты от внутренних, а не от внешних противников» (стр. 314); б) бюрократическая организация этих предприятий, выгодная, однако, для сановников, вела к тому, что правительственные предприятия были мало жизнедеятельны и служили препятствием в развитии частнокапиталистических предприятий; в) возникновение частнокапиталистических предприятий встречало нарастающее противодействие со стороны иностранного капитала.

Суммируя основные выводы, Фань Вэнь-лань сделал следующее заключение: «Иностранные агрессоры, феодальные силы и проиностранная группировка являлись препятствием, тормозившим развитие национальной промышленности Китая» (стр. 324).

Новый свет проливает книга на историю китайско-французской войны. Она показывает героизм и стойкость ряда воинских частей Китая, рисует обаятельный образ народного полководца Лю Юнь-фу, командовавшего войсками «Черного знамени», которые пришли на помощь Вьетнаму. Эти войска, а также гуандунские и юньнаньские войска, которыми командовал Фын Цзы-цай, нанесли серьезные удары по французским войскам. Но разногласия между хунаньской и хуайской кликами, боязнь цинского правительства последствий неудачной войны, наиболее ярко проявившиеся в политической линии Ли Хун-чжана, привели к тому, что война была прекращена.

Гниение и распад цинской монархии с наибольшей силой проявились в китайско-японской войне 1894—1895 гг. На основе китайских документов, главным образом документов Ли Хун-чжана, показывается, что цинский двор не был подготовлен к войне, несмотря на то, что японо-китайский конфликт имел длительную историю. Накануне и в ходе войны все усилия правителей Китая были сосредоточены на том, чтобы добиться благоприятного для них вмешательства в войну со стороны иностранных держав. Фань Вэнь-лань приводит целую серию просьб цинского двора к Англии, России, США «о посредничестве». Фань Вэнь-лань характеризует эту политику как политику «пассивного ведения войны и подготовки капитуляции» (стр. 382).

Рассматривая позиции различных клик (так называемых «партии императора — партии войны» и «партии императрицы — партии мира»), Фань Вэнь-лань с полной



убедительностью показывает, что позиции обеих этих клик были пораженческие. «Партия сторонников войны большей частью состояла из схоластов, занимавшихся болтовней о „почитании императора и изгнании чужеземцев"...Но все это был чистейший бред» (стр. 399—400).

Главную ответственность за поражение в войне и за порочную внешнюю политику Фань Вэнь-лань возлагает на Ли Хун-чжана. Он говорит о «лихунчжановщине» как о рабской идеологии правящего класса полуколониального государства (стр. 369). «Ли Хун-чжан был главным действующим лицом маньчжурско-цинской династии во время японо-китайской войны» (стр. 392). Бесспорно, что Ли Хун-чжан несет большую ответственность и за военное поражение и за дипломатические неудачи в ходе войны. Но общий вывод Фань Вэнь-ланя, что на одного Ли Хун-чжана ложится вина за все неудачи в японо-китайской войне, представляется спорным. В войне обанкротилась внешняя и внутренняя политика не одного Ли Хун-чжана, а всего цинского режима. При всей важности положения, которое занимал при дворе Ли Хун-чжан, нельзя не считаться с тем, что действия его санкционировались высшей маньчжурской верхушкой. Ответственность за поражение лежит на всем режиме, одним из видных представителей которого был Ли Хун-чжан.

С интересом прочтет читатель о борьбе Тайваня против японских оккупантов, за единство Тайваня с Китаем. Автор говорит о показном сопротивлении властей и героическом сопротивлении народа острова. В течение восьми лет население Тайваня боролось против японской оккупации. Это было яркое проявление непримиримости народа к агрессорам.

Важным результатом тяжелых последствий китайско-японской войны было усиление в стране либерально-реформаторского движения.

Либерально-реформаторское движение, получившее широкое распространение среди просвещенных помещиков и нарождавшейся буржуазии еще в 80-х годах, приобрело большой размах после войны с Японией. Фань Вэнь-лань считает, что некоторый прогресс в развитии частнокапиталистической промышленности способствовал успеху реформаторского движения. Но национальная буржуазия была еще крайне слаба, и это отражалось на ее политической идеологии. Деятели реформ надеялись, что Китай пойдет по пути, подобному «революции Мэйдзи» в Японии. Фань Вэнь-лань, однако, считает, что объективные условия Китая исключали такой путь, ибо империалисты, объединившись с консерваторами, создали прочную систему господства и мешали реформам, ненавистным им. Это и является причиной поражения переворота 1898 г., а также причиной поражений всех реформаторских движений после 1898 г. (стр. 429).

Фань Вэнь-лань причисляет к зачинателям реформаторского движения и императора Цзай Тяня, но вряд ли это обосновано. Император был сторонником реформы, но считать его зачинателем политического течения нет оснований. Автор показывает прогрессивные стороны политических взглядов группы Кан Ю-вэя, Лян Ци-чао и одновременно подчеркивает серьезные недостатки и пороки ее концепции. Кан Ю-вэй утверждал, что в Китае не было и нет классов и, следовательно, нет классовой борьбы. «По сути дела,— замечает Фань Вэнь-лань,— это была боязнь классовой борьбы и мечта о вечном процветании буржуазии» (стр. 455). Кан Ю-вэй и Лян Ци-чао стояли за сохранение монархии, поддерживали императора и считали, что иностранные державы окажут помощь в проведении реформ. Особенные надежды возлагали они на Японию. Более радикальные позиции занимала группировка Тань Сы-туна. Но в целом реформаторы были далеки от народа; у них не было широкой массовой опоры. Поэтому попытка реформ провалилась, реакция восторжествовала, а реформаторская партия Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао выродилась в реакционную группировку.

Объединение революционного и реформаторского движения оказалось невозможным: «китайская интеллигенция начала освобождаться из-под влияния Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао и стала переходить на сторону Сунь Ят-сена — на сторону революции» (стр. 482).

Движение «ихэтуаней», рассмотренное автором в последней главе, характеризуется им как движение народа против расчленения Китая империалистическими хищниками.

Анализируя предпосылки восстания, Фань Вэнь-лань с полным основанием заявляет, что «таящаяся в китайском народе колоссальная сила сопротивления проявлялась каждый раз, когда затрагивались кровные интересы народа» (стр. 483). Сосредоточив главное внимание на антиимпериалистической деятельности «ихэтуаней», автор недостаточно осветил антифеодальные и антиманьчжурские выступления в конце XIX в.

Подробно разбирает Фань Вэнь-лань позиции дворцовых группировок по отношению к восстанию «ихэтуаней». В книге несколько преувеличивается значение вопроса о смене императора и о престолонаследнике для характеристики отношений двора и иностранных держав. По нашему мнению, вопросы отношения двора к державам и к «ихэтуаням» определялись тем, насколько действенными были успехи борьбы «ихэтуаней». Цины вынуждены были заявить о своей поддержке «ихэтуаней», так как «ихэтуани» держали под своим контролем Пекин. Впрочем и сам Фань Вэнь-лань пишет: «Еще более Цыси опасалась того, что движение „ихэтуаней" может „выйти из рамок движения за изгнание иностранцев", тем более, что „помилование и наказание зависело теперь от ихэтуаней"» (стр. 547).

Последняя глава заключает раздел с характерным названием: «Империалисты узнали силу китайского народа». Здесь Фань Вэнь-лань пишет о причинах провала политики расчленения Китая, что эта политика оказалась, по признанию командующего объединенной армией интервентов Вальдерзее, «фактически несостоятельной политикой». Причиной этого яглается то, что планы империалистов натолкнулись на непримиримое сопротивление народа. В этом заключается один из важнейших уроков, преподанных колонизаторам китайским народом еще в 1900 г.

В конце книги небольшой параграф посвящен культуре Китая в 1840 — 1901 гг. Целесообразность выделения такого параграфа неясна. Видимо, в дальнейшем этой теме должна быть посвящена специальная глава или, что еще целесообразней, вопросы культуры органически войдут в текст книги.

Государственное издательство иностранной литературы снабдило книгу многочисленными иллюстрациями, картами, отсутствующими в китайском издании. Книга хорошо оформлена.

Коллектив переводчиков и редакция провели большую работу по подготовке издания текста на русском языке. Однако некоторых ошибок не удалось избежать.

На стр. 147 секта «Небесного разума»— «Тяньлицзяо» именуется «Таньлицзяо», на стр. 206 провинция Хэбэй названа Хебэй, на стр. 350 Бейнин — «Бэйпином». Более существенная ошибка имеется на стр. 359: Дунбэй — Северо-Восточный Китай — превращен в Северо-Западный Китай, в связи с чем утверждение о концентрации там американских сил приобретает фантастический характер. Войска Е Чжи-чао отступили за реку Ялу 21 сентября, а не 21 августа (стр. 374).

Неправильно переведен термин «чжун-тан» (на стр. 376) как «премьер-министр». В Китае такого поста не было, и «чжун-тан» означает «канцлер» или «Великий секретарь», т. е. почетное звание нескольких высших сановников империи. На стр. 526 применен термин «канцлер» без достаточных оснований: в тексте речь идет о назначении князя Цина (И Куана) главой Государственного совета. На стр. 381 дважды упоминается (в тексте и в примечании) академия Ханьмин, хотя у Фань Вэнь-ланя ясно говорится о широко известной Ханьлиньской академии. Известный сановник Вэн Тун-хэ на стр. 429 назван Вэнь Тун-хэ; на стр. 484 дата — 1898 г. превращена в 1893 г. По непонятным причинам на стр. 549 опущена фраза из китайского текста.

В примечаниях следовало исправить некоторые ошибки и авторского текста. Так, на стр. 485 (и на стр. 558) сказано, что железная дорога Лугоуцяо—Ханькоу строилась на русские (и частично бельгийские) кредиты. Это неверно. Строительство дороги финансировали французские и бельгийские банки, а Русско-Китайский банк выполнял посреднические функции. Желательны были бы дополнения и к характеристике



экономических позиций различных стран в Китае; в частности, при перечне «сфер влияния» следовало обратить внимание на то, что вся провинция Шаньдун была сферой немецкого влияния, что значительная часть провинции Гуандун оказалась в сфере английского влияния и пр. Но все эти отдельные недочеты перевода и редактирования не меняют общего благоприятного впечатления о большой работе, проделанной коллективом переводчиков и редакцией.

В целом рецензируемый труд Фань Вэнь-ланя является большим успехом китайской исторической науки, которая в центре своего исследования ставит героический труд и борьбу народа. Выход книги Фань Вэнь-ланя — важный вклад в дело научного изучения истории Китая.

*Г. В. Ефимов*

---

## ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В ЯПОНИИ *

События в послевоенной Японии не могли не отразиться на состоянии японской науки. Подъем движения в стране, распространение идей демократии и социализма — все это привело к оживлению японской научной мысли во всех отраслях знания: историографии, литературоведении, языкознании, философии и т. д. Даже там, где раньше преобладали антинаучные методы подхода к событиям общественно-политической жизни Японии прошлого, когда факты истории, как правило, истолковывались в духе официальной реакционной идеологии, извращались в угоду правящим классам, там начинает теперь появляться тенденция к подлинно научному анализу, основанному на материалистической концепции истории развития человеческого общества. И это не случайно, поскольку все большее число японских ученых приходит к мысли, что лишь на основе материалистической теории возможно дальнейшее развитие науки, призванной служить японскому народу, борющемуся за построение новой, действительно независимой Японии.

Определенных успехов в борьбе за научное толкование событий прошлого добилась философская наука, если учесть направление и характер большинства историко-философских работ, написанных японскими учеными в прошлом, когда благодаря сталинским указаниям официальных идеологов японского империализма в области философии процветали теории, не имеющие ничего общего с подлинно научным познанием законов развития общества. Об этих успехах говорят, например, вышедшие недавно в Токио книги «Японские мыслители» и «Японские мыслители нового времени».

Первая из этих книг представляет собой научный очерк о взглядах виднейших представителей японской общественной мысли, начиная с зарождения в Японии идеологических течений до наших дней. Авторами ее являются профессора университета «Рицумэйкан» Маэда Итиро, Хаяси Тацусабуро, Нарамото Тацуя (он же редактор), Маэдзима Сёдзо, Китаяма Сигэо, проф. Токийского университета Курода Тосио, проф. университета «Досися» Инда Рёдзи, проф. университета в Иокогаме Миэда Хирото, ассистент Токийского университета Кадоваки Тэйдзи, ассистент Осакского университета Харада Томохико и другие японские ученые — историки, философы.

Вторая книга «Японские мыслители нового времени» посвящена анализу взглядов виднейших представителей японской общественной мысли после революции Мэйдзи. Она включает статьи профессоров Окубо Тосиаки (Нагойский университет),

---

* 本良本長也日本の思想家. 東京，每日新開社 («Японские мыслители». Под ред. Нарамото Тацуя. Токио, «Майнити симбунся», 1954, 373 стр. 向坂逸郎，近代日本の思想家東京，和光社 «Японские мыслители нового времени». Под ред. Сакисака Ицуро. Токио, «Вакося», 1954, стр. 284, 古川哲史，日本思想史東京，角川書店， «История идей в Японии». Под ред. Фурукава Тэсси. Токио, «Кадокава», 1954, 305 стр.

Такидзава Кацуми (университет на Кюсю), научного сотрудника университета «Кэйо» Конно Васити, лектора Токийского педагогического института Кадзиниси Мицухая, известного историка Окацзаки Сабуро и других научных работников высших учебных заведений.

Авторы обеих книг стремятся поставить изучение истории развития идей в Японии на материалистическую основу. «Мы придерживаемся взгляда, что история формирования идей должна прежде всего рассматриваться в связи с условиями жизни человека,— от имени коллектива авторов пишет редактор книги «Японские мыслители» Нарамото Тацуя.— А именно, мы признаем тот неоспоримый факт, что подлинно ценные идеи являются результатом общественного опыта».

Японские ученые не ограничивали себя задачей дать лишь исторический анализ идеологических явлений, а стремились сделать прошлое достоянием современности, поставить знание истории общественной мысли Японии на службу японскому народу. С предельной ясностью эту задачу сформулировал редактор книги «Японские мыслители нового времени» Сакисака Ицуро. «Здесь мы рассказываем о людях,— пишет он в предисловии,— которые боролись после революции Мэйдзи за свободную и независимую Японию. Опыт этих ученых — мыслителей периода Мэйдзи, людей, создавших современную японскую культуру, поможет нам в строительстве будущей Японии... На фактах из жизни ученых и политических деятелей, представлявших различные идеологические течения, мы стремились показать борьбу идей» (стр. 2).

В духе этих методологических установок авторы и анализируют историю развития идей в Японии, подчиняя свое исследование задаче выявления тех существенных элементов в идеологических концепциях японских мыслителей, которые сыграли ту или иную роль в поступательном развитии общественного сознания.

Свое исследование авторы начинают с характеристики взглядов виднейших идеологов буддизма в Японии и прежде всего Сайтё — основателя секты «Тэндайсю». Большое внимание уделено в книге также анализу мировоззрения Синрана и Догэна— идеологов камакурского буддизма, а также мировоззрения Дзиэна и Сэами — мыслителей, живших в период Камакура.

Авторы книги «Японские мыслители» стремятся осветить весьма важный вопрос из истории японского буддизма, а именно, вскрыть идейные корни буддийских течений и сект в условиях общественной жизни того периода. По мнению Кадоваки Тэйдзи и Курода Тосио, авторов статей о Сайтё и Синране, на мировоззрение Сайтё и в особенности Синрана значительное воздействие оказали религиозные идеи, распространенные среди крестьянства и представлявшие единственно возможную в те времена форму идеологического протеста против господства аристократии. Именно эти идеи были использованы различными группами буддийского духовенства. Учение буддийских сект, пишут авторы, возникших в период Камакура (по существу секты придерживались различных течений махаянистического буддизма), легло в основу идеологии военного сословия. Таково историческое место камакурского буддизма.

По мере укрепления феодального строя буддийская религия как идеологическая система утрачивала свое значение. Основную причину этого Нарамото Тацуя усматривает в недостаточной разработке идеологами буддийских сект этических вопросов. Камакурский буддизм не дал всесторонней этико-моральной системы, способной удерживать в узде народные массы. На смену буддизму пришло конфуцианство, оформившееся в годы правления сегунов Асикага в самостоятельное течение. Большую роль в распространении конфуцианства в этот период сыграл Ёсида Канэмото. Проф. Хаясия Тацусабуро характеризует Ёсида как основоположника новой системы синтоизма, просуществовавшей в различных проявлениях до конца периода Токугава. Синтоизм Ёсида, указывает Хаясия, являлся соединением прежнего синто с конфуцианством. В данном случае конфуцианство являлось системой, которую Ёсида стремился использовать для истолкования синтоистских мифов.

Обострение классовой борьбы в XV—XVI вв., усиление антифеодального движения среди крестьянства заставили идеологов конфуцианской школы влить новое



содержание в конфуцианский синтоизм. Реформаторами выступили Фудзивара Сэйка и Хаяси Радзан — последователи неоконфуцианской школы Чжу си. В ранг официальной идеологии феодальной Японии было возведено чжусианство, так как, подчеркивают Такао Кадзухико и Нарамото Тацуя, принципы чжусианства лучше всего соответствовали интересам феодального строя. Метафизическая система чжусианства не могла, однако, не вступить в конфликт с действительностью. Чжусианство было слишком оторвано от жизни, схоластично, чтобы до конца служить идеологическим оружием феодалов в их борьбе за утверждение и укрепление своего господства. С другой стороны, в результате классовых сдвигов внутри феодального общества и расслоения самого класса феодалов все более крепла тенденция «модернизировать» неоконфуцианство, приспособить его к условиям феодальной Японии или целиком заменить самобытными японскими теориями. В результате зародились школы «когакуха», «ёмэйгакуха» и другие, представителями которых выступили Огю Сорай, Кумадзава Бандзан и другие мыслители феодального периода.

В японском обществе к тому времени начали оформляться и другие этико-моральные и философские течения, противопоставлявшие себя официальной идеологии. Появление этих течений в XVII—XVIII вв. авторы справедливо объясняют обострением классовых противоречий в результате развития торгового капитала. Среди купечества все громче раздавались голоса, требовавшие изменения общественно-политической структуры Японии. Для этой цели им было необходимо теоретически оправдать свои требования, дать им идеологическую основу. Началась борьба против неоконфуцианства как на базе натурфилософии, так и на базе идей школы «кокугакуха». Возникновение натурфилософии в этот период, указывает проф. Нарамото, сыграло исключительно важную роль в идеологической жизни страны, так как именно оно создало предпосылки для развития передовых общественно-политических и философских теорий в последующие столетия. «Первой предпосылкой зарождения современных идей,— пишет Нарамото,— было развитие естественного взгляда на природу, восприятие ее таковой, как она существует на самом деле, подход к природе с точки зрения возможности ее использования в интересах человека» («Японские мыслители», стр. 141).

Зачинателем нового философского направления был поэт Мацуо Басё. Автор статьи об этом чрезвычайно своеобразном поэте и мыслителе — Харада Томохико— пишет, что обращение поэта к природе составляло содержание его поэтического творчества. Как поэт он воспринимал природу преимущественно эмоционально, выражая свои мысли в поэтической форме, но элементы чисто философского осмысления действительности в его мировоззрении занимали прочное место.

Отказавшись от канонов феодальной морали, догматов конфуцианства, Басё выступил за человека, свободного от оков официальной морали, насаждавшейся последователями Конфуция. Но как ни значительна эта заслуга Басё, подлинными основоположниками натурфилософии в Японии, указывают авторы книги, были Андо Сёэки и Миура Байэн.

Характеризуя взгляды Сёэки, Нарамото подчеркивает, что философские и общественно-политические убеждения Сёэки развивались под воздействием древних китайских философов, представителей китайской натурфилософской школы. Большое влияние на мировоззрение Сёэки оказали также идеи натурфилософии, проникшие в Японию из Европы. Сёэки знал голландский язык, живо интересовался достижениями европейских мыслителей.

Значительную роль в развитии натурфилософии в Японии сыграло распространение прикладных знаний, и в частности медицины, в области которой ряд японских ученых добились значительных успехов.

По мере развития торгового капитала его идеологи все дальше отходили от официальных идеологических концепций, бросая вызов феодальной морали. Борьбе против феодальных идеологических институтов была посвящена деятельность Мотоори Норинага. Сотрудник Японской Академии наук Фукуэ Хироси, анализируя фило-

софскую основу мировоззрения Норинага, указывает, что в его взглядах имеются элементы сенсуализма, а это являлось шагом вперед по сравнению с абстрактно-схоластическими воззрениями конфуцианцев.

Особое место в истории японской философии занимает Камада Рюкю. Проф. Миэда Хирото подчеркивает, что Камада в значительной степени было свойственно материалистическое истолкование явлений природы. В отличие от представлений Норинага, для которого человек был пассивным существом, занятым созерцанием окружающего, Камада провозгласил нового человека — человека действия, не подчиняющегося канонам конфуцианства. Взгляды Камада противоречили официальной морали. В них нашло отражение стремление третьего сословия освободиться от ограничений, установленных для него в феодальной Японии.

В связи с дальнейшим развитием торгового капитала в первой половине XIX в. в Японии усилилось движение за объединение страны под властью абсолютного монарха. Идеологической базой этого движения были учения «кокугаку» и синтоизм. Наиболее видными идеологами абсолютизма в тот период являлись Ниномия и Сакума Сёдзан.

Характеризуя мировоззрение Ниномия и Сакума, Нарамото Тацуя и Харада Томохико вскрывают связи, существовавшие между антисегунским движением и идеями, проповедовавшимися этими японскими мыслителями. Как идеологи антисегунского движения они явились выразителями устремлений тех слоев японского общества, которые были заинтересованы в консолидации политической власти Японии и реорганизации системы государственного управления. Особенности развития общества, а в связи с этим и идеологической борьбы в период Токугава привели к тому, что именно синтоизм, главнейшим элементом которого является культ императора, и учение «кокугаку» стали идеологической базой роялистского движения в стране. Это сыграло чрезвычайно важную роль в развитии официальной идеологии капиталистической Японии.

Охарактеризовав философские и общественно-политические взгляды мыслителей феодальной Японии, авторы книги «Японские мыслители» переходят к рассмотрению деятельности виднейших представителей общественной мысли нового периода в истории Японии — периода капитализма. Этому же периоду истории идей в стране посвящена и книга «Японские мыслители нового времени».

Революция 1868 г., приведшая к значительным классовым сдвигам в стране, вызвала к жизни и новые идеи, носителями которых выступили представители буржуазной Японии.

Наиболее известными мыслителями 60—70 годов XIX в. в Японии были Като Хироюки и Фукудзава Юкити. Как ни различны их философские и общественно-политические взгляды, оба они по существу были идеологами правящих классов буржуазно-помещичьей Японии, защитниками абсолютистского режима. Мацумото Сэйносунэ, автор статьи о Като, характеризует последнего как представителя официальной идеологии, апологета бюрократии и кланового правительства. Являясь последователем немецкой идеалистической философии, Като, взгляды которого по мере развития японского капитализма становились все более реакционными, выступал за укрепление централизованной империи и положил начало черносотенным политическим и философским течениям реформированной Японии.

Значительное влияние на философские взгляды Като оказало эволюционное учение. С позиций эволюции Като стремился объяснить исторический процесс развития общества. До неузнаваемости исказив идеи дарвинизма, он пытался приспособить эволюционную теорию для подтверждения своих взглядов, оправдывавших империалистическую экспансию военно-феодальной Японии.

По сравнению с Като, взгляды Фукудзава представлялись более либеральными. Като был идеологом класса помещиков, приспосабливавшегося к новым условиям, Фукудзава же выражал настроения буржуазии, боровшейся за гегемонию или по меньшей мере за равное с помещичьим классом право на власть в государстве. Фукудзава и Като в конечном счете сходились во взглядах на монархию: оба выступали за



укрепление абсолютизма. «Борьба против феодальных идей и распространение современной европейской культуры были основной задачей идеологов абсолютизма периода Мэйдзи. Именно эту цель прежде всего преследовала просветительская деятельность Като Хироюки и членов общества «Мэйрокуся», основателем которого был Фукудзава. Она вытекала прежде всего из потребностей укрепления абсолютистского строя. Это видно и из того, что радикальные идеи Като Хироюки и Фукудзава немедленно изменились, как только возникло движение снизу — «Минкэн ундо», направленное против абсолютизма. Идеологи буржуазии были либо умеренными либералами, стоявшими на позициях защиты капитализма, либо выступали в роли официальных ученых, объявивших войну движению «Минкэн ундо», и играли роль адвокатов кланового правительства» («Японские мыслители», стр. 214). Фукудзава «был одним из тех людей, кто больше всех защищал установление капитализма в Японии»,—пишет о Фукудзава Конно Васити («Японские мыслители нового времени», стр. 42).

Характеризуя мировоззрение Фукудзава, авторы книг не ограничиваются констатацией лишь этой стороны его общественно-политических взглядов. Конно Васити обращает внимание также и на ту положительную роль, какую сыграл Фукудзава в распространении передовых идей Запада в Японии и в идеологической борьбе против феодализма.

Конно указывает также, что ряд вопросов, выдвинутых Фукудзава, имел важное значение для развития передовых идей в военно-феодальной Японии. Фукудзава выступал за «равноправное, независимое развитие человека и за равноправное, независимое развитие государств». Защищая монархию, Фукудзава высказывал мысль о необходимости ограничения прав императора. Особое внимание Фукудзава обращал на важность демократизации системы образования. Конно отмечает, что эта сторона общественно-политических взглядов Фукудзава является наиболее ценной и для современной Японии.

В конце 70 — начале 80-х гг. XIX в. в Японии возникло движение «Минкэн ундо». Буржуазно-демократическое по своему характеру, оно отражало рост недовольства широких народных масс существующим режимом. В ходе развития движения «Минкэн ундо» оформилось мировоззрение Наказ Тёмина, одного из идеологов радикально настроенных слоев мелкой буржуазии и в том числе интеллигенции, принимавшей участие в движении. Профессор Токийского университета Кадзиниси Мицухая в книге «Японские мыслители нового времени» пишет о Тёмине как об идеологе, занимавшем среди теоретиков движения «Минкэн ундо» особое место. Котоку Сюсуй называл Тёмина «глашатаем революции».

Общественно-политические и философские взгляды Тёмина сложились под влиянием идей французских просветителей XVIII в.—Вольтера, Руссо, Монтескьё и других. Свои политические и философские взгляды Тёмин изложил в книгах «Полтора года» и «Еще полтора года». В них проявились материалистические, атеистические взгляды идеолога движения «Минкэн ундо». «Я отстаиваю решительное несуществование Будды, несуществование синтоистских богов, несуществование души, т. е. чисто материалистическое учение»,— писал Тёмин («Японские мыслители нового времени», стр. 77). Тёмин выступал за республику, за «народный строй». Требуя установления «народовластия», он боролся за создание такого правительства, которое, отказавшись от вооружений, строило бы свои отношения с другими странами на принципах мира и взаимоуважения.

Подробно характеризует Кадзиниси деятельность Тёмина как одного из руководителей движения «Минкэн ундо», стоявшего в самом центре борьбы против кланового правительства. Тёмин был автором меморандума, направленного в 1887 г. министру двора оппозиционными партиями, в котором выдвигались требования об уменьшении налогов на крестьян, свободы слова, собраний, партий и отмены неравноправных договоров, навязанных Японии иностранными государствами.

Тёмин был наиболее последовательным деятелем движения «Минкэн ундо». Он не удовлетворялся куцей конституцией, которую правительство «даровало» народу

в 1889 г., чтобы ослабить нараставшую волну массового движения. Ознакомившись с истинным характером конституции, Тёмин обращается к Котоку: «Посмотри, что дает нам конституция? Какими правами обладает парламент? Кабинет министров совершенно не ответственен перед парламентом. Верхняя и нижняя палаты не уравнены в правах. Кабинет будет стоять над политическими партиями. Договоры будут заключаться независимо от парламента. Войны будут объявлять, минуя народ. Право утверждения бюджета наполовину узурпировано верхней палатой. При таком положении вещей парламент не только не будет играть роль орудия защиты прав народа, но легко может превратиться в орган, рабски подчиняющийся правительству, в придаток кабинета. Парламент деградирует. Мы должны немедленно требовать улучшения конституции» («Японские мыслители нового времени», стр. 73—74).

В надежде использовать парламентскую трибуну для защиты республиканских идей, Тёмин баллотировался на выборах в палату представителей парламента первого созыва. Он стал одним из самых деятельных сторонников парламентской оппозиции, выступившей против правительственного проекта бюджета, в котором предусматривались огромные для того времени военные расходы. Когда же из-за предательства либеральной партии бюджет был принят парламентом, Тёмин, в знак протеста, сложил с себя звание депутата парламента.

Разочаровавшись в парламентской деятельности, в правах, «дарованных сверху», и в буржуазных партиях, Тёмин развернул энергичную политическую деятельность для организации борьбы за установление «народовластия» в стране, возглавив созданную им Народную партию. Он до конца своей жизни отстаивал идеи свободы и демократии.

Деятельность Тёмина как публициста и одного из лидеров левого крыла движения «Минкэн ундо», пишет Кадзиниси, имела большое значение для Японии конца XIX в. Тёмин был предшественником японских социалистов.

Прослеживая шаг за шагом развитие идей в Японии, авторы рецензируемых книг раскрывают перед читателем характер идей наиболее видных представителей общественной мысли страны конца XIX — начала XX вв.

Большое внимание они уделили рассмотрению взглядов виднейших представителей таких идеологических течений, как «японское христианство» и «японизм», получивших широкое развитие в то время в Японии.

Характеристике японского христианства и его виднейших представителей — Нидзима Дзё и Утимура Кандзо — посвящена статья лектора университета «Рицумэйкан» Иваи Тадатэру («Японские мыслители») и профессора Токийского университета Иэнага Сабуро («Японские мыслители нового времени»). Проф. Иэнага пишет, что христианство получило распространение в основном среди мелкобуржуазных слоев японского населения, в особенности среди интеллигенции. Как одна из форм протеста против японской действительности, официальной морали и официальной религии, на первом этапе своего развития христианство сыграло определенную положительную роль. Идеологической базой движения «Минкэн ундо» были идеи французских просветителей, пишет Иэнага, однако значительную роль в этом движении играли также проповедовавшиеся последователями христианства идеи равенства, братства и т. д. Они находили живой отклик среди крестьянства — главной силы движения «Минкэн ундо», способствуя расширению самого движения. Руководители «Минкэн ундо» поддерживали христианство, используя его в политических целях.

В 90-х годах XIX в. христианство в Японии получило широкое распространение под видом христианского социализма, что до известной степени расшатывало устои официальной идеологии. Существенное значение имела также и пацифистская пропаганда, которую развертывали последователи христианства. Идеи пацифизма противостояли милитаристскому духу, которым была проникнута официальная идеология эксплуататорских классов Японии. Именно учитывая этот момент, указывает Иэнага, следует подходить к оценке деятельности христианского общества «Досися» и характеристике идеологов этого общества — Ниндзима Дзё и в особенности Утимура Кандзо. Но в период русско-японской войны идеи этого общества перестали играть положительную роль. Впоследствии оно превратилось в орудие открыто реакционного идеологического течения. Некоторые из представителей христианского социализма — Ямадзи Айдзан и другие — стали открытыми защитниками милитаризма.



Сложным идеологическим явлением было и течение так называемого японизма. Автор статьи, помещенной в книге «Японские мыслители нового времени», проф. Окубо Томаки, касаясь взглядов Миякэ Сэцурэя, одного из зачинателей этого течения, пишет, что «японизм» был своеобразной формой протеста против политики правительства, механически насаждавшего европейскую культуру, а в области внутренней и внешней политики слепо подражавшего западноевропейским странам и США. В «японизме», с другой стороны, нашло отражение разочарование части интеллигенции в буржуазной культуре Европы. «... „Японизм" был движением против крайнего увлечения европейской культурой. Он отличался от более позднего „японизма" и стоял в одном ряду с другими охранительными течениями, также выступавшими против модного в то время увлечения Европой» («Японские мыслители нового времени», стр. 96).

По мере изменения исторических условий изменялось и само содержание «японизма». Принятый в дальнейшем на идеологическое вооружение господствующими классами, он превратился в конце концов в идеологию японского фашизма.

Классовые противоречия в Японии с развитием капитализма обострились. В стране усиливалась реакция, насаждался шовинизм. Отсутствие политических свобод, господство абсолютизма, бюрократии и военщины, защищавших интересы монополистического капитала,— все это привело в начале XX в. к возникновению среди части либеральной буржуазии идеологических течений, шедших вразрез с официальной идеологией и моралью.

В годы первой мировой войны и в последовавший за ней период подъема демократического движения среди интеллигенции широко распространялись буржуазно-демократические идеи. Наиболее видным выразителем этих идей был Ёсино Сакудзо. В книге «Японские мыслители» имеется статья проф. Катаяма Сигэо (университет «Рицумэйкан»), посвященная анализу взглядов Ёсино Сакудзо. Всеобщее избирательное право, парламентская форма правления, которые защищал Ёсино, пишет Катаяма, в условиях Японии 1910—1920 гг. отвечали интересам японского народа, лишенного минимальных демократических свобод.

За демократизацию государственного строя Японии выступал и Минобэ Тацукити, защищавший взгляды, до известной степени подрывавшие авторитет императора. Минобэ считал, что суверенитет принадлежит самому государству, а император является лишь высшим «органом» в государстве. Либерально-буржуазная доктрина Минобэ пришлась не по вкусу правящим классам Японии. Минобэ был изгнан из парламента, а его взгляды официально отвергнуты японским правительством. В 1938 г. вместе с группой других либеральных ученых Минобэ был арестован и брошен в тюрьму.

В тот же период в Японии появились теории, стремившиеся оправдать политику господствующих классов и послужившие философской базой для шовинизма и милитаризма. Такой характер носила философская система Нисида Китаро. Проф. Такэути Ёситомо, характеризуя деятельность Нисида, пишет, что философские взгляды и выработанная Нисидой философская система были эклектические, так как сочетали в себе западноевропейский субъективный идеализм с наиболее реакционными идеалистическими теориями Японии прошлого. Нисида выдвигал тезис о «чистом опыте», что по существу было перепевом философии Фихте и других представителей немецкой философии субъективного идеализма. Значительное влияние на мировоззрение Нисида оказал также Гегель, у которого Нисида заимствовал самые реакционные положения.

Но развитие японского капитализма и происшедшие в связи с этим изменения в классовой структуре японского общества привели к распространению в стране не только идей и философских концепций, охарактеризованных выше. Они способствовали также развитию идей научного социализма в стране.

В рецензируемых книгах пионерам социализма в Японии уделено особое внимание. В книге «Японские мыслители нового времени» имеются статьи о деятельности Котоку, Сакаи, Катаяма и Каваками. В книге «Японские мыслители» помещены статьи о деятельности Котоку и Каваками. Авторы статей — научный работник Общества по изучению положения касты «эта» Фудзитани Тосио, историк Окадзаки Сабуро и проф. Такидзава Кацуми. Они подробно пишут о первых глашатаях идей научного социализма в Японии и дают обстоятельный анализ их общественно-политических взглядов. Фудзитани Тосио характеризует Котоку как мужественного защитника интересов рабочего класса. Котоку, как один из первых пропагандистов научного социализма в Японии, много сделал для идейного просвещения масс в духе социализма. В рецензируемых книгах дается материал о деятельности Котоку в период создания Японской социал-демократической партии и воссозданной на ее основе Японской социалистической партии. Большое внимание уделено анализу роли Котоку в качестве редактора газеты «Еродзу тёхо» и одного из организаторов общества «Хэймин-ся».

Характеризуя деятельность Котоку, авторы статей пишут о выдающейся роли Котоку как теоретика. Важное значение для Японии имели его теоретические работы, посвященные японскому капитализму. Одним из первых в Японии Котоку дал научный анализ политической и социально-экономической структуры японского общества в эпоху империализма. Котоку подчеркнул преобладание в японском капитализме черт военного империализма. Авторы статей о Котоку не ограничиваются общей оценкой его политической, революционной деятельности, но отмечают и ошибки, имевшиеся у него,— увлечение анархистскими взглядами, отрицание им парламентской борьбы и т. д. Фудзитани отмечает, что для Котоку была характерна недооценка вопросов национально-освободительного движения в странах Дальнего Востока и потенциальных возможностей народов колониальных стран в борьбе за свое освобождение.

Много места в книге «Японские мыслители нового времени» отведено описанию жизни и деятельности Катаяма Сэн. Автор статьи о Катаяма — Окадзаки описывает преимущественно первый период жизни и деятельности выдающегося пролетарского революционера. Подробно показана деятельность Катаяма в начале XX в. — в один из бурных периодов истории японского рабочего движения. Приобретенный Катаяма Сэн опыт практической борьбы, овладение им марксистской теорией явились основой его плодотворной работы в интересах освобождения японского народа.

Подробно рассмотрены в рецензируемых книгах общественно-политические и экономические взгляды Каваками. Такидзава Кацуми и Фудзитани Тосио показывают, как под влиянием идей научного социализма происходило развитие мировоззрения Каваками, ставшего выдающимся японским марксистом. В 1933 г. Каваками вступил в ряды Коммунистической партии Японии, что было логическим завершением избранного им пути — пути ученого, полностью перешедшего на позиции марксизма.

Из всего сказанного выше видно, насколько широко в рецензируемых книгах показано развитие общественных идей и идейной борьбы в Японии. Правда, не все затронутые вопросы получили достаточно полное освещение. Например, характеризуя идеологов японского буддизма Сайтё, Синрана и других, авторы ограничились лишь изложением сведений об их жизни, недостаточно четко раскрыв сущность самого учения буддийских сект. В результате ряд чрезвычайно ответственных выводов, имеющихся в статьях, нуждается в более полной аргументации. В отдельных случаях допущены неточности при характеристике идеологических явлений и событий в общественно-политической жизни Японии. Нельзя, например, согласиться с их высказываниями по отдельным вопросам борьбы внутри Японской социалистической партии в 1907—1908 гг., с характеристикой разногласий и борьбы различных течений в Коммунистической партии Японии в 1923—1926 гг. В книгах есть и другие спорные положения, однако подобные недостатки не умаляют значения вышедших трудов, явившихся плодом научного исследования идеологического наследия японского народа.



* * *

Было бы ошибкой, разумеется, считать, что историко-философская наука в Японии развивалась и развивается без борьбы между материалистическим и идеалистическим направлениями. Наряду с работами, авторы которых стремятся дать истолкование фактам и событиям из истории идей в Японии на основе научного метода, за последние годы там появилось немало книг, написанных с идеалистических позиций. К подобным работам относится, например, вышедшая в 1954 г. книга под редакцией Фуруказа Тэсси — ассистента Токийского университета — «История идей в Японии». Авторами книги являются профессора Оути Сабуро (университет в Яманаси), Кацубэ Санэнага (Женский университет) и лектор Ёсиба Сёкин (Токийский пединститут). В их книге дана история развития религиозных идей в Японии. Идеалистические установки авторов, значение, которое они придают религиозным идеям в истории Японии, проявляются уже в предисловии и в первой главе книги.

Авторы утверждают, что «синтоизм, буддизм, конфуцианство и христианство явились теми элементами, которые формировали идеи в Японии в самом широком понимании этого слова». По их мнению, зарождение и развитие юридических, философских, морально-этических учений в Японии — результат воздействия религиозных теорий на общество. Стремясь обосновать свою точку зрения на роль религий в истории страны, авторы прибегают к рассуждениям о сущности государства, общества и т. д., используя для этого общетеоретические положения философии права, выдержанной в откровенно идеалистическом духе. Государство, утверждают они,— это «определенная политическая организация», а общество — «сложившаяся культурная ассоциация». Государство зарождается как «продукт культурного развития общества», имеющего единую культурную организацию, первичной формой которой является единая религия. Организующим элементом государства неизменно выступает закон — «форма общественной жизни, представляющая собой проявление свободного сознания», которое развивается под воздействием религии. Авторы рассматривают развитие идей в Японии исходя из выдвинутого ими тезиса о решающем значении религии в истории общества.

Исследование носит характер перечисления различных видов японского синтоизма (так называемого ребусинто — соединения синтоизма и буддизма — синто Ёсида, конфуцианского синтоизма и т. д.), буддизма, конфуцианства и христианства без сколько-нибудь серьезного, подлинно научного анализа содержания этих учений. Авторы «Истории идей в Японии» рассматривают историю религиозных идей как процесс преемственной связи тех или иных идеологических концепций, имеющих, по их мнению, самодовлеющий характер. Стержнем, вокруг которого развивались все религиозные, этические, философские теории в Японии, они считают синтоизм и пишут о нем как о «традиционном японском учении». К другим традиционным японским учениям они относят теории об особой роли японского императора. История распространения буддизма и конфуцианства в Японии так, как она изложена в книге, представляет собой историю «поглощения» этих учений синтоизмом. На этом авторы прежде всего и останавливают внимание читателя, при каждом удобном случае подчеркивая, что было достигнуто тем или иным японским идеологом для соединения синтоизма с буддизмом, конфуцианством и т. д.

Следуя своему тезису о роли религий в истории развития государства, авторы стараются показать, как принципы, нашедшие свое отражение в официальных религиозных доктринах, проникали в японское законодательство. В особенности это относится к тем разделам книги, где освещаются вопросы проникновения в Японию буддизма. Для этого авторы подробно цитируют «Нихонги», конституцию императора Суйко, свод законов Тайка и т. д. Заслугу первых носителей буддизма в Японии авторы видят в том, что им в конце концов удалось превратить Будду из кланового бога в бога общегосударственного. Авторы сожалеют о том, что в Японии после периода Камакура не велись углубленные исследования основ буддизма, и он «потерял свое духовное содержание» (стр. 134).

О книге «История идей в Японии» можно было бы и не упоминать, поскольку она не вносит ничего нового в изучение истории идей в Японии. Но идеалистический, формальный подход ее авторов к толкованию явлений идеологической жизни Японии обязывает к этому, тем более, что данная работа может оттенить тот полезный труд, который проделали авторы книг «Японские мыслители» и «Японские мыслители нового времени».

*Б. В. Поспелов*

---

*АБД-УР РАЗИК МУХАММЕД ХАСАН. Кризис экономики Египта.* М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, 105 стр.

За последние два-три года Издательство иностранной литературы выпустило значительное количество переводных книг по истории, экономике, литературе и культуре стран арабского Востока и, в частности, Египта. Среди ряда книг, посвященных этой стране [1], на русский язык переведена и издана также книга А. М. Хасана «Кризис экономики Египта».

Интерес советского читателя к событиям, происходящим в современном Египте— стране древнейшей культуры, не случаен. Современный Египет после ликвидации монархического режима в результате июльского переворота 1952 г. начинает играть все более активную роль на Арабском Востоке. Представители Египта принимали активное участие на Бандунгской конференции стран Азии и Африки, осудившей политику колониализма держав Запада и попытки втянуть борющиеся за свою независимость и национальный суверенитет страны и народы Азии и Африки в чуждые их коренным интересам агрессивные блоки. Египет, проводя независимую мирную внешнюю политику, отверг планы «Средневосточного командования» и осудил агрессивный Багдадский пакт. В своей внутренней политике Египет принимает определенные меры к ликвидации полуфеодальных отношений в стране и начинает создавать национальную промышленность.

Автор рецензируемой книги А. М. Хасан пишет, что мероприятия нового, республиканского, правительства в Египте, за последние годы «направлены к изменению господствовавшего в египетском обществе порядка и перестройке его на новый лад» (стр. 66).

А. М. Хасан отмечает также, что при всех недостатках, какие имеются в проводимой земельной реформе в Египте, она все же является шагом вперед, за которым, как он надеется, последуют другие, не менее смелые шаги. Затруднения, имевшие место при проведении земельной реформы, привели к тому, что была установлена высокая норма землевладения в 200 федданов. Однако, как думает А. М. Хасан, «не исключена возможность, что постепенно, при ожидаемом успешном развитии реформы, может быть установлен максимум в 50 федданов. Об этом говорят очень многие, и мы надеемся, что это будет сделано в ближайшем будущем» (стр. 81).

В своей книге, небольшой по объему, но насыщенной фактическим материалом, А. М. Хасан ставит острые вопросы экономики современного Египта и делает попытку дать их решение. Поскольку книга была написана в 1953 г., в ней освещается экономика Египта того периода, когда в стране был еще королевский режим. В условиях республики автор рекомендует ряд мероприятий по перестройке экономики страны в соответствии с ее национальными интересами.

Книга содержит шесть глав, посвященных отдельным проблемам экономики

---

[1] *А. ар-Рафии.* Восстание 1919 года в Египте. История национально-освободительного движения 1914—1921 годов. М., 1954; *А. Айру.* Феллахи Египта, 1954; *Р. аль-Барави и М. Х. Улейш.* Экономическое развитие Египта в новое время. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954.



Египта: кризису производства и сбыта хлопка, стерлинговой проблеме и рынку сбыта, проблемам производства и распределения, безработице и роли иностранного капитала в стране.

Значительное внимание автор уделяет вопросу о хлопке, являющемся монокультурой в Египте и составляющем основную статью экспорта страны. Хлопок дает 40% национального дохода, а в стоимости экспорта страны удельный вес хлопка составляет 80%. Стоимость урожая хлопка в 1950 г. равнялась 213 млн. фунтов. На эту сумму, говорит автор, можно было закупить не только урожай всех остальных культур того года, но и оплатить импорт пшеницы и других продовольственных товаров (стр. 54). Развитие хлопководства привело к тому, что в Египте возникло прядильное, прессовальное, маслобойное, мыловаренное дело.

Вложения капитала и применение рабочей силы в большей мере прямо или косвенно связаны с переработкой хлопка (стр. 55). Поэтому вопрос о замене одной культуры другой переплетается с проблемой безработицы и проблемой рынка. Речь идет, следовательно, не о резком сокращении посевной площади хлопка, так как она занимает не больше 15% обрабатываемой площади в целом, а о правильной организации экспорта хлопка и о переработке возможно большей части его внутри страны. Автор рецензируемой книги считает нужным изучить возможность переработки значительной части хлопка в пряжу. Это обеспечило бы работой десятки тысяч безработных, а также национализацию и планирование сбыта хлопка и дало бы возможность «обуздать крупных торговцев и спекулянтов хлопком, этой кучки людей, в большинстве своем иностранцев, интересы которых связаны с заграницей». А. М. Хасан пишет, что предлагаемые им меры могут причинить ущерб лишь кучке торговцев, спекулянтов и крупных плантаторов хлопка (стр. 51).

Автор книги приветствует заключение клиринговых соглашений с Польшей, Китайской Народной Республикой, Венгерской Народной Республикой и другими странами, ведущими с Египтом обоюдно выгодную торговлю. Сосредоточение запасов хлопка в руках государства, по его мнению, даст государству возможность определять характер торговли с другими странами и впредь сделает Египет независимым от стихии капиталистического рынка. Это обеспечит защиту общенациональных интересов страны, как то произошло с другими странами, которые «отошли от системы свободного рынка, открытого для спекулянтов» (стр. 53). Автор выступает и против «крупных землевладельцев, постоянно оказывавших давление на госаппарат в своекорыстных интересах», не считающихся и в настоящее время с национальными интересами. В связи с этим автор стоит за изменение «существующей структуры экономики» страны, за «разрушение стены материального неравенства между классами». «Высокие дворцы,— пишет А. М. Хасан,— рядом с которыми ютятся глиняные конуры, наглядно доказывают отсутствие гармонии в обществе» (стр. 78).

На основании данных о больших капиталовложениях за последние десятилетия в ирригацию, строительство и для расширения посевных площадей, автор говорит, что эти мероприятия «не принесли до сих пор желательную пользу в смысле подъема общего жизненного уровня населения, в частности, крестьян и наемных рабочих». А. М. Хасан делает вывод, что «проблемы безработицы и нищеты не могут разрешиться частично». Он предлагает взяться за «главное звено цепи». Главным звеном этой цепи А. М. Хасан считает «распределение богатства в стране». Мы живем, пишет он, в обществе, управляемом людьми, правительствами, а общество состоит из лиц, имеющих свои экономические и социальные интересы, и если интересы этих лиц «не соответствуют интересам общества и они не представляют общество, то они фактически навязывают ему (т. е. обществу.— *А. С.*) волю того класса, к которому они принадлежат». Поэтому автор считает, что налоговая система является одним из рычагов в руках правительства, посредством которого оно может «увеличить могущество представляемых им классов и подорвать позиции других классов». Государство, говорит А. М. Хасан, может прямо или косвенно содействовать «изменениям в состоянии производства и, следовательно, изменениям в социальном положении различных классов общества» (стр. 73).

Исходя из этих положений, А. М. Хасан считает необходимым проведение более радикальной земельной реформы и пересмотр налоговой системы, введение прогрессивного налога на прибыль, уменьшение косвенных налогов на товары широкого потребления. Автор рецензируемой книги рекомендует политику поощрения ввоза промышленного оборудования и ограничения ввоза предметов роскоши, высмеивает как вымысел мнение полуфеодальных землевладельцев, что Египет — это аграрная страна, не приспособленная к индустриализации. Промышленное развитие страны, проводимое с учетом интересов трудящихся классов, замечает автор, будет «подрывать господство и влияние землевладельцев-феодалов как в экономике, так и в общественно-политической жизни страны» (стр. 77). А. М. Хасан выступает за развитие отечественной индустрии.

Решая вопросы о характере экономики страны, о том, в чьих руках должно быть сосредоточено выращивание и сбыт хлопка, о контингенте экспорта и импорта, распределении земли и о налоговой политике, А. М. Хасан на первый план выдвигает общенациональные интересы страны. В частности, он предлагает отказаться от монокультуры хлопка и проводить политику внедрения и расширения площади других ценных культур — овощей, фруктов и табака, указывая, что отказ в прошлом от культивирования табака в Египте был результатом политики хозяйничанья иностранных кредиторов в стране. А. М. Хасан считает, что Египет «должен проводить экономическую политику исходя из своих национальных интересов».

Книга А. М. Хасана написана с учетом национальных интересов современного Египта, и автору удалось в основном наметить пути перестройки экономики страны, развитие которой тормозилось иностранными монополиями, заботящимися только о своих высоких прибылях. Ознакомление с такой книгой послужит еще большему пониманию советскими людьми нужд, чаяний и планов трудолюбивого народа дружественной нам страны.

*А. Ф. Султанов*

---

## ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО ВОСТОКА С 1945 ПО 1954 ГОД [1]

Экономический и Социальный Совет ООН выпустил в свет специальный обзор экономического развития стран Среднего Востока с 1945 по 1954 г. как приложение к докладу о мировом экономическом положении в 1954 г. Этот обзор за десять лет, а также ежегодно выпускаемые обзоры дают большой фактический материал, позволяющий судить о состоянии экономики стран Ближнего и Среднего Востока.

Рецензируемая книга состоит из восьми глав. В первой главе дан краткий экономический обзор стран Ближнего и Среднего Востока в целом, а в последующих главах — экономическое описание Египта, Ирана, Ирака, Израиля, Ливана, Сирии и Турции. Краткие сведения об экономике других стран Ближнего и Среднего Востока приведены в общих статистических таблицах по различным отраслям экономики этих стран и по отдельным из них.

Страны Ближнего и Среднего Востока, занимающие территорию около 10 млн. км² с населением 110 млн. человек, исторически отстали в своем экономическом развитии вследствие своего колониального и полуколониального положения. Развитые в промышленном отношении капиталистические государства используют слаборазвитые страны как рынок сбыта для своих промышленных товаров, как источники сырья и сферу выгодного приложения капитала.

---

[1] L'Evolution economique au Moyen Orient. 1945 á 1954. Suppl. au Rapport sur l'economie mondiale, 1945—1954. New York, 1955, 256 p.



В первой главе, рассматривающей экономику всех стран Ближнего и Среднего Востока, сказано: «Послевоенный период характеризуется заметным развитием экономики стран Среднего Востока. В последние годы это развитие ускорилось. В первые послевоенные годы такие порожденные войной явления, как инфляция, истощение обрабатываемых земель, изношенность транспорта, отразились на экономике. На нее повлияли также политические события, которые потрясли некоторые страны. *Тем не менее в течение этого периода добыча нефти увеличилась в огромном количестве*» (стр. 1).

В главе приведены цифры о росте добычи нефти в странах Ближнего и Среднего Востока. Если в 1938 г. в этом районе было добыто 16,1 млн. тонн нефти, то в 1954 г.— 135,5 млн. тонн. Удельный вес этих стран в мировой добыче нефти капиталистических стран с 5,7% в 1938 г. поднялся до 19% в 1954 г. (стр. 2).

Цифры, приведенные в обзоре, наглядно показывают, что огромные нефтяные богатства стран Ближнего и Среднего Востока, находящиеся в распоряжении иностранных монополий, не влияют на общий подъем и развитие экономики этих стран, не улучшают экономического положения их народов.

«Огромная производительность нефтедобывающей промышленности района,— указывается в обзоре,— так же как и изменение концессионных взносов и принятие принципа деления прибыли пополам, имели своим результатом увеличение доходов стран, в которых добывается нефть[2]. Прямые платежи странам, в которых добывается нефть, с 1946 по 1954 г. составили приблизительно 2,5 млрд. долл. С 55 млн. долл. в 1946 г. они достигли приблизительно 700 млн. долл. в 1954 г. 93% этой суммы приходится на Саудовскую Аравию, Ирак и Кувейт. *Поставки промышленного оборудования в счет этой суммы составляют лишь незначительную часть этих поступлений* (курсив наш.— *А. О.*). Эти поставки продолжают увеличиваться в абсолютных цифрах. Помимо этих прямых платежей, нефтяные компании увеличили расходы на заработную плату и на материалы. В 1954 г. в нефтяной промышленности Среднего Востока было занято 150 тыс. рабочих и служащих против 75 тыс. в 1945 г.» (стр. 6—7).

В третьей главе, посвященной экономике Ирака, приведены данные с 1927—1933 гг. по 1954 г. о добыче, внутреннем потреблении и общей сумме стоимости экспорта нефти, прямых концессионных поступлениях и другие. Но из данных не видно, как были использованы доходы от нефти для промышленного, ирригационного и энергетического развития Ирака, для повышения уровня жизни населения.

В общих чертах указывается, что поступления по концессионным платежам и были теми необходимыми финансовыми ресурсами, которые поступали в доход страны.

В 1951 г. иракское правительство приняло шестилетний план экономического развития (с апреля 1951 по март 1957 г.), предусматривающий использование части финансовых поступлений от нефтяных концессионных компаний. По плану предполагалось израсходовать 155 374 тыс. иракских динаров, из них: на ирригацию — 53,4 млн., на дорожное строительство — 26,8 млн., на строительство новых объектов — 18 млн., на завершение землеустроительных работ —23 млн. и, наконец, на промышленность — 31 млн. иракских динаров. Всего израсходовано лишь 26 млн. иракских динаров, что на 31,9 тыс. иракских динаров меньше суммы, предусмотренной планом для периода с 1951/52 по 1953/54 г. Не выполнены планы по ирригации и промышленности (стр. 84).

Кувейт, Саудовская Аравия, как известно, добывают нефти больше, чем Ирак. Однако в экономическом обзоре места им не уделено.

Значение Ближнего и Среднего Востока как мирового источника нефти огромно. Этому нефтяному району принадлежит большое будущее. По данным 1954 г., обна-

---

[2] Эти так называемые новые условия были установлены после 1951 г. в результате национализации иранским правительством предприятий нефтяной промышленности, принадлежащей Англо-Иранской нефтяной компании.

руженные здесь запасы нефти составляли 60% запасов всех капиталистических стран. Американские и английские нефтяные компании увеличивают свои капиталовложения. В целом иностранные капиталовложения в нефтяную промышленность района в 1954 г. составили 2,2 млрд. долл. против 1 млрд. долл. в 1945 г.

Производственная способность нефтеперерабатывающих заводов района с 41,5 млн. тонн в 1947 г. увеличилась до 62 млн. тонн в 1954 г., т. е. на 49%, а добыча нефти — на 221%. Мощности указанных заводов далеко не используются полностью. Переработка нефти на месте в 1953 г. составила лишь 26,8 млн. тонн, а удельный вес стран этого района в общей переработке нефти капиталистических стран снизился с 8,7% в 1946 г. до 4,5% в 1953 г. После второй мировой войны, как указывается в отчете, увеличилось число нефтеперерабатывающих заводов в нефтепотребляющих западноевропейских странах, где в 1954 г. было переработано 107 млн. тонн нефти вместо 23 млн. тонн в 1948 г. (стр. 4).

Подобное положение полностью идет на пользу иностранным монополистическим компаниям и в ущерб тем странам, в которых добывается нефть, а также усиливает их экономическую зависимость от стран империализма.

* * *

В первой главе обзора рассматривается также сельское хозяйство стран Ближнего и Среднего Востока.

В обзоре констатируется, что сельскохозяйственное производство в 1953 г. превысило уровень 1945—1947 гг. более чем на 50%[3].

Увеличение сельскохозяйственного производства, говорится в обзоре, произошло в результате расширения посевных площадей, которые по сравнению с довоенным уровнем расширились в 1953 г. на 40%. Это увеличение произошло также в результате действия трех факторов: роста механизации[4], расширения ирригации и исключительно благоприятных климатических условий[5]. Урожайность с гектара превзошла довоенный уровень в 1953 и 1954 гг. не на много (стр. 9).

Однако производство зерновых культур еще недостаточно, учитывая, что население Ближнего и Среднего Востока, судя по отчету, увеличилось с 1938 г. на 25%. Производство хлопка, являющегося главной экспортной культурой, резко сократилось во время войны... Довоенный уровень производства хлопка был восстановлен в 1950 г. и в течение последующих лет поднялся на 20% ... Выращивание масличных культур изменялось таким же образом... Производство табака изменялось не в меньшей степени. В настоящее время увеличение его произошло на 30—40% выше довоенного уровня, причем Турция попрежнему остается основным производителем табака. Площадь цитрусовых культур ... уменьшилась приблизительно на 50% по

[3] Для сравнения взяты самые неурожайные 1945—1947 гг. и самый урожайный 1953 г.

[4] В примечании к тексту обзора говорится, что до второй мировой войны в сельском хозяйстве рассматриваемого района сельскохозяйственные машины применялись очень мало. По последним данным количество тракторов составило: на острове Кипре — 737; в Египте — 7000; Ираке — 750; Иране — 1186; Израиле — 3386; Иордании — 175; Ливане — 134; Судане — 283; Сирии — 1200; Турции — 35 670.

[5] «По оценке одной экспертизы,— сказано в примечании к тексту,— увеличение сельскохозяйственного производства в Турции в период между плохим урожаем 1948 г. и рекордным урожаем 1953 г. произошло на 48% за счет расширения обрабатываемых площадей, на 43% в результате благоприятных климатических условий и на 9% за счет улучшения методов обработки, повышения качества семян, применения удобрений, роста урожайности и механизации».



сравнению с довоенным периодом. Сбор других фруктов увеличился лишь в Ливане (стр. 7).

Хлопок и табак составляли в 1934—1938 гг. 55% экспорта этих стран, в 1949—1951 гг.— 59% и в 1953 г.— 64%.

В обзоре отмечается, что «...падение мировых цен на зерно в 1953 и 1954 гг. и отсутствие спроса на него во многих странах, являющихся потребителями зерна, заставляют стимулировать развитие животноводства» (стр. 9).

Приведенные цифры и факты показывают, что происходит дальнейшая узкая специализация сельского хозяйства на экспорт и его подчинение конъюнктуре внешнего капиталистического рынка; это периодически приводит к перестройке и дезорганизации сельского хозяйства, а также к ухудшению положения трудового крестьянства.

* * *

Характеристика промышленного производства в странах Ближнего и Среднего Востока дана в первой главе обзора в относительных, а не в абсолютных цифрах. Более подробно промышленное производство описывается в последующих главах, посвященных отдельным странам.

Отмечается, что «во время второй мировой войны промышленное производство всего этого района, за исключением горнодобывающей и нефтяной промышленности, увеличилось более чем на 50%. В послевоенный период рост промышленного производства замедлился» (стр. 10).

Индекс промышленного производства в наиболее важных отраслях промышленности всего района и отдельных групп стран приводится ниже (1946 г.— 100):

| | 1938 г. | 1950 г. | 1953 г. |
|---|---|---|---|
| Электричество | 54 | 165 | 244 |
| Цемент | 76 | 158 | 196 |
| Хлопчатобумажная пряжа | 59 | 125 | 151 |
| Хлопчатобумажные ткани | 64 | 91 | 133 |
| Сахар (Египет, Турция, Иран, Сирия, Ливан) | 94 | 117 | 171 |
| Сигареты | 68 | 113 | 132 |
| Спички | 71 | 144 | 161 |
| Бумага и картон (Турция, Египет) | 66 | 122 | 150 |
| Серная кислота (Египет, Турция, Израиль) | 31 | 215 | 281 |
| Суперфосфат (Египет, Израиль, Турция) | 67 | 235 | 451 |
| Мыло (Египет, Израиль, Сирия, Ливан, Ирак) | 76 | 100 | 130 |
| Сталь (Турция, Египет) | — | 154 | 276 |
| Стекло и стеклянные изделия (Турция, Египет, Израиль, Сирия) | 31 | 78 | 160 |

В обзоре указывается, что в помещаемые данные не включена продукция новых отраслей промышленности, получивших развитие в послевоенный период: сборка автомобилей, тракторов, холодильников, гранение и шлифовка алмазов, производство автопокрышек, различных химических и фармацевтических изделий, электроаппаратуры, искусственных тканей и пряжи, изделий из пластмассы, металлических изделий, надводных перевозочных средств и строительство ремонтных мастерских ... В настоящее время в промышленном производстве, за исключением нефтедобывающей промышленности, вокруг Персидского залива насчитывается около 2 млн. работающих, из которых более $^2/_3$ приходится на Турцию и Египет. Немногим более полови-

ны от общего количества — это все фабрично-заводские рабочие, остальные — кустари и ремонтные рабочие. В рудниках занято 100 тыс. рабочих, половина этого количества приходится на Турцию. За последние годы добыча полезных ископаемых увеличилась. Обрабатывающая и добывающая промышленность дает 25% национального валового дохода в Израиле, 15% — в Ливане и Турции и 10% — в Египте и Сирии (стр. 10).

Данные обзора свидетельствуют о некотором развитии промышленного производства в странах Ближнего и Среднего Востока, об увеличении численности рабочего класса и усилении тенденции к самостоятельному экономическому развитию, но вместе с тем они говорят и об очень большой экономической отсталости этих стран. Главные отрасли промышленности зависят от закупок оборудования за границей. Машиностроительных заводов нет. В Турции производится только 169 тыс. тонн стали (стр. 237), что не удовлетворяет и половины потребности страны в металле.

Экономическая отсталость стран Ближнего и Среднего Востока может быть преодолена лишь путем упорной и настойчивой борьбы народов этих стран за самостоятельное и всестороннее экономическое развитие.

Существенным недостатком обзора является то, что в нем не уделено должного внимания экономическому положению трудящихся. В обзоре отмечается, что «еще с 1938 г. почти во всех странах района ... налоги неоднократно увеличивались» (стр. 12).

Увеличение массы находящихся в обращении денежных знаков, индексы оптовых цен и стоимости жизни, приведенные для некоторых стран, свидетельствуют о неустойчивости денежного обращения, росте оптовых цен и продолжающемся увеличении роста стоимости жизни.

Количество денежных знаков, имеющихся в обращении, в Ираке увеличилось почти в десять раз по сравнению с довоенным уровнем, оптовые цены — в пять раз и стоимость жизни — почти в пять раз. Положение Ирана характеризуется тем, что масса денежных знаков, имеющихся в обращении, увеличилась в двенадцать раз, оптовые цены и стоимость жизни — в восемь раз. То же происходит в Турции и Израиле. С 1949 по 1954 г. в каждой из этих стран масса денежных знаков в обращении увеличилась более чем в два раза. В Израиле в 1954 г., по сравнению с 1949 г., оптовые цены почти утроились, а стоимость жизни возросла в 2,3 раза (стр. 21). Как правило, рост дороговизны в странах Ближнего и Среднего Востока не сопровождается увеличением доходов трудящихся, в связи с этим постоянно происходит снижение покупательной способности населения.

В рецензируемом обзоре большое место отведено внешней торговле стран Ближнего и Среднего Востока и их положению в системе капиталистического рынка. После второй мировой войны многие из стран этого района стали политически самостоятельными. Однако как поставщики сырья они экономически в сильной степени зависят от постоянно меняющейся конъюнктуры капиталистического рынка. Как показано в обзоре, структура экспорта основных товаров не изменилась за послевоенный период. Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье составляют от 90 до 100% стоимости экспорта Египта, Ирана, Иордании, Судана и Турции и от 70 до 80% — в Ираке и Сирии. Ливан и Израиль по характеру экспорта несколько отличаются от названных стран. Структура экспорта Ливана состоит на 50% из сельскохозяйственного сырья, а Израиля — на 45% (стр. 18).

Импорт состоит из разнообразных промышленных товаров, продающихся внутри этих стран, причем наплыв импортируемых товаров препятствует развитию национальной промышленности.

Приведенные в обзоре данные о внешнеторговых балансах каждой страны за последние пять лет показывают, что дефицит во внешней торговле всех стран Ближнего и Среднего Востока из года в год растет.

В Ираке в 1950 г. на сумму импорта в 105 млн. долл. приходится сумма экспорта в 60 млн. долл. В последующие годы этот дефицит во внешней торговле Ирака непрерывно рос. В 1951 г. он составил 61 млн.; в 1952—117 млн.; в 1953—136 млн.; и за девять месяцев 1954 г.— 114 млн. долл. (стр. 16). Дефицит во внешней торговле Ирак покрывает поступлениями от нефтяных концессионных компаний, т. е. нефтяные богатства Ирака не содействуют его экономическому развитию, а доход от них идет на покупку товаров широкого потребления. Такое же положение в Иране. Дефицит торговых балансов Турции и Израиля покрывается за счет иностранных займов и кредитов, что ведет к дальнейшему закабалению этих стран.



Из всех стран этого района особые экономические трудности испытывают Иран, Турция, Израиль и Ирак, т. е. те страны, которые идут в фарватере политики империалистов. В Иране, Турции, Израиле и Ираке растет дефицит в бюджете, что объясняется ростом военных расходов. В связи с военными расходами происходит рост инфляции, это ведет к повышению цен, к еще большему обнищанию трудящихся.

* * *

«За последние годы,— говорится в обзоре,— Средний Восток получил существенную иностранную финансовую помощь, особенно от США, но эта помощь была оказана ограниченному количеству стран» (стр. 23). В примечании к тексту читаем, что иностранные вложения в страны Среднего Востока с 1944 по 1953 г. составили следующие суммы (в млн. долл.):

| | США | Другие страны | Всего |
|---|---|---|---|
| Прямые вложения | 824 | 695 | 1 519 |
| Вложения за счет продажи ценных бумаг | 140 | 10 | 150 |
| Дары и возвратные кредиты, предоставленные иностранными государствами (включая военную помощь) | 1 098 | 452 | 1 550 |
| Денежные переводы различных учреждений и организаций | 533 | 71 | 604 |
| | 2 595 | 1 228 | 3 823 |

Прямые вложения на 90% сделаны в нефтяные компании, а остальная сумма почти целиком ушла на «помощь» Израилю. Вложения в экономику Израиля были сделаны также за счет средств, полученных им от размещения облигаций в США. Больше других по разделу «дары» и т. д. получила Турция — 45%.

Если приведенные данные говорят о крупных инвестициях иностранных капиталов в некоторые из рассматриваемых в обзоре стран, то очевидно также, что почти половина вложений идет в одну отрасль — нефтяную промышленность, переданную на многие десятилетия в полное распоряжение иностранных нефтяных компаний. Эти компании заинтересованы лишь в получении максимальных прибылей, извлекаемых за счет эксплуатации населения и расхищения природных богатств.

Около половины иностранных капиталов идет на военную помощь, непосредственно связанную с вовлечением отдельных стран Ближнего и Среднего Востока в военные агрессивные блоки.

В обзоре отмечается, что некоторые из стран Ближнего и Среднего Востока приняли ряд мер, которые должны способствовать более широкому притоку иностранного капитала. При этом возлагаются также надежды на рост концессионных поступлений от нефтяных компаний, т. е. единственным средством подъема экономики рассматривается рост вложений иностранных капиталов.

Но в странах Ближнего и Среднего Востока все решительнее проявляется и другое мнение: что не только структура иностранных капиталовложений, но и методы деятельности иностранных компаний противоречат интересам и национальным усилиям народов этих стран — усилиям, направленным на достижение самостоятельного экономического и политического развития.

*А. П. Орешников*

---

تاریخ کشاورزی در ایران نگارش دکتر تقی بهرامی استاد دانشگاه طهران*

طهران، ۱۳۳۰

*ТАГИ БАХРАМИ. История земледелия в Иране.* Тегеран, 1952, 222 стр.

Доктор Таги Бахрами, профессор агрономического факультета Тегеранского университета, автор ряда статей по вопросам агрономии и агротехники, печатавшихся большей частью в иранских агрономических журналах, опубликовал в 1952 г. труд по истории земледелия и сельского хозяйства Ирана.

В рецензируемой работе вызывает интерес ее построение и распределение в ней материала. В книге двенадцать глав: I. Земледелие в Иране до эпохи Ахеменидов (стр. 3—10); II. Заратуштра (Зартушт)— пророк земледелия (стр. 11—17); III. От Ахеменидов до конца эпохи Сасанидов (стр. 18—40); IV. От конца эпохи Сасанидов до нынешних дней (стр. 41—83); V. История продуктов сельского хозяйства (стр. 84—142); VI. История государственных земель (стр. 143—149); VII. История министерства земледелия (стр. 150—154); VIII. История агрономического факультета в Тегеране (стр. 155—163); IX. История литературы по земледелию в Иране (стр. 164—194); X. История агрономических журналов в Иране (стр. 195—196); XI. История кочевников в Иране (стр. 197—203); XII. Экскурс о «Кабус-наме» (стр. 204—221). К книге приложены: список использованной литературы (94 названия), список работ автора, большей частью популярных (47 названий), и список изданий Тегеранского университета по всем дисциплинам (128 названий).

Книга посвящена в основном состоянию и развитию сельского хозяйства Ирана в XIX и XX вв. В главе I автор дал интересную сводку некоторых результатов археологических раскопок в Иране за последние два десятилетия. При раскопках в Тахт-и Джемшиде и Тепэ Хисаре в Дамгане найдены зерна пшеницы пяти-шеститысячелетней давности, а также зерна других культурных растений, куриные кости и т.д.[1]. Раскопки эти подтверждают мнение, что Иранское нагорье — один из старейших в мире очагов земледелия.

Земледелию в древности в книге уделено больше внимания, нежели земледелию в средние века: периоду арабского владычества автор посвящает всего четыре страницы (41—45), времени Газневидов — две (стр. 45—47), несколько больше — периодам господства монгольских ильханов (стр. 47—54), Тимуридов (стр. 54—58) и Сефевидов (стр. 58—66). При этом для эпохи средневековья привлечено в общем очень немного источников. Достаточно сказать, что сочинения арабских географов IX—X вв. использованы в самых скромных масштабах. По периоду монгольского владычества не использованы такие необходимые для истории земледелия источники, как географическое описание Ирана — «Нузхат-ал-қулуб» (ок. 1340 г.) Хамдаллаха Мустоуфи Казвини

[1] *Таги Бахрами.* История земледелия в Иране, стр. 3—4, 84 (со ссылкой на находки профессора Пенсильванского университета Куна); см. также *E. F. Schmidt.* Excavation at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937.



(на основании этого описания можно составить почти полное представление о локализации видов орошения и основных культурных растений в Иране), переписка Рашид-ад-дина («Мукātабāт-и й Рашīдй», перс. текст издан проф. Хан Бахадуром Мухамедом Шафи'в Лахоре в 1947 г.), неизданное географическое сочинение Хафиз-и Абру (начало XV в.) с подробным описанием местностей Хорасана [2]. Не использованы также многие сочинения по региональной историографии, вроде «Тāрīх-и Бейхак» Абу-л-Хасана 'Али ибн Фундука (1168 г.), «Тāрīх-и Табаристāн» Ибн Исфендийара (первая половина XIII в.), персидской версии «Махāсин-и Исфахāн» Хусейна Ави (1329 г.) и других, в которых содержатся ценные сведения о состоянии земледелия и сельского хозяйства в средние века [3]. Говоря о земледелии времени Сефевидов, Таги Бахрами совсем не привлек содержащихся у европейских путешественников — Олеария, Рафаэля дю Ман, Шардена, Кемпфера и других — богатых сведений о земледелии и сельском хозяйстве Ирана. В незначительной мере использованы лишь «Путешествия» Тавернье. Более подробно и на основании более обширного материала автор говорит о развитии сельского хозяйства в XIX — первой половине XX вв. и о состоянии его в наши дни.

В заслугу д-ру Таги Бахрами следует поставить использование персидских средневековых сочинений по агротехнике, которые до сих пор почти не использовались исследователями, в частности западноевропейскими. В труде Таги Бахрами дан обзор содержания персидских средневековых источников по земледелию (стр. 164—171). К этой категории источников наш автор относит пять сочинений: хорошо известный исследователям феодальный домострой XI в. «Кабус-наме»; посвященный земледелию отдел в энциклопедии «Нузхат-нāме-йи 'Алāйй» Шахмардана ибн Абу-л-Хейра, написанный в конце XI или, скорее, в начале XII в.[4]; составленный около 700 г. х. (1300/1301) неизвестным ученым и путешественником при Газан-хане монгольский трактат по агротехнике «Китāб-и 'ильм-и фалāхат ва зарā 'ат» [5]; написанный в 921 (1515) г. х. Фазилем Хереви трактат по агротехнике «Иршāд аз-зарā-'ат»; трактат по агротехнике «Иршāд аз-зарā 'ат» [6]; трактат по агротехнике «Китāб дар ма 'рифат-и ба 'зй умўр ки ахл-и фалāхатрā бэ кāр āйад», составленный не позднее конца XVI в. Таги Бахрами, по его словам, пользовался древнейшим списком этого сочинения, написанным рукою некоего Мухаммеда ибн 'Али ибн Махмуда в 1007 (1598/1599) г. х. [7].

Три последних трактата изданы в Тегеране, в 1322—1323 гг. х. (1905—1906) 'Абд-ал-Гаффаром Наджм-ад-доулэ, как I, II и IV части одной серии, под общим заглавием «Маджмў 'э-йи 'улўм-и йрāнй дар фалāхат ва зарā' ат ва бāгбāнй» («Собрание иранских наук о землепашестве, земледелии и садоводстве»).

---

[2] Об этом источнике см.: *В. В. Бартольд.* Хафиз-и Абру и его сочинения. Сб. «المظفرية» (ал-Музаффарийэ) в честь В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 1—28.

[3] См., например, «Тāрīх-и Бейхак», изд. перс. текста Ахмеда Бахманйара. Тегеран, 1950, стр. 270—276 (экономико-географическое описание округа Бейхак; перечислены сорта винограда и других плодов, сведения об орошении и т. д.); *Хусейн Ави.* Тарджумэ-йи махасин-и Исфахан, изд. перс. текста 'Аббаса Икбаля. Тегеран, 1928, стр. 64 сл.

[4] Известная рукопись данного труда в бывш. герцогской библиотеке в Гота, фонд Перча, № 10.

[5] Об издании текста см. ниже.

[6] Об издании текста см. ниже. В СССР нам известны две рукописи данного труда: рукопись из коллекции Е. М. Пещеревой и рукопись Института востоковедения АН УзССР, № 565/П (дефектная). О последней рукописи см.: «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР, под ред. А. А. Семенова», т. I. Ташкент, 1952, стр. 312—313 (описание № 721). В указанном описании автором труда ошибочно, на основании приписки на полях в рукописи, назван «некий Ниязи».

[7] *Таги Бахрами.* Указ. соч., стр. 167.

Все эти три трактата, несомненно, представляют большую ценность как источники по истории земледелия в Иране,— особенно «Иршад-аз-зара 'ат», равно как и «Нузхат наме-йи 'Алайи». Таги Бахрами очень преувеличивает значение «Кабус-наме» как источника для его книги: историк сельского хозяйства может использовать из «Кабус-наме» лишь небольшой и малосодержательный экскурс «о правилах дехканства» (из главы 43) и главу 25 «о покупке коня», представляющую некоторый интерес для истории коневодства в Иране.

Кроме анализа трудов по агротехнике, Таги Бахрами дает обзор содержания пяти персидских трактатов о коневодстве (*фарас-нāме*) и раздела о коневодстве из известного арабского труда Ибн-ал-Байтара (ум. 1248 г.), а также «Бāз-нāме-йи Нāçирӣ»— трактата о соколиной охоте, составленного в XIX в. Тимур-мирзою Каджаром, внуком Фатх-'Али-шаха (стр. 172—182). Далее Таги Бахрами сообщает, на основании «Нāме-йи дāнишвāран», краткие сведения о недошедших до нас средневековых сочинениях по агротехнике (*'илм-и кишāварзи*) и о новых (XIX—XX вв.) сочинениях по тому же предмету и по животноводству (стр. 183—194).

Общая схема истории земледелия в Иране, предлагаемая Таги Бахрами, вкратце такова: Иранское плато — древнейший очаг земледельческой культуры на земле, первая в мире страна, где человек стал заниматься пахотой и посевом, а также приручением домашних животных (стр. 4 сл.). Земледелие в Иране процветало вплоть до времени Ахеменидов, покровительствовавших сельскому хозяйству. Завоевание Ирана войсками Александра Македонского сопровождалось разрушениями, насилиями и притеснениями земледельцев, что в конечном итоге привело к резкому упадку сельского хозяйства. Войска Александра Македонского разрушили плотины и дамбы, важные для орошения (стр. 30). Земледелие затем пережило период нового процветания при Сасанидах, проявлявших большие заботы об обработке земель, о подъеме земледелия и о благоденствии земледельцев (стр. 33 сл.). Податную реформу Хосрова I Ануширвана автор считает благоприятной для крестьян и земледелия (стр. 35 и сл.).

Это по меньшей мере сомнительно, ибо, как известно, при Хосрове I прежняя система поземельного обложения в виде $^1/_6$—$^1/_3$ доли урожая в натуре была частично заменена твердыми ставками обложения в деньгах с площади земли, независимо от состояния и размеров урожая. По рассказу Табари, один из писцов позволил себе заметить царю, что ведь виноградная лоза может засохнуть, посевы — высохнуть, источник, канал или водопроводная труба также могут остаться без воды,— как же, учитывая все это, можно землю облагать постоянными ставками? [8]. Скорее, податная реформа Ануширвана должна была ухудшить положение крестьянства.

Далее, согласно схеме, предложенной Таги Бахрами, земледелие в Иране испытало новый упадок после арабского завоевания, при Омейядах — носителях бедуинских традиций, облагавших земледельцев Ирана непомерными налогами и притеснявших их (стр. 43). Напротив, Аббасидам, усвоившим иранские государственные традиции, Таги Бахрами, ссылаясь на мнение Джурджи Зейдана, приписывает заботы о земледельцах[9] и о возрождении земледелия, облегчение налогов и «покровительство всем райатам из числа зиммиев и мавали» (стр. 44 сл.). Если согласиться с мнением автора рецензируемой книги, то было бы трудно понять, чем же были вызваны бесчисленные крестьянские восстания в Иране при Аббасидах, каковы восстания краснознаменных (сурх 'алам, 778 г.), восстания Бабека (816—837 гг.), Мазьяра (839 г.) и другие.

[8] См. *Th. Nöldeke.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt. Leyden, 1879, S.243.

[9] تاريخ تمدّن اسلامى* تاليف جرجى زيدان ترجمه [فارسى] ميرزا ابراهيم قمى ١٣٢٩ هجرى قمرى جلد دوم ص ٥٨

(*Джурджи Зейдан.* История мусульманской культуры, перс. пер. с арабского мирзы Ибрахима Куми), т. II, 1329 г. х. [лунной] (1911), стр. 58.



Далее Таги Бахрами, отметив кратко крайний упадок сельского хозяйства в Иране, наступивший после монгольского завоевания (стр. 49), признает положительное значение реформ Газан-хана для возрождения земледелия (стр. 49—54) и указывает затем, что после разрухи времени нашествия Тимура наступил новый подъем сельского хозяйства при Сефевидах. Наш автор обходит молчанием вопрос о том, как отразилось на судьбах земледелия завоевание Ирана сельджуками, хотя источники рисуют сельджукское нашествие как опустошительное [10].

Историческая схема, выдвинутая Таги Бахрами, верная в отдельных частях, в целом представляется упрощенной и не лишенной черт националистической идеализации аграрной политики династий иранского происхождения или династий, усвоивших традиции иранской государственности. Это особенно заметно в трактовке нашим автором проблемы кочевников в Иране. Вопреки ясному сообщению Геродота о том, что одни древнеперсидские племена были земледельческими, другие же — кочевниками, каковы даи, марды, дропики, сагартии [11], Таги Бахрами считает возможным утверждать, что до вторжения Александра Македонского в Иране не было кочевников[12]. По мнению автора рецензируемой книги, падение старинной иранской государственности с ее традиционной справедливостью и заботами о земледелии, грабежи и притеснения завоевателей вынуждали земледельцев бежать с насиженных мест и становиться кочевниками. «Кочевничество (*чāдарнишīнӣ*),— пишет Таги Бахрами,— это именно бегство от насилий, истязаний и смерти; бегство от страха перед грабежом и господством грабителей (*чапāвул дāрāйи*), перед насилием над женой и дочерью, а если бы не то, если бы в стране сохранялись безопасность и правосудие, то и все жители также оставались бы постоянно на своих местах»[13]. Не нужно быть марксистом, чтобы признать подобное объяснение происхождения кочевого скотоводства неисторическим.

В главе V автор книги рисует современное состояние различных отраслей сельского хозяйства в Иране, в частности культуры табака, опийного мака, риса, сахарного тростника, хлопка, чая, сахарной свеклы, промышленного цветоводства (интересна классификация сортов розы, стр. 95—96), виноградарства, шелководства, рыбных промыслов [14]. Лишь скупо и вскользь автор останавливается на времени появления в Иране некоторых культурных растений. В частности, автор утверждает, что табак возделывался в Иране еще до открытия Америки, и из Ирана был вывезен в Европу (стр. 84—85). Этому противоречит, однако, то, что средневековые персидские источники не упоминают о табаке. Также и культуру шелковичного червя в Иране автор считает аборигенной, а не заимствованной из Китая через Турфан и Среднюю Азию (стр. 99—100).

Автор защищает довольно распространенное мнение, будто арабское завоевание и введение ислама в Иране убило развитое прежде здесь виноделие (стр. 99). Но источники не подтверждают этого тезиса. Знаменитая книга основ фармакологии Абу Мансура Муваффака ал-Хереви (конец X в.)[15], «Кабус-наме»[16], поэма «Дастур-наме» Ни-

[10] См. *Фахр-ад-дин Гургани.* Вис у Рāмин (предисловие автора), изд. перс. текста Муджтеби Минови. Тегеран, 1935, стр. 23—24 (о разорении сельджуками Исфаханского оазиса); «The Farsnama of Ibnu'l-Balkhi», ed. by G. Le Strange and R. A. Nicholson. «Gibb memorial series». Persian text, p. 132, 134 (о разорении Шираза).

[11] *Геродот.* История, кн. I, гл. 125 (рус. перевод Ф. Мищенко), М., 1888, т. I, стр. 69.

[12] *Таги Бахрами.* Указ. соч., стр. 197.

تازمان حملهٔ اسکندر بایران مردم چادر نشین درایران نبوده

[13] Там же, стр. 197.

[14] Там же, стр. 115—122, приведен текст договора между Ираном и СССР относительно рыбных промыслов от 1 октября 1927 г.

[15] См. «Codex Vindobonensis sive medici Abu Mansur Muwaffaq bin Ali Heratensis Liber fundamentorum pharmacologiae...», edidit Dr. F. R. Seligmann, pars I (перс. текст), Vindobonae, 1859, p. 101—104.

[16] «Кāбӯс-нāме», глава II.

зари (XIII в.)[17], сообщения Рашид-ад-дина [18] и других авторов убеждают нас в том, что по меньшей мере до XVI в. производство вина, в частности и высоких сортов, в Иране было широко распространено, употребление вина было всеобщим, а продажа его часто производилась совершенно открыто.

Правильно отмечая в главе VI значение государственного землевладения в истории Ирана, автор приписывает Газан-хану монгольскому учреждение впервые специального ведомства для управления государственными землями — *дӣван-и хӑлисэджӑт* (стр. 150). Заметим, однако, что если в новое время в Иране термин *хӑлисэ*, множ. число *хӑлисэджӑт* или *хӑлисӑт*, означает государственные земли, то в средние века этот термин имел другие значения. В частности, в ярлыках Газан-хана этим термином обозначены заброшенные и запустевшие земли, отданные на льготных условиях в аренду землевладельцам[19] (тунна); именно эти земли и находились в ведении *дӣван-и хӑлисӑт*, заключавшего контракты с тунна на эксплуатацию этих земель[20]. Государственные же земли при монгольских ильханах всегда именовали *ӑрӑзӣ-йи дивӑнӣ*, а не *хӑлисӑт* и они находились в заведывании «верховного дивана» (*дӣван-и'ал'ӑ*).

Книга Таги Бахрами содержит немало интересного материала, особенно о современном состоянии сельского хозяйства в Иране. Несмотря на отмеченные выше пробелы и недостатки, данный труд следует приветствовать как первый в иранской историографии опыт разработки аграрной истории страны.

*И. П. Петрушевский*

---

*E. CAMILAR. Împărăţia soarelui.* Bucureşti, ESPLA, 1955, 402 p.

Книга известного румынского писателя лауреата Государственной премии Эусебиу Камилара «Империя солнца» знакомит читателя с большим историческим, литературным, этнографическим материалом, который был собран автором во время его поездки в Китайскую Народную Республику осенью 1954 г. Румынская критика высоко оценила эту работу.

Автор поставил перед собой две задачи: показать историю и культуру Китая без того мистического, полуфантастического налета, который был присущ работам буржуазной ориенталистики, а также истоки силы и талантов народа, осуществляющего социалистическое переустройство страны. Он рассказывает также о том, как живет в настоящее время китайский народ — наследник и хранитель тысячелетней культуры.

Описания путешествия перемежаются с текстами китайской народной поэзии и прозы.

Материалы новейшего китайского фольклора, собранные автором, являются ценным вкладом в изучение китайской культуры, а произведения по социальной тематике, созданные в прошлом, явились для Э. Камилара интересным историческим источ-

---

[17] «*На 'им-ад-дин*] *Низари*. Дастӯр-нӑме. «Восточный сборник Ленингр. Гос. публичной библиотеки», I, стр. 58, 61, 63, 67—68 (перс. текст), стр. 88, 91, 93, 97—98 (рус. пер. Е. Э. Бертельса).

[18] Джами '-ат-тавӑрӣх». Стамбульская рукопись Реван-киоск, № 1518 (фотокопия Института востоковедения АН СССР), л. 663; «Сборник летописей», т. III (рус. пер. А. К. Арендса), М. Изд-во АН СССР, 1946, стр. 295—296.

[19] «Джами '-ат-тавӑрӣх», л. 673, 675, 678; «Сборник летописей», т. III, стр. 308—310.

[20] «Джами '-ат-тавӑрӣх», л. 606, 681; «Сборник летописей», т. III, стр. 226—227, 308—310.



ником. Характеристики китайских исторических памятников сочетаются с экскурсами в историю румынско-китайских исторических связей. Значительный вклад в укрепление этих связей сделал на рубеже XVII—XVIII вв. Николай Милеску (Спафарий) (1636—1708)— выдающийся молдавский ученый и государственный деятель, долгое время находившийся на русской службе и совершивший в составе посольства поездку в Пекин. Работы Милеску в Румынии изучаются и переиздаются. В прошлом году вышла из печати посвященная ему большая историческая хроника.

На большом фактическом материале Камилар показывает борьбу за строительство нового Китая. Автор описывает мероприятия по борьбе с наводнениями, проведенные в 1950—1956 гг. народным правительством. Читатель получает представление об огромной работе, с которой не может сравниться все то, что было сделано по борьбе с наводнениями за всю предшествующую многовековую историю страны. Интересны также описания промышленных районов Севера и сельскохозяйственных районов Юга страны.

Значение книги Э. Камилара заключается в том, что она представляет собой яркое описание жизни народного Китая, принадлежащее перу нашего современника — представителя народа, который с успехом строит социализм в своей стране. Работа Э. Камилара является также вкладом в развитие дружественных румыно-китайских связей.

«Новый Китай, Китай, который пробуждается к другой жизни, является героем книги Камилара»,— отметила румынская критика.И это обстоятельство в сочетании с высокими литературными достоинствами очерков ставит книгу Камилара в ряд тех интересных, серьезных работ, которые знакомят читателя с историей и жизнью великого китайского народа.

Книга издана в Румынии массовым тиражом и рассчитана на широкие круги румынских читателей.

*Е. И. Спиваковский*

---

*S. SEPTEL. Tevfik Fikret ideolojisi ve felsefesi.* Istanbul, 1946, 152 s.

В 1946 г. в Турции вышла в свет книга, судьба которой оказалась необычной[1]: почти все ее экземпляры были немедленно изъяты (сожжены), а на автора обрушились жестокие репрессии. Чем же вызвали такое враждебное отношение к себе автор книги журналистка Сертель и поэт Фикрет, которому была посвящена эта книга?

Крупнейший демократический поэт Турции Тевфик Фикрет родился в 1867 г. в Стамбуле в семье государственного служащего. По окончании стамбульского лицея «Галатасарай» он служил в ряде государственных учреждений и занимался преподавательской деятельностью. С 1906 г. Фикрет начал сотрудничать в ведущем литературном журнале столицы «Сервети-Фюнун» и вскоре стал его редактором. Писать он начал еще в юношеские годы и уже первыми стихами обратил на себя внимание литературной общественности.

Литературная деятельность Фикрета началась в мрачные годы царствования султана Абдул-Хамида, в годы жесточайшего террора в стране и гонений на передовую общественную мысль, искусство, науку. Ряд стихов Фикрета, собранных позднее в сборник «Разбитая лютня» (Rübabi Şikeste), отражает общие для литературы этого периода настроения пессимизма, бессильного отчаяния, тоски по несбыточным идеалам прекрасного, справедливого, разумного.

Однако уже в то время Фикрет в числе немногих возвысил голос против деспотизма и тирании. В стихотворении «Туман» (Sis) он аллегорически сравнивает ядовитую ат-

---

[1] В Советский Союз книга попала только в 1955 г.

мосферу своего времени с туманом, нависшим над Стамбулом. Стихи «Миг промедления» (Bir Lâhzeyi teahhür) полны горьких сетований по поводу неудачного покушения на султана. Свою веру в грядущую революцию поэт отразил в стихотворении «Когда наступит утро» (Sabah olursa), написанном в 1905 г., очевидно, под влиянием событий первой русской революции.

После турецкой революции 1908 г., не разрешившей ни одной из задач буржуазно-демократического преобразования страны и глубоко разочаровавшей передовую общественность Турции, характер творчества Фикрета меняется. Его произведения уже полностью пронизаны обличительными гражданскими мотивами. В своих нашумевших стихах «Пиршественный стол» (Hâni Yağma) и других он клеймит политику правительства. Судьба родины всегда волновала Фикрета. Он с болью в душе писал об ее страданиях и мечтал об ее светлом будущем. Много прекрасных стихов на эту тему включает его сборник «Тетрадь Халюка» (Halükun defteri).

Фикрет первым в истории турецкой литературы выступил с проповедью атеизма. Он обвинял во лжи и обмане мусульманское духовенство, высмеивал его невежественное суеверие. В знаменитой поэме «Древняя история» (Tarihi Kadîm, 1905 г.) поэт отвергает религию, противопоставляя ей материалистический взгляд на жизнь и веру в человеческий разум.

Творчество и мировоззрение поэта постоянно являлись предметом ожесточенных споров и толкований в Турции. Они вызывали к себе самое различное отношение: восхищение у одних, ненависть у других. О причинах этого и пишет подробно в своей книге С. Сертель, в разгар очередной «антификретовской кампании» выступившая в защиту демократических идей и взглядов поэта. Но прежде чем рассмотреть содержание этой книги, скажем немного об ее авторе, о котором у нас знают очень мало.

С. Сертель родилась в 1897 г. в Салониках. Получив среднее образование в Турции, она окончила затем Колумбийский университет. Начался период самостоятельной жизни. Нужно было определить свое место: спокойное, безмятежное существование или трудная дорога исканий и борьбы. Сабиха Сертель, не колеблясь, выбрала последнее. И началась жизнь, целиком посвященная обществу, прогрессивным идеям.

Очевидец крупнейших событий, перемен во внешней и внутренней обстановке Турции, Сабиха Сертель никогда не остается безучастной ни к судьбе своей страны, ни к положению своего народа, ни к событиям, происходящим в мире. Вместе со своим мужем, другом — прогрессивным деятелем Зекерией Сертелем, она неустанно ведет большую и полезную журналистскую работу, участвует в издании ряда прогрессивных демократических газет и журналов, из которых особенно важную роль играла газета «Тан» (начала выходить с 1935 г.). На протяжении ряда лет «Тан» освещала на своих страницах вопросы, волновавшие передовую турецкую общественность, в частности положение трудящихся Турции, выступала с критикой антинародной политики правительства, вела борьбу с реакционными течениями в общественной мысли, науке, искусстве. В этой работе требовались большое мужество и большая принципиальность, ибо в предвоенные годы, а особенно в годы второй мировой войны, в Турции усилились репрессии по отношению к лицам, осмеливавшимся выражать свое мнение по поводу происходивших за рубежом и в самой Турции событий. Трудно пришлось в Турции тем газетам (в первую очередь «Тан»), которые выражали сочувствие героически боровшемуся советскому народу. За строки, подобные следующим: «Красная Армия не будет разбита и Советская страна не станет на колени перед фашистской Германией», газета «Тан» была объявлена «московским агентом». Против Сертелей грубо и злобно выступали турецкие газеты реакционного толка, на них помещались оскорбительные карикатуры в журналах. Определенные круги инсинуировали выступления «турецкой молодежи»— фашиствующих юношей, демонстрировавших свое «национальное самосознание» битьем стекол, разгромом помещения редакции «Тан» и пр.

Гонению реакции Сертели подверглись и за выступление, в котором они разоблачали пантюркистов, развивших активную деятельность в Турции в период второй



мировой войны. За опубликование ряда статей «Тан» была закрыта на несколько месяцев. Затем последовали суды над Сертелями, в том числе и суд за выступление в защиту демократических традиций Тевфика Фикрета. 4 декабря 1945 г. типография «Тан» была разгромлена.

Инициаторы всех этих репрессий и погромов намеревались подвергнуть Сертелей позорной процедуре — провезти на осле по городу, окрашенными с ног до головы красной краской, а затем линчевать их. Чтобы избежать суда линча Сертели вынуждены были покинуть пределы Турции.

* * *

Книга С. Сертель состоит из трех разделов: 1) эпоха, в которую жил Фикрет, 2) идеология Фикрета, 3) философия Фикрета. В небольшом предисловии автор рассказывает об обстоятельствах, при которых она выступила в защиту памяти лучшего демократического писателя Турции конца XIX и начала XX в.— Тевфика Фикрета.

В 1940 г. газета «Ени Сабах» поместила анкету о Тевфике Фикрете. Этим воспользовались отдельные турецкие литераторы, чтобы под предлогом критики свободомыслия и революционности покойного поэта насаждать свои реакционные взгляды. В ответ на это С. Сертель опубликовала в газете «Тан» ряд статей: «Подстрекатели», «Не собираются ли Фикрета сделать флагом для реакции?», «Молодежь и Фикрет».

За эти статьи газета «Ени Сабах» начала против С. Сертель судебное дело. Это и побудило Сертель заняться обстоятельным изучением всего философского и социального мировоззрения Фикрета, вызывавшего столько резких нападок. «Я увидела,— пишет Сертель,— что Фикрет не только новатор в турецкой литературе, но что он занимает особое место и в области общественной мысли и философии, возвышающее его над идеологией своего времени». Сабиха Сертель указывает, что именно за свои передовые идеи Тевфик Фикрет подвергался преследованиям со стороны реакционеров.

Раньше нападки на Фикрета шли по двум линиям: со стороны расистов, использовавших турецкий национализм для экономических и политических целей, и со стороны богословов, врагов всего нового, научно-передового, свободного. Новым нападкам, подчеркивает Сертель, Фикрет подвергся в Турции 1940 г., т. е. в Турецкой Республике, в конституции которой провозглашены свобода совести, отделение религии от государства. «Итак, Фикрет,— пишет автор,— через двадцать четыре года после своей смерти был извлечен на сцену как повод для защиты реакционных, фашистских идеологий и опорочения революции. Турецкая молодежь разделилась на две группы... И как много юношей, приверженцев революции и идеологии Ататюрка, попало в эту ловушку туркизма, ловушку фашизма и реакции!»

«Я тоже волею случая,— указывает Сабиха Сертель,— вмешалась в этот спор... Я вначале вступила в него, еще не представляя себе всей его важности и значения. Когда меня привлекли к суду, то во время подготовки к защите я поняла, что этот спор означает идеологическую борьбу в масштабах нашей страны. В своей позднее опубликованной защитительной речи на суде я написала, что нужно объяснить турецкой молодежи смысл этого процесса, и обещала сделать это... И вот я публикую эту книгу, чтобы сдержать свое слово. Я в ней не останавливалась на литературной ценности творчества Тевфика Фикрета и на его личности как художника. Это задача литературоведов. Я лишь пыталась дать анализ периода, в который жил Фикрет, и анализ его идеологии и философии».

В первом разделе — «Эпоха, когда жил Фикрет»— Сабиха Сертель отмечает два периода: до и после 1908 г. Характеризуя первый период, автор показывает то общее, что было у Фикрета с выдающимися литераторами того времени, отмечает роль объединявшего их крупнейшего литературного журнала того времени «Сервети-Фюнун». Их объединяла борьба с феодально-мусульманской культурой, борьба за новую, буржуазную, культуру и литературу, за новые темы и художественные формы и новый литературный язык.

Вместе с тем автор убедительно раскрывает индивидуальное своеобразие поэтического таланта Фикрета, показывая, насколько он был выше, прогрессивнее других, пусть талантливых, своих современников. В мрачный период султанского деспотизма Фикрет был единственным поэтом, который выступил с гневными обличающими стихами.

Все дальнейшее творчество поэта после глубоко разочаровавшей его младотурецкой революции являлось отражением идей, чувств и мыслей передовой турецкой интеллигенции.

Сабиха Сертель раскрывает основные черты идеологии Фикрета. Указав, что клеветнические утверждения об «отсутствии у него патриотизма и национального чувства» ведут свое начало еще с 1908 г.— от пантюркистов-расистов, усердно искажавших понятие «нация», Сабиха пишет: «Фикрет, преданный всем своим существом, мыслями своей стране, конечно, не был патриотом в понимании некоторых людей своего времени. Он остался чуждым стремлениям буржуазии 1908 г. ... чуждым ее расовому национализму. Он никогда не принимал положения пантюркистов «Поход на Туран»».

«Фикрет был противником той формы национализма,— указывает дальше Сертель,— которая ради экономических и политических выгод отдельных групп сеяла ненависть между людьми и нациями...Он был сторонником такого общества, где все люди были бы равны, имели бы одинаковые человеческие и гражданские права».

Если взгляды Фикрета, направленные против расовых и агрессивных лозунгов, вызывали бешеные нападки пантюркистов, а его стихи, обличавшие антинародную политику младотурецкого правительства, навлекали на него всевозможные гонения со стороны правящих кругов, то как на автора поэмы «Древняя история» (Tarihi Kadîm) на него обрушились и мусульманские богословы.

Сабиха Сертель подробно останавливается на истории развития прогрессивной философской мысли Запада, оказавшей влияние на развитие общественной мысли в странах Востока, в частности в Турции. Она указывает и на ту своеобразную среду, с которой сталкивалось это влияние, определившуюся историческими условиями, общей экономической, социальной и культурной отсталостью Турции. Она убедительно и научно обоснованно показывает, как привились в Турции в первой половине XIX в. просветительные идеи Великой Французской революции и какое значительное влияние на общественную мысль Турции второй половины XIX в. оказали теории утопического социализма Сен-Симона, Фурье и Оуэна.

Анализируя философские воззрения Фикрета, С. Сертель считает, что он стоял на позициях домарксистской материалистической философии, оставаясь идеалистом во взглядах на явления общественной жизни. Фикрет, пишет автор, не понимал глубоких внутренних законов развития общества, причин социальных несчастий, причин войн. В частности, в объяснение войн (а их было много в период жизни Фикрета) он вкладывал идеалистические понятия. По его мнению, войны вызывались алчностью, честолюбием отдельных групп, религиозной рознью.

Фикрет не видел классового деления общества. «Считая себя представителем не определенного класса, а представителем человечества, он так и не объяснил, как же общечеловеческие права будут осуществлены в Турции». «Отсюда он не мог правильно ответить ни на вопрос «почему», ни на вопрос «как действовать»».

В заключение С. Сертель подробно останавливается на том, какую оценку получило творчество Фикрета в наши дни, какие большие споры идут вокруг его имени. При этом она обращает внимание на то обстоятельство, что выступления против Фикрета возобновляются именно в периоды усиления реакции.

«Когда сторонники фашистской идеологии в Турции ищут символ, на который можно было бы обрушиться, символ демократизма, революционности, то обычно они избирают крупных деятелей танзиматских реформ, революции 1908 года и даже героев национально-освободительной войны. Тот факт, что и сегодня таким нападкам подверглись деятели эпохи танзимата Ататюрк и Фикрет, является результатом борьбы реакции с передовой мыслью» (стр. 146).



* * *

Значение книги С. Сертель нельзя переоценить. Прежде всего это первая работа о Фикрете, написанная в таком плане. Обычно он изучался только литературоведами, а в оценке его мировоззрения было много различных противоречивых, субъективных суждений, не удовлетворявших требованиям последовательно-научного анализа. Было много путаницы и искажений при разборе важнейших черт идеологии Фикрета, его атеизма, патриотизма, национализма, антимилитаризма.

Сабиха Сертель, подвергая глубокому анализу социальные и философские произведения поэта, вносит много нового, научно правильного в толкование их содержания. Анализ творчества и мировоззрения Фикрета проводится на широком историческом социальном фоне. С. Сертель знакомит читателя с основными философскими течениями на Западе, в известной мере влиявшими на мировоззрение турецких интеллигентов.

Книга С. Сертель имеет не только большое познавательное значение— это первая попытка в турецком литературоведении дать анализ творчества писателя и целого литературного течения Турции начала XX в. на основе марксистского метода. При этом автор приводит определения тех или иных философских категорий, помогает турецким читателям правильно понять многие положения из произведений классиков марксизма-ленинизма. Это обстоятельство очень важно, если иметь в виду, что марксистское учение в Турции всегда крайне искажалось в книгах многих турецких ученых.

Обо всем этом следует помнить при чтении книги Сабихи Сертель, тогда станут понятными некоторая растянутость изложения, большие экскурсы в область общих философских вопросов и повторения, казалось бы, уже известных положений. В целом же книга Сертель является нужным и полезным трудом.

*Л. О. Алькаева*

69

## СОДЕРЖАНИЕ

*СТАТЬИ*


*А. А. Губер.* Глубоко и всесторонне изучать кризис и распад колониальной системы империализма . . . . . 3
*А. П. Бутенко.* Китайская революция и ее особенности . . . . . 15
*Е. П. Мышкин.* Положение рабочего класса в Японии (1945—1954) . . . . . 34
*А. А. Семенов.* Культурный уровень первых шейбанидов . . . . . 51
*Л. С. Переломов.* Крестьянское восстание в Китае в 209—208 гг. до н. э. . . 60
*Н. Т. Федоренко.* О творчестве Ай Цина . . . . . 76
*Л. Р. Зиндер.* Гласные корейского языка . . . . . 91
*И. Н. Гальцев.* К проекту фонетического алфавита китайского языка. . . . . 104


*ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ*


*С. И. Ходжаш.* К вопросу о связи искусства древнего Египта с искусством Передней Азии. . . . . 109


*СООБЩЕНИЯ*


*М. Ф. Гатауллин* и *М. В. Малюковский.* Египетская Республика на пути к экономической независимости . . . . . 119
*Д. И. Юсупов.* Омар Фахури — выдающийся арабский писатель . . . . . 130
*Б. Л. Кандель.* О первом переводе комедий М. Ф. Ахундова на немецкий язык 138


*НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ*


*Д. Р. Вобликов.* Дискуссия о периодизации истории стран Востока . . . . . 141
*Л. Згуста.* Деятельность Института востоковедения Чехословацкой Академии наук . . . . . 147


*КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ*


*Л. А. Липин.* Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. . . . . 150
*Г. В. Ефимов.* Фань Вэнь-лань. Новая история Китая . . . . . 158
*Б. В. Поспелов.* Из истории общественной мысли в Японии . . . . . 165
*А. Ф. Султанов.* Абд-ур Разик Мухаммед Хасан. Кризис экономики Египта . 174
*А. П. Орешников.* Экономическое развитие Среднего Востока с 1945 по 1954 год 176
*И. П. Петрушевский.* Таги Бахрами. История земледелия в Иране . . . . . 182
*Е. И. Спиваковский.* E. Camilar. Împărăţia soarelui . . . . . 186
*Л. О. Алькаева.* S. Sertel. Tevfik Fikret ideolojisi ve felsefesi . . . . . 187


---


РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),*
*Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. М. ДЬЯКОВ,*
*Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. И. ЛУКЬЯНОВА,*
*А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,*
*Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),*
*Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ.*



*Адрес редакции:* Москва, Армянский пер., 2, Тел. Б-1-61-23

Т-05336. Подписано к печати 13/VII—1956 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6
Печ. л. 16,44. Уч.-изд. листов 16,9. Заказ 368. Тираж 3450 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10